

ТАДЖИКСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

ОДИНАЕВА ШАРИФАМО НАЗРИМАДОВНА

**«ПЕРСИДСКО-ТАДЖИКСКИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ
ВОЗЗРЕНИЯ В ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ «ANJUMANĀRĀ-E NĀSIRĪ» И
ИХ СРАВНЕНИЕ С «FARHANG-E JAHĀNGIRĪ»»**

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата филологических наук
по специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран
(персидский язык)

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Ходжаев Д.

ДУШАНБЕ – 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ИЗ ИСТОРИИ ПЕРСИДСКО-ТАДЖИКСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ И ТРАДИЦИИ ГРАММАТИЧЕСКОГО ТОЛКОВАНИЯ В НИХ	15
1.1. Краткий обзор истории персидско-таджикской лексикографии.....	15
1.2. Традиция грамматического толкования в толковых словарях.....	27
1.3. Основы и источники составления толкового словаря «Anjumanārā-e Nāsirī» Резакулихана Хидаята.....	35
ГЛАВА II. АНАЛИЗ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ВОПРОСОВ В ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ «ANJUMANĀRĀ-E NĀSIRĪ»	46
2.1. Фонетический анализ в толковом словаре «Anjumanārā-e Nāsirī»	46
2.2. Лексический анализ в толковом словаре «Anjumanārā-e Nāsirī»	58
2.3. Морфологический анализ в толковом словаре «Anjumanārā-e Nāsirī».....	70
2.4. Синтаксический анализ в толковом словаре «Anjumanārā-e Nāsirī».....	135
ГЛАВА III. СРАВНЕНИЕ КОМЕНТАРИЕВ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ВОПРОСОВ ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ «ANJUMANĀRĀ-E NĀSIRĪ» С «FARHANG-E JAHĀNGIRĪ»	154
3.1. Общие вопросы.....	154
3.2. Общности и различия в разделе фонетических толкований.....	159
3.3. Общности и различия в разделе лексических толкований.....	166
3.4. Общности и различия в разделе морфологических толкований.....	169
3.5. Общности и различия в разделе синтаксических толкований.....	184
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	189
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	194

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Французский философ Вольтер сказал: «Словарь – это Вселенная в алфавитном порядке» [17, 262]. Любой толковый словарь в той или иной степени отражает уровень развития грамматической системы и богатство лексического состава того или иного национального языка в определенный исторический период. Таджикский язык имеет тысячелетнюю лексикографическую традицию, начиная с средневековых трактатов, посвященных поэтическому языку, и заканчивая онлайн-словарями и мобильными приложениями современной эпохи. Для определения общих и специфических особенностей литературного языка и развития языковедческой мысли в каждом историческом периоде исследование языковых явлений в области лексикографии и грамматических комментариев в толковых словарях является очень важным, поскольку толковые словари воплощают своеобразие языка, быта и национальной культуры в определенный исторический период. Особое значение в этом ракурсе приобретает сопоставительный анализ лингвистического содержания толковых словарей персидско-таджикского языка, написанные в разные исторические периоды и в разные регионы распространения данного языка, служившего языком делопроизводства и международного общения в пределах средневекового мусульманского мира наравне с арабским языком. С этой точки зрения, в современном таджикском языкознании изучению толковых словарей уделяется особое внимание. Хотя большинство толковых словарей, составленных в Средневековье и в Новое Время, уже рассмотрены в научной литературе, однако с лингвистической точки зрения ценность некоторых из них до сих пор остается за рамками обширных научных исследований. К числу таких толковых словарей относятся «Anjumanāgā-e Nāsirī» Резакулихана Хидаята. Всестороннее сопоставительное исследование грамматического содержания этого словаря способствует определению особенностей эволюции и развития персидско-таджикской языковедческой мысли второй половины XIX века.

Степень изученности темы. Проблема изучения толковых словарей считается одной из важных и актуальных тем лингвистической науки. Исследование данной темы имеет давнюю историю, являясь объектом внимания ученых и исследователей в области языкознания как в западных научно-филологических кругах, так и в восточных научно-исследовательских центрах. Иранские и таджикские исследователи-лингвисты по различным аспектам указанной темы, в том числе по структуре, содержанию, функциям и различным особенностям толковых словарей, выполнили огромную научную работу, о чем свидетельствует большое количество диссертаций, монографий и статей, опубликованных в Иране и Таджикистане.

Отчасти лингвистические особенности толкового словаря «*Farhang-e Jahāngirī*» в значительной степени исследованы в монографиях и статьях иранских и таджикских исследователей. Так, в монографии иранского ученого Садека Кия рассматриваются арабские слова «*Farhang-e Jahāngirī*» и «*Burhān-e qāṭi*» [159]. Производное слово *mu'arrab* интерпретируется автором данной работы в терминологическом значении и обозначает слова, принятые в арабский язык из другого языка в оригинальной или измененной форме.

Иранский исследователь Айран Абди в своей статье «*Barrasīe Farhang-e Jahāngirī*» (Анализ «*Farhang-e Jahāngirī*») [152] кратко, но содержательно анализирует лингвистические и лексикологические особенности данного источника и заключает, что персидская лингвистика и лексикография пережила тернистый путь эволюции и развития, благодаря правильной записи слов, терминов и утверждений, а также исторического хода эволюции и развития слов, авторы толковых словарей скорректировали грамматику и способствовали обновлению лингвистической науки новыми знаниями и научными методами в целях правильного и научно-обоснованного составления толковых словарей.

Сейидмухаммад Дабирсаёки, другой иранский исследователь в своей книге «*Farhanghā-e fārsī va farhanggunahā*» (Персидские словари и схожие на

словари) [93] даёт общую историческую и лингвистическую характеристику персидской лексикографии и высоко оценивает заслугу авторов «Farhang-e Jahāngirī» и других толковых словарей, составленных в Индии в развитии персидской лингвистики и лексикографии.

В статье иранского исследователя Саид Махдевифара анализируются стихи Хакани Ширвани, использованные автором «Farhang-e Jahāngirī» в качестве шавахид (аргумента, свидетельства) при выявлении и объяснении тех или иных определенных слов [171].

Иранские исследователи Бахман Афшани Агаджури и Абулкасим Родфар в статье «Naqde bar farhang-e «Anjumanārā-e Nāsirī»» (Критика словаря «Anjumanārā-e Nāsirī») [151] рассматривая соотношение данного словаря с «Farhang-e Jahāngirī» и другими толковыми словарями, утверждают, что основным источником «Anjumanārā-e Nāsirī» являлся «Farhang-e Jahāngirī», но в то же время пишут, что Резакулихан Хидаят относился к трудам своих предшественников критически и старался выявить и исправить в своей работе ошибки, которых обнаруживал в их грамматических разъяснениях и составленных ими толковых словарях.

Кстати, Бахман Афшани, «Anjumanārā-e Nāsirī» в трех томах в объеме 2576 страниц был издан в Иране в 1397 году х. после критического редактирования, осуществленного со стороны Бахмана Афшани, одним из авторов вышеупомянутой статьи [89].

Из числа других статей, посвященных толковому словарю «Anjumanārā-e Nāsirī» можно отметить статью Сайида Наргис Ризаи «Mu‘arrifī wa naqde usūle farhangnavisī» (Ознакомление и критика метода лексикографии) [163], где автор, характеризуя методику составления толкового словаря «Anjumanārā-e Nāsirī», и отмечает, что Резакулихан Хидаят как во введении, так и в основной части своего словаря особое внимание уделял вопросам этимологии слов и обсуждал, примерно, этимологию 20% слов, включенных в «Anjumanārā-e Nāsirī». Значительная часть этимологических суждений автора «Anjumanārā-e Nāsirī» касаются

арабским, сирийским, пехлевийским словам, вошедшие в персидский лексикон в оригинальной, либо измененной форме.

В современной науке таджикского языкознания традиция научного исследования толковых словарей началась еще в советское время, а некоторые толковые словари персидско-таджикского языка, такие как: «Lughat-e Furs» Асади Туси, «Farhang-e Jahāngirī» Хусейна Инджу, «Farhang-e Rashīdī» Абдуллашида Таттави, «Ghiyāth-ul-lughāt» Мухаммада Гиёсуддина, «Burhān-e qāṭi‘» Мухаммада Хусейна Бурхана и другие еще в тот период стали предметом исследований специалистов языковедения. Отчасти, словарю Асади Туси посвящен специальный труд известного ученого-лингвиста В.А. Капранова «Лугати фурс Асади Туси и его роль в истории таджикской лексикографии» [23]. Этот же ученый в другой своей работе описывает историю таджикской лексикографии в Индии в XVI-XIX вв. [22]. Таджикский ученый Х.С. Рауфов в своей научной монографии «Фарханги Джахангири» как источник таджикской персидской лексикографии» [42] анализируя лингвистические аспекты толкового словаря «Farhang-e Jahāngirī», служившего основным источником для «Anjumanārā-e Nāsirī» и многих других персидско-таджикских словарей, появляющиеся в последующие периоды как в Индии, так и в Иране и Средней Азии, достаточно убедительно доказал роль этого словаря в эволюции и развитии таджикской лексикографии. Некоторые общие вопросы истории таджикского языкознания и лексикографии, прямо или косвенно связанные с темой нашего исследования, обсуждены и освещены в статьях и монографиях других таджикских и российских исследователей [42]. Кроме того, в советское время были изданы многотомный труд под названием «Таджикская советская энциклопедия», трехтомная академическая книга «Грамматика современного таджикского литературного языка», научно-методические и иные пособия по исследованию и преподаванию таджикского языка, которые способствуют обеспечению подлинности, развитию, совершенствованию, и адаптации нашего национального языка к требованиям и запросам

современной эпохи, а также защищают и сохраняют его от нежелательных культурных воздействий и последствий распространения процессов глобализации. Научные труды языкознания таджикской советской эпохи являются результатом усилий десятков таджикских ученых и исследователей того времени. В этих трудах объяснено большинство общих и отраслевых слов, словосочетаний и терминов современного таджикского научного и литературного языка. После принятия закона о языке и обретения государственного статуса таджикским языком, таджикская лингвистическая наука вступила в новый этап своего развития. В этот период, наряду с исследованием, редактированием и публикацией толковых словарей предков, а также публикацией нового толкового словаря таджикского языка, были изданы толковые словари слов и словосочетаний и отраслевых терминов таджикского языка, научные статьи и монографии, различные пособия по обучению таджикскому языку, и этот процесс продолжается и сегодня. Вся работа, проводимая в этом направлении, направлена на сохранение самобытности и развитие нашего национального языка.

Следует признать, что инициатором и реальным предводителем традиции исследования и совершенствования таджикского языка в период независимости нашей страны является Президент Республики Таджикистан, уважаемый Эмомали Рахмон. Доказательством этих слов является недавно изданный его двухтомный труд под названием «Забони миллат – ҳастии миллат (Язык нации – бытие нации)», в котором очень глубоко и привлекательно, с использованием достоверных источников и современной научной литературы исследована и рассмотрена богатая история становления и совершенствования национального языка таджиков с древнейших времен до современности.

Отечественные ученые, такие как В.А. Капранов, Х. Рауфов, Б. Ниёзмухаммадов, Д.Т. Тоджиев, Н. Маъсуми, М.Н. Косимова, Ф. Зикриёев, Ш. Рустамов, С. Гаффоров, Т.Н. Хаскашев, Д. Саймиддинов, П. Джамшедов, С. Сулаймонов, Д. Ходжаев, А. Мамадназаров, Х. Маджидов, С. Назарзода и

другие написали диссертации и многочисленные статьи по различным вопросам истории, грамматики и лексикографии персидско-таджикского языка, которые служат научно-теоретической основой для исследования проблем таджикского языкознания. Однако, несмотря на обилие научных трудов по истории персидско-таджикской грамматики и лексикографии, написанных отечественными и зарубежными учеными, основной вопрос нашего исследования - вопрос о сопоставительном анализе лингвистического содержания и лексических особенностей «Farhang-e Jahāngirī» и «Anjumanāgā-e Nāsirī» все ещё находится за пределами научного освещения. В то время, как анализ этого вопроса способствует не только освещению схожестей и различий и причинно-следственную взаимосвязь этих толковых словарей, написанных в разные периоды, но также выявлению закономерностей преемственного развития грамматики и лексикографии персидско-таджикского языка в разные периоды и разных регионах его распространения. Наша работа является одной из первых шагов в целях восполнения данного пробела в таджикском языкознании.

Связь темы диссертационного исследования с разделами, программами и долгосрочными научно-исследовательскими проектами. Исследуемые вопросы напрямую связаны с программами и темами научных исследований, а их результаты и выводы могут быть использованы при разработке и совершенствовании научных и учебных программ. Диссертация выполнена в рамках плана научно-исследовательской работы факультета языков Азии и Европы Таджикского национального университета.

Цель и задачи исследования. Основной целью диссертационного исследования является всесторонний сопоставительный анализ лингвистического содержания толкового словаря «Anjumanāgā-e Nāsirī» Резакулихана Хидаята и его основного источника «Farhang-e Jahāngirī» и в этом контексте, определение ценности данных работ в развитии грамматики и лексикографии современного таджикского литературного языка.

Для достижения поставленной цели в рамках диссертационного исследования были определены следующие задачи:

- осуществить краткий анализ истории персидско-таджикской лексикографии и формирования традиции грамматического толкования в персидско-таджикских толковых словарях;
- выявить и характеризовать источники составления толкового словаря «Anjumanārā-e Nāsirī» Резакулихана Хидаята;
- комплексное исследование лингвистических вопросов в толковом словаре «Anjumanārā-e Nāsirī»;
- детальный сопоставительный анализ фонетических, лексических, морфологических и синтаксических объяснений в толковых словарях «Anjumanārā-e Nāsirī» и «Farhang-e Jahāngirī», выявить их общности и различия;
- рассмотрение научных лингвистических терминов толкового словаря «Anjumanārā-e Nāsirī» и проблемы их использования в современном персидско-таджикском языке;
- выявление теоретического и практического значения толкового словаря «Anjumanārā-e Nāsirī»;
- анализ и определение пособнической роли толкового словаря «Anjumanārā-e Nāsirī» в процессе обучения персидско-таджикскому языку;
- определение научно-практической ценности толкового словаря «Anjumanārā-e Nāsirī» в развитии персидско-таджикской лингвистической мысли.

Объектом исследования является история лексикографии и использования опыта научного толкования в толковых словарях персидско-таджикского языка на примере толковых словарей «Anjumanārā-e Nāsirī» и «Farhang-e Jahāngirī».

Предметом исследования являются вопросы грамматики и лексикографии персидско-таджикского языка в толковом словаре «Anjumanārā-e Nāsirī».

Научная новизна исследования. В диссертации впервые в современном таджикском языкознании было подвергнуто комплексному исследованию научное объяснение толкового словаря «Anjumanāgā-e Nāsirī» Резакулихана Хидаята и осуществлено его сопоставление с «Farhang-e Jahāngirī». Данная исследовательская работа является первой попыткой, направленной на определение ценности толкового словаря «Anjumanāgā-e Nāsirī» как одного из источников развития научной теории персидско-таджикского языка.

Теоретико-практическая значимость исследования выражается в том, что в диссертации обсуждаются некоторые важные вопросы, связанные с особенностями научного толкования в толковых словарях классического персидско-таджикского языка на примере толкового словаря «Anjumanāgā-e Nāsirī». Разработка темы диссертации имеет большое значение для решения ряда общеисторических вопросов литературных персидского и таджикского языков, вопросов исторического описания языка, а также научных и лексикографических проблем. Теоретическая значимость исследования проявляется в том, что результаты научных исследований могут быть использованы как важный и необходимый теоретический материал при изучении истории теорий и учений таджикского языкознания, а также при изучении истории становления и развития таджикского языкознания.

Практическая значимость исследования проявляется в том, что его результаты могут быть использованы в практике лексикографии, при подготовке специальных толковых словарей. Мысли, мнения и факты, содержащиеся в данной диссертации, способствуют повышению интереса лингвистов и исследователей к изучению вопросов истории таджикского языка. Практические предложения и рекомендации диссертационного исследования могут быть использованы при подготовке учебных пособий по истории лексикографии таджикского языка, специальных курсов и семинаров по грамматике и лексикографии таджикского языка.

Методы исследования. В диссертационной работе использовались описательные методы, сопоставительный анализ, структурно-семантический анализ. Также для подтверждения и выявления некоторых закономерностей языковых явлений и событий использованы методы стилистического анализа, композиционного анализа семантической структуры слов.

Теоретико-методологические основы исследования составили фундаментальные труды отечественных и зарубежных лингвистов, таких как Л.В. Щерба, В.В. Виноградов, С.И. Ожегов, Л.С. Ковтун, В.С. Расторгуева, С.И. Баевский, Ю.А. Рубинчик, Саид Нафиси, А. Зарринкуб, В.А. Капранов, Б. Ниёзмухаммадов, Д.Т. Тоджиев, Н. Маъсуми, М.Н. Косимова, Ф. Зикриёев, С. Сулаймонов, Д. Ходжаев, Х. Маджидов, С. Назарзода, А. Мамадназаров и др.

Источники и материалы исследования. Основные теоретические источники исследования составляют фундаментальные труды учёных Таджикистана, России и Ирана, проводивших исследования по рассматриваемому вопросу. Также в исследовании, кроме толкового словаря «Anjumanārah-e Nāsiri», в качестве справочного материала использовались материалы «Farhang-e Jahāngiri», «Burhān-e qāfi», «Lughatnāma-e» Деххода и некоторых других толковых словарей.

Положения, выносимые на защиту:

1. Традиция разработки грамматики и написания толковых словарей персидско-таджикского языка, как и процесс формирования персидско-таджикского классического языка, начался непосредственно в Иране и в Средней Азии, в периоде расцвета государства Саманидов, периоде, который в действительности был золотым веком процветания всех составных компонентов и элементов таджикской материальной и духовной культуры. Затем данная традиция вместе с другими культурными и научными традициями персидско-таджикского народа была перенесена в Индию. Там она в течение нескольких веков преемственно развивалась, о чем

свидетельствуют появившиеся в свет в этом субконтиненте более 40 словарей персидско-таджикского языка.

2. «Anjumanāgā-e Nāsirī» считается последним толковым словарем персидско-таджикского языка, написанным в рамках классической лексикографической традиции. Автор словаря преимущественно следовал традициям авторов «Farhang-e Jahāngirī» и «Burhān-e qāṭi'», и в этом контексте снабдил свой толковый словарь грамматической частью в целях ознакомления пользователей и читателей своего труда с орфографией, правильным способом чтения и понимания значений слов.

3. Словарь «Anjumanāgā-e Nāsirī» имеет достаточно богатый лексико-грамматический материал, разделенный на двенадцать частей, который посвящен фонетическим, лексическим, морфологическим и синтаксическим вопросам персидско-таджикского языкознания.

4. Автор словаря рассматривает звуки как основной материал речи, делит их на гласные и согласные, и в то же время различает исконные 24 персидско-таджикские звуки от 8 арабских звуков, которые, по его мнению, в совокупности составляют 32 слова персидского алфавита.

5. Лексические объяснения словаря в основном включают анализ и объяснение исконных персидско-таджикских слов, также в отдельных случаях рассматриваются лексические особенности некоторых арабских, тюркских, греческих, индийских слов, использованные в том же смысле, что и их оригиналы.

6. Самая значимая часть грамматического раздела словаря «Anjumanāgā-e Nāsirī» посвящена вопросам морфологии. Автор словаря подробно анализирует наиболее употребляемые аффиксы и аффиксальные морфемы классического персидско-таджикского языка, которые сохранили свою роль и в современном таджикском литературном языке.

7. Синтаксические объяснения словаря «Anjumanāgā-e Nāsirī» охватывают структурные и семантические особенности словосочетаний и предложений, также традиционные правила и пути словообразования

персидско-таджикского языка. Автор словаря разделил предложения на следующие типы: именные, глагольные, обстоятельственные и условные предложения, причем предложений по смыслу разделил на повествовательные и сочинительные, а по качеству – на начальные, отрезанные, базовые, причинные, соединительные, акцидентальные, исходные, обстоятельственные; разделил дополнения на четыре вида: *maf'ūlun bihi* – **прямое дополнение**, *maf'ūlun fihi* – **обстоятельство времени или места**, *maf'ūlun lahu* – **обстоятельство причины или цели**, *maf'ūlun ta'ahu* – **обстоятельство сопроводительной связи**; анализировал и описал части речи, в том числе существительные, глаголы, местоимения, числительные, наречия, союзы и т.д.

8. Сравнительный анализ грамматических объяснений в словарях «Anjumanārā-e Nāsirī» и «Farhang-e Jahāngirī» показывает, что при наличии множество сходств, существуют также некоторые различия, проявляющиеся в основном в объяснении аффиксального словообразования имен существительных, глаголов и других именных частей речи, а также морфологии и семантики. При анализе указанных вопросов автор «Anjumanārā-e Nāsirī» комментируя взгляды автора «Farhang-e Jahāngirī» и авторов других словарей персидско-таджикского языка, в то же время указывает на существующие в них недостатки и пробелы, исправляет и дополняет их грамматические концепции новыми интересными грамматическими объяснениями, имеющими научно-практическое значение также для исследования вопросов грамматики современного таджикского литературного языка.

Личный вклад соискателя ученой степени. В ходе анализа и исследования автор диссертации рассмотрела ряд важных вопросов персидско-таджикского языкознания и лексикографии, в том числе историю грамматических и лексикографических теорий персидско-таджикского языка, толковые словари и их значение в развитии и совершенствовании персидско-таджикского литературного языка, традицию грамматических и

лексикографических комментариев в истории персидско-таджикского литературного языка, структуру и содержание толковых словарей и отражение лингвистических проблем в них на примере толкового словаря «Anjumanāgā-e Nāsiri» Резакулихана Хидаята. В рамках изучения темы показаны пути, средства и способы совершенствования грамматики и лексикографии современного персидско-таджикского литературного языка и развития опыта толковой лексикографии.

Апробация результатов исследования. Диссертация выполнена на кафедре арабской филологии факультета языков Азии и Европы Таджикского национального университета, обсуждена и представлена к защите на расширенном заседании указанной кафедры (Протокол №10 от 6 июня 2024г.). Основные научные результаты исследования были представлены автором на ежегодных международных и республиканских конференциях преподавателей и профессоров факультета языков Азии и Европы Таджикского национального университета.

Публикация научных результатов диссертации. Основные научные результаты и положения диссертации опубликованы в 5 научных статьях в рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, включающих двенадцать параграфов, заключения и списка использованной литературы. Общий объем диссертации составляет 205 страниц.

ГЛАВА I. ИЗ ИСТОРИИ ПЕРСИДСКО-ТАДЖИКСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ И ТРАДИЦИИ ГРАММАТИЧЕСКОГО ТОЛКОВАНИЯ В НИХ

1.1. Краткий обзор истории персидско-таджикской лексикографии

Начало истории формирования персидско-таджикской лексикографии уходит корнями еще до религии Ислама, когда центры цивилизации оседлых таджиков Хорасана и Мавераннахра были едиными с культурой и цивилизацией персоязычного населения других стран и регионов мира, включая Иран, Афганистан и Индию. Чрезмерное расширение и развитие персидско-таджикского языка, литературы и культуры началось во второй половине X века и продолжало развиваться до начала XX века.

Следует отметить, что лексикография является одним из важнейших разделов лингвистической науки и способствовала прогрессу и развитию других разделов языкознания. В IX-X веках не существовало ни словаря, ни труда, охватывающего все вопросы лингвистической науки. В самом X веке создание словарей было требованием времени. В этом столетии было написано несколько словарей, но, к сожалению, они не дошли до нашего времени. Одним из таких словарей является «Risāla-e Abūḥafs-e Sughdī», существовавший до начала XI века и упоминавшийся во многих источниках, однако не сохранившийся до наших дней. Другой толковый словарь, упоминаемый в исторических источниках, – это словарь «Tafāsīru fī lughat-il-furs» Катрона Табрези, в основе которого лежат «Lughat-e furs» Асади Туси и «Kashfu-ḡ-ḡunūn» Хаджи Халифы, однако древнейшим толковым словарем признается «Lughat-e furs» Асади Туси, составленный в XI веке и дошедший до нашего времени, автором которого является Абумансур Али ибн Ахмад Асади Туси [165, 2]. Указанный словарь содержит около 3500 слов и начинается с обратным алфавитным порядком, то есть с последней буквы алфавита.

Существуют несколько рукописей словаря Асади Туси, одна из которых находится в Библиотеке Ватикана. Написав эту книгу, Асади оказал персидско-таджикскому языку огромную услугу: помимо записи и определения слов, упомянул имена и стихи таких поэтов, как Абу Шакур Балхи, Шахид Балхи и Рудаки. Именно в этом словаре сохранились дошедшие до нас фрагменты некоторых литературных памятников, таких, как «Kalila wa Dimna» Рудаки, «Sindbādnāma» и «Vamiq wa Uzrā».

Словарь Асади Туси является лучшим древнейшим словарём персидско-таджикского языка благодаря точности интерпретации. Абу Наср Али ибн Ахмад Асади Туси является важной фигурой в истории иранской и таджикской литературы и по другой причине, он является автором эпического произведения «Garšāspnāma».

Как пишет Асади в предисловии «Lughat-e furs», он написал эту книгу для того, чтобы персидские поэты и писатели западных земель Ирана, не знакомые с некоторыми словами, употребляемыми в Хорасане и Мавараеннахре, могли с помощью этого словаря решить свои словарные проблемы. Этот словарь в основном предназначен для поэтов, поэтому порядок слов в этом словаре основан на их последней букве, и он был ценным ресурсом для поиска рифм для поэтов, особенно для тех, кто не имел достаточного знания персидского языка. «Lughat-e furs» Асади Туси было впервые опубликовано в Берлине немецким иранистом Паулем Хорном в 1897 году на основе копии, хранящейся в Ватиканской библиотеке и написанной в 733 году хиджры. Эта версия была единственной известной версией этой книги в то время. Позже из этой книги было получено еще четыре экземпляра. Аббас Икбал в своем издании этой книги в 1319 году использовал издание Хорна и три другие рукописи книги, а также упомянул еще одну версию, хранящуюся в библиотеке Индийского офиса. В издании, осуществленном в 1365 году стараниями доктора Фетхуллы Моджтабаи, были использованы также шесть других экземпляров этой книги [173].

Еще одним источником, в котором имеется ссылка на «Lughat-e furs» Асади Туси, является толковый словарь «Farhang-e Jahāngirī», составление которого относят к 1608 году [123, 2].

Все лингвистические произведения персидско-таджикского народа состоят из словарей, антологий и литературных произведений, предоставляющих сведения по лингвистическим вопросам. В этом контексте составлены толковые словари и словари, в которых слова либо в поэтической форме, либо объяснение многих слов из поэтической речи приведены в качестве примера, и каждый из них имеет свои особенности.

«Farrukhnāma-e Jamālī» является сочинением Абубакра Мутаххара ибн Абулкасима ибн Абусаъд Джамали, написанным в 1184 году. Эта книга состоит из 16 статей, каждая из которых состоит из отдельных глав. Автор приводит список слов в порядке последней буквы, затем дает пояснение, связанное с каждым словом в списке «вор». Общее число слов, каждому из которых автор дает пояснение, достигает 266 единиц [151, 11].

В XVI веке ряд персоязычных царей, правивших в Индии, установили персидско-таджикский язык в качестве языка придворных. Поэтому жителям территории Индии пришлось выучить этот язык. Одним из первых толковых словарей, написанных в Индии, является «Farhang-e Qavvās», сочинение Мубаракшаха Газневи, известного как Фахри Каввас или Фахр Камангар. Этот толковый словарь был написан в 1301 году, а автор являлся одним из великих повествователей эпохи Алауддина Халиджи (1296-1316 гг.), короля Индии. Слова в «Farhang-e Qavvās» собраны по теме, состоящей из пяти частей, и по этой причине ее также называют пятичастным словарём. Большинство слов в этом словаре взяты из словаря Асадии Туси «Lughat-e furs». В этом словаре имеется ряд измененных (орфографических) слов [165, 3].

«Şiḥāḥ-ul-furs» – второй толковый словарь, дошедший до нашего времени. Этот толковый словарь был написан Шамсудином Мухаммадом ибн Фахруддином Хиндушахом Нахджавани известным

как Шамси Мунши, в 1328 году, и автор собрал в нем свежие сведения для слов толкового словаря Асади [123, 2]. Этот толковый словарь состоит из 25 глав, 430 разделов и 2300 слов, большинство слов – простые и сложные, приводятся композиции и аллегории с восхвалением Ходжи Гиёсуддина и состояние автора, описание «Lughat-e furs» Асади, упоминание списка глав и количества разделов, слов, дискуссия о буквах алфавита, объяснение порядка организации словаря и значение книги [125, 177]. Основой глав этого толкового словаря является последняя буква слова [165, 3].

«Me‘yār-e Jamālī» – толковый словарь, включающий в себя четыре дисциплины: аруз (*метрическая система персидско-таджикского стихосложения*), рифму, поэтику и словарь XIV века, составленный Шамси Фахри Исфакхани по имени Джамалиддин Абуисхак, сыном Махмудшаха Инджу, царя Персии, который хвалил его пение [125, 189]. Толковый словарь «Bahr-ul-afāḍil fī manāfi‘-il-afāḍil» был написан Мухаммадом ибн Каввамом ибн Рустамом ибн Мухаммадом Бадром в конце XIV века хиджры. После Фахри Каввоса, толковый словарь «‘Ādāt-ul-fuḍalā» был написан Казиханом Бадром Мухаммадом Дехлави между 1419-1420 годами хиджры.

Толковый словарь «Zūfānguyā va jahānruyā», известный как «Naft bakhsh (Семь разделов)», – это книга Бадриддина Ибрахима, которую он написал XIV веке.

В начале XV века Ибрагим Каввами Фаруки, житель города Бихар Индии, составил толковый словарь «Šarafnāma-e Munyāgī» по имени своего наставника Шарафуддина Ахмада Муньяри. Этот толковый словарь еще называют «Farhang-e ‘Ibrāhīmī».

Толковый словарь «Miftāḥ-ul-fuḍalā» был написан Мухаммадом ибн Даудом ибн Махмудом в 1468 году, а толковый словарь «Tuhfatu-ṣ-ṣa’āda» Махмуда ибн Шейха Зиё был составлен в 1511 году во время правления Искандара ибн Бахлулшаха.

В начале XVI века были написаны книги «Mu'ayyad-ul-fuḍalā» Мухаммада ибн Лоди Дехлави (1519 г.), «Kašf-ul-lughāt» Абдуррахима ибн Ахмадсура и «Farhang-e Vafā'ī» Хусейна Вафаи. В середине этого же века был составлен толковый словарь «Farhang-e Sherkhānī» или «Favā'id-ṣanā'ī», а ее заключение было завершено под названием «Zubdat-ul-favā'id». В конце XVI века были написаны произведения под названием «Fath-ul-kitāb» Абулхайра ибн Саади Ансари (1583 г.), «Majma'-ul-lughāt» Абулфазла (1586 г.) – визиря Джалалуддина Акбаршаха. В этот же период в Иране Мирза Ибрагим Хусейн Исфахани составил толковый словарь «Farhang-e Mirzā 'Ibrāhim» во время правления шаха Тахмаспа I Сефевии (1524-1576 гг.). Словарь начинается со слова «оро» и заканчивается словом «яздади». Мирза Ибрагим привел множество стихов многих поэтов в качестве лексического доказательства, большинство стихов взято из Фирдоуси, Анвари, Захира Фарьяби и Камалуддина Исмаила Исфахани. При составлении словаря использовался метод Мухаммад бин Хиндушаха Нахджавани, автора «Şiḥāḥ-ul-furs». «Farhang-e Mirzā 'Ibrāhim» была одним из источников, используемых более поздними толковыми словарями, такими как «Farhang-e Jahāngirī», «Burhān-e qāṭi'» [165, 3].

Среди толковых словарей, появившихся в XVI веке, можно назвать «Majma'-ul-furs» Мухаммада Касима под псевдонимом Сурури, написанный в 1600 году. Этот толковый словарь состоит из введения, 28 глав и приложений и содержит около шести тысяч слов. Его приложение состоит из метафор, фразеологических словосочетаний и идиом. По мнению некоторых исследователей, Сурури Кашани в Индии составил свой толковый словарь после знакомства с «Farhang-e Jahāngirī». Интересно то, что автор «Farhang-e Jahāngirī» также упоминает книгу Сурури Кашани в числе своих источников. Во введении своего словаря Сурури упоминает 16 книг, и некоторые из этих книг можно найти и в списке «Farhang-e Jahāngirī» [125, 198]. Также в этом веке в Индии в 1593

году был написан «Madār-ul-afāḍil» Аллахдада Файзи ибн Асадулуламо Алишера Сархинди во время правления Джалалуддина Мухаммада Акбаршаха [165, 3].

Среди других толковых словарей этого столетия – «Farhang-e Jahāngirī», написанный Миром Джамалудином Хусейном ибн Фахриддином Хасаном Инджуи Ширази, составление которого автор начал в 1597 году и завершил в 1608 году во время правления сына Джалалуддина Акбаршаха – Джахангира ибн Акбара. Позже он пересмотрел его и в 1623 году представил его новую версию королю Индии Джахангиру ибн Акбару. Этот толковый словарь содержит исключительно подлинные персидские слова и по каждому слову приведены поэтические свидетельства, и считается одним из лучших, наиболее полных и точных толковых словарей персидского языка. Особое внимание заслуживает методика составления словаря, использованное автором – «Farhang-e Jahāngirī». Мир Джамалуддин Хусейн ибн Фахриддин Хасан Инджу большую часть своего времени проводил за изучением работ мастеров персидского языка, и поскольку многие из этих работ включали пехлевийские (среднеперсидские) термины и слова, требующие разъяснения, поэтому он попытался написать книгу на эту тему. Он посвятил тридцать лет своей жизни исследованию слов, терминов на персидском, пехлеви, дари и т.д. При изучении словаря Джахангири обращает на себя внимание правильный и точный метод, использованный Миром Джамалудином при составлении этого словаря. В этой работе он для того, чтобы разгадать значение многих слов, не довольствовался только тем сведениям, которые существовали в словарях и диванов поэтов, а помимо, чтобы выяснить те значения слов, которого нет ни в одной книге, он лично ходил по людям в разные места, узнавал значение у местных жителей, говорящих на этом языке или диалекте, и записал его. Сам он говорит: «А то значенеие слов, что появилось из Дивана Хакима Насера Хосрова

и его путевых заметок, я исследовал у хорасанцев и бадахшанцев и разъяснил эти значения, основываясь на их свидетельствах ...» [125, 196].

Порядок расположения слов в «*Farhang-e Jahāngirī*» существенно различается от предшествовавших словарей. В данном случае Мир Джамалуддин применил новый подход по сравнению с другими и не хотел, чтобы его работа повторялась или имитировалась. В качестве примера он привел слова «رخش» (рахш) и «نخ» (нах) в главе «Х», так, что первое он указал в главе «р», а второе — в главе «н». «*Farhang-e Jahāngirī*» впервые была опубликована в Индии около 150 лет назад усилиями Мауланы Сейеда Мухаммада Садика Али Галиба Лакхнави в виде литографии и на основе одной из ошибочных версий, без каких-либо критических комментариев.

К числу толковых словарей этого века относятся «*Shahār 'unsure dāniš*» (XVI) Амануллы по прозвищу Хоназодхан Фирузджанг, «*Majma'ul-javāmī'*» Алимухаммада Шейха Абдулхаки Дехлави (1630 г.), «*Laṭā'if-ul-lughāt*» (1621-23 гг.) Абдуллатифа ибн Абдуллах Кабира Гуджарати. Абдуллатиф был одним из известных литераторов и писцов периода правления Джахангира (1606-1628 гг.) и начала периода Шахджахана (1628-1658 гг.), родившийся в Гуджарате, в Индии. Он является автором многих трактатов в различных, посвятившихся суфийским поэтическим и прозаическим произведениям известных персидско-таджикских средневековых поэтов и мыслителей, в том числе «*Maṭnavī*» Джалалиддина Балхи Руми и «*Ḥadīqat-ul-ḥaqīqat*» Санаи. «*Laṭā'if-ul-lughāt*» — одно из произведений, написанных о словах и выражениях «*Maṭnavī*». При его подготовке и составлении автор использовал множество словарей, особенно, «*Farhang-e Jahāngirī*» а также выявил корни всех персидских, арабских, турецких и сирийских слов [165, 4].

«*Surma-e Sulaimānī*» — эта книга, по словам передатчиков, была написана Тагиуддином Авхадом Буляни Исфакхани, родившимся в Исфакхане, автора знаменитой тазкиры «*'arafāt-ul-āšqīn*», отправившимся

в Индию в 1616 году, а также пробившимся ко двору Джахангира ибн Акбаршаха [125, 198]. Книга «Surma-e Sulaimānī» была издана в 1945 году в Иране под редакцией известного иранского ученого-лингвиста доктора Махмуда Модаббари. При исправлении книги Модаббари использовал рукописи Тегеранского университета и библиотеки Малика, но в своём предисловии упоминает, что ещё один рукописный экземпляр этой книги хранится в Ленинградской библиотеке под номером 174.

«Şiḥāḥ-ul-'dviya» был написан Хусейном Ансари, и автор «Burhān-e qāṭi'» поместил этот словарь после «Surma-e Sulaimānī» в списке источников своего словаря [111, 11].

Словарь «Burhān-e qāṭi'» является сочинением Мухаммада Хусейна ибн Халафи Табрези, под псевдонимом Бурхан, и написан в Хайдарабаде Дакана в 1652 году. Этот словарь написан в следовании «Farhang-e Jahāngirī» и в некоторых случаях дословно приводит слова и словосочетания из «Farhang-e Jahāngirī». Словарный запас «Burhān-e qāṭi'» по калькуттскому изданию составляет 20211 слов; «Burhān-e qāṭi'» в ней цитировались разные иранские и неиранские языки и диалекты (например, египетский, иврит, сирийский, турецкий, индийский, греческий, римский, армянский, пехлеви и т.д.). Во вступлении автор говорит, что он хотел описать «все блага словарей «Farhang-e Jahāngirī», «Majma'-ul-furs», «Surma-e Sulaimānī» и «Şiḥāḥ-ul-'dviya»– каждый из которых в сжатой форме содержит несколько словарных книг.

Через два года после этого словаря, в 1654 году, в конце XVI века, во времена правления Аурангзеба в Индии, Абдур Рашидом ибн Абдул Гафуром Хусейном под псевдонимом Таттави из народа Тата, уроженца провинции Синд (современный Пакистан) был написан толковый словарь «Farhang-e Rashīdī», который, по-видимому, является первым персидско-таджикским критическим словарем персидско-таджикского языка. После предисловия автор расположил словарь из двадцати пяти глав по алфавиту. Основными источниками автора являются «Farhang-e

Jahāngirī» и «Farhang-e Sarvarī». Как пишет автор данного толкового словаря в своём предисловии, когда он изучал две вышеупомянутые словари («Farhang-e Jahāngirī» и «Farhang-e Sarvarī»), то обнаруживал в них некоторые недопустимые вещи, которых необходимо и обязательно избегать. Прежде всего, авторы этих двух словарей «провинились в разгадке слов из-за проблемы частых бесполезных фраз и лишних стихотворений во множественном числе». Во-вторых, в некоторых словах они не исправили слов, не объяснили значения многих слов, заимствованных с арабского и других языков. Кроме того, автор «Farhang-e Rashīdī» отмечает, что, некоторые слова в этих словарях повторяются несколько раз, что в них авторы при написании значительного количества персидских слов и особенно арабских заимствований, допустили много ошибок много орфографических ошибок, например, в некоторых словах они допустили ошибку между «kāf»-ом и «lām»-ом, между «wāw» и «rā», Например, отмечается, что сирийское слово «گزاز» (гузоз), которое означает название некой болезни, пишется в них как «گراز» (гуроз) (кабан), которое в действительности является персидским словом.

Сочинениями XVIII века в области лексикографии являются «Sirāj-ul-lughāt» (1734) и «Charāḡe hidāyat» (1734) Сироджуддина Алихана Акбарабади, под псевдонимом Орзу, которые были написаны в Индии. Кроме того, толковый словарь «Bahār-e ‘ajam» Лолы Текчанда, под псевдонимом Бахор, считается одной из самых известных работ этого периода, которая была завершена в 1740 году в Индии. Эта книга содержит около десяти тысяч слов, фраз и примеров на персидском языке, большинство из которых интерпретированы на основе поэтических свидетельств. В ней есть также некоторые арабские и индийские слова, которым придана персидская форма. Одной из особенностей этого толкового словаря является то, что в ней многие персидские сочинения рассматриваются как самостоятельные источники,

часто цитируются поэтические свидетельства из более 200 книг стихов и прозы.

Таким образом, формирование персидско-таджикской лексикографии продолжалось и в последующие века, а в XVIII-XIX вв. в Иране в 1844 году Мухаммадом Каримом Табрези был написан толковый словарь «*Burhān-e jāmi‘*», который считается пояснением толкового словаря «*Burhān-e qāṭi‘*». Другим толковым словарем, в котором рассматриваются вопросы обучения персидско-таджикскому языку, является словарь «*Haft qulzum*» Абулмузаффара Газиддина Хайдара ибн Саадата, составленный в 1814 году, в семи томах. К числу сочинений этого периода относятся толковый словарь «*Anjumanāgā-e Nāsirī*» Резакулихана Хидаята 1871 года, «*Bahr-e ‘ajam*» Мухаммада Хусейна под псевдонимом Афзалушшуаро Ширинсуханхан, начало написания – 1852 год, «*Armugān-e ‘āṣifi*» Мухаммада Абдулганихана, считающийся обзором толкового словаря «*Anjumanāgā-e Nāsirī*» [165, 4].

В целом, одноязычные персидские словари, написанные после ислама до XIV-го века, представляют собой короткие и конкретные словари, которые часто составлены по последней букве слов и предназначены для поэтов, для их использования в рифму. В этот период создание одноязычных персидских словарей с целью выражения значений слов для широкой публики еще не было начато, за исключением деятельности, которая началась в Индии и немного в Османской империи. Потому что персидский язык был для них неизвестным и для его изучения им нужен был словарь. С XIV-го века по XIX-й век наблюдается значительное увеличение объема персидских одноязычных словарей, в которых слова, и в отличие от предыдущего периода, были расположены в алфавитном порядке с первых букв слов для использования обычными людьми. Отсутствие внимания иранцев к созданию одноязычных персидских словарей в течение длительного периода времени, с одной стороны, а с другой стороны, количество и популярность одноязычных персидских словарей, написанных на

Индийском субконтиненте, также использование указанных словарей иранскими лексикографами, способствовали появлению в персидском лексиконе огромного количества производных слов (в том числе, заимствованных) слов.

В начале XX-го века была написана толковый «Nizām-ul-aṭṭibā» Назим Аль-Атибаи Кирмани – первый персидский словарь, в которой для показа произношения слов использовался фонетический метод. Также в этом словаре есть слова, пришедшие на персидский язык из европейских языков. Эта книга состоит из четырех больших томов и содержит 26 тысяч персидских и арабских слов. Одной из особенностей этой книги является то, что в ней собрано множество распространённых в персидском языке слов, заимствованных из арабского, турецкого, монгольского, европейских языков. Также в словаре даётся историко-географическое изложение исламского мира. При написании этого сборника Назим Аль-Атибаи Кирмани, до этого свободно владевший французским языком, почувствовал, что для обращения к соответствующим источникам и ссылкам также необходимо изучение английского языка. Поэтому в возрасте пятидесяти пяти лет он начал изучать английский язык и через некоторое время преуспел в этой задаче. Хотя этот словарь является одним из тринадцати медицинских и немедицинских произведений, оставленных Назимом Аль-Атибаи Кирмани, над его составлением он трудился больше, чем другие свои произведения, и даже усердно трудился над его составлением до последних часов своей жизни. Основная часть книги состоит из четырех больших томов, кроме 183 страниц, написанных писцом (каллиграфом), остальная часть выполнена авторской рукой и написана на 3317 страницах. Оно содержит 99552 слова на арабском языке и 58879 слов на фарси. Это означает, что всего в нем 158431 слов. Помимо включения большинства слов, используемых на фарси, этот словарь также содержит краткое изложение наук в порядке энциклопедий для многих слов, а

также включает множество исторических и географических названий Ирана, других мусульманских и немусульманских стран.

В конце XIX – начале XX веков в Иране был написан и опубликован ряд толковых словарей, среди них: «Farhang-e ‘amīd», «Farhang-e ‘fārsī», «Farhang-e ‘Amīr-e Kabīr», «Farhang-e ‘Avrang», «Farhang-e ‘Gilānī», «Farhang-e Ṭabāṭabā’ī», «Farhang-e Mu‘īn», «Lughatnāma-e» Деххода и др. В последующие десятилетия традиция составления одноязычных словарей персидского языка достиг значительную эволюцию. Авторы современных персидских одноязычных словарей пытаются определить значение слов, описывая и определяя их повествовательным образом, а не достигая значения желаемого слова с помощью синонимов.

Сегодня лексикография считается отдельной отраслью лингвистической науки, и в этом контексте таджикская лексикография достигла большего развития, а отечественными учеными написаны ценные работы. Среди первых исследователей таджикской лексикографии следует отметить великих ученых нашего народа, таких как С. Айни, Ш. Хусейнзода, Р. Хашим, А. Дехоти, М. Шакури, Н. Маъсуми, А. Маниязов, М. Осими, В. А. Капранов, Д. Арзуманов, Я. Калонтаров, М. Фозилов, А. Нуров, Х. Рауфов, А. Сангинов, П. Джамшедов, Мамадназаров А., С. Сулаймонов, С. Назарзода, и другие. К числу крупных научных достижений этого периода относятся словари второй половины XX века, такие как «Lughat-e nimtafsīla-e zabān-e ‘adabī-e tājīk» (Неполный толковый словарь) С. Айни, «Farhang-e tafsīrī-e zabān-e tājīkī» (Толковый словарь таджикского языка, состоящий из 2-х томов) Назарзода С., Сангинова А, Каримова С., Султана М.Х., «Farhang-e zabān-e tājīkī» (Словарь таджикского языка) в двух томах, под редакцией М.Ш. Шукурова, В.А. Капранова, Р. Хашима, Н.А. Масуми, «Русско-таджикский словарь» С.Дж. Арзуманова, Х.К. Каримова, «Таджикско-русский словарь» А. Мирбобоева, «Русско-таджикский терминологический философский словарь» М.С. Осими, «Farhang-e

‘arabī-tājīkī» (Арабско-таджикский словарь) С. Сулаймонова, «Англо-таджикский словарь» А. Мамадназарова, «Англо-таджикский словарь» и «Таджикско-английский словарь» П. Джамшедова и др.

1.2. Традиция грамматического толкования в толковых словарях

Одним из важных вопросов, связанных с общей историей языкознания и лексикографии, является исследование основных этапов формирования традиции составления грамматических книг в персидско-таджикском языкознании и дальнейшее развитие этой традиции в истории персидско-таджикской лексикографии.

В действительности, сравнительное изучение трудов средневековых персидско-таджикских лингвистов и лексикографов доказывает, что традиция написания грамматики ранее формировалась в рамках лингвистической науки, а позднее эта традиция была перенята лексикографами, и во введениях или заключениях своих словарей они добавили комментарии и пояснения для понимания смыслов и правильного произношения слов – важнейшие правила по обучению языку. Поэтому можно сказать, что традиция составления грамматических книг имеет более древнее историческое прошлое, чем традиция лексикографии, и возникла раньше формирования лексикографической традиции. Первыми народами, начавшими изучать и составлять грамматические книги и пособий, считаются египтяне и самаритяне в V веке до нашей эры. После них евреи проявили интерес к составлению грамматических книг по языку. Однако наиболее совершенное пособие по обучению языку, составленное в IV веке до нашей эры для правильного чтения прощальных песен, было разработано индийским народом. Другим народом, обратившим внимание на эту отрасль языка, являются греки, смотревшие еще со времен Платона на это знание с точки зрения философии [161, 85].

Следует отметить, что опыт лексикографической работы, накопленный в Средней Азии и Иране к середине XI в., также был значительно богаче и имел более древнюю историю. От эпохи Сасанидов дошли авестийско-среднеперсидские, арамейско-среднеперсидские, согдийско-среднеперсидские словари, а также фрагменты других глоссариев. Два из этих письменных памятников среднеперсидской лексикографии особенно интересны. Это авестийско-пехлевийский словарь «Farhang-e oim-evak» (словарь получил название по первому разъясняемому в нем слову) [87] и арамейско-среднеперсидский словарь «Farhang-e pahlavik» [84]. Создание их специалисты относят к позднеасанидской эпохе. «Farhang-e oim-evak» дошел до нашего времени в нескольких дефектных рукописях и фрагментах. Словарь включает 880 авестийских слов, речевых оборотов и целых предложений, толкуемых на среднеперсидском языке. Некоторые из разъясняемых авестийских фраз – и в этом особая ценность глоссария – не сохранились в текстах Авесты до нашего времени. Весь авестийский текст, представленный глоссарием, насчитывает около 1000 слов; пехлевийский текст толкования 2250 слов. В тексте содержится также 833 арамейских слова и 24 слова на пазенде, языке комментария к среднеперсидскому переводу Авесты. Более обширен по объему «Farhang-e pahlavik». Текст этого глоссария, сохранившийся полностью и неоднократно изданный, представляет собой специальный справочник, в котором арамейские идеограммы разъясняются посредством среднеперсидского письма. Однако, если мы взглянем на историю персидско-таджикского наследия, то первые поучительные дискуссии мы находим в трудах по литературной критике и в философских (логических) произведениях.

Исследование и разработка грамматики классического персидско-таджикского языка начались в конце VIII века на основе практики составления грамматических книг арабского языка, то есть в то время, когда современный персидский язык еще не сформировался, а статус государственного и научного языка выполнял арабский язык.

Примечательно, что грамматика арабского языка была впервые систематизирована ученым персидского происхождения Сибавайхом ибн Камбаром, для которого арабский язык не был родным языком. Написанный этим ученым труд «al-Kitāb» (Книга) стал известен в истории арабского языка под названием «Qur'ān-e dastūrnavisān» (Коран арабских грамматиков), а сам он стал известен под псевдонимом «Имам грамматиков». В этом своем произведении Сибавайху ибн Камбару удалось выявить и пояснить некоторые явления и элементы, свойственные арабскому языку, о существовании которых не знали или не обращали на них внимания даже сами арабы. Однако первым произведением, в котором даны сведения непосредственно о правилах персидско-таджикского языка, считается «Dānišnāma» Абуали ибн Сины. Ибн Сина написал это произведение в 1031-1035 годах и преподнес его тогдашнему правителю Исфахана Алаудавла Зияри. Хотя «Dānišnāma» первая книга по философии, написанная на персидско-таджикском языке, в ее разделе «логика» автор, излагая логическое содержание в объеме трех страниц, высказывает интересную мысль о необходимости разделения всех слов персидско-таджикского языка на три части: существительное (имена существ), слово (глагол) и частицы (вспомогательные части речи) и обосновал свое мнение неопровержимыми доказательствами [92, 34].

Отечественный ученый, профессор Д.Ходжаев в своей работе «Таджикская лингвистическая мысль X-XVI вв.» по поводу места этого известного ученого в истории таджикской лингвистической науки говорит: «Из теорий, указаний и заметок Абуали Сина в разделе языкознания выясняется, что он является одним из основоположников таджикской лингвистической науки и внес ценный вклад в становление и развитие этой науки» [76, 103].

Особое значение в плане определения важнейших этапов формирования и развития философской терминологии и понятийной системы арабского и персидско-таджикского языков имеет

фундаментальная книга известного таджикского ученого – арабиста и лингвиста Сулаймонова С. под названием «Становление арабской и таджикской философской терминологии на базе философского наследия Ибн Сины» [62].

Также Ибн Сина в «al-Qānūn fī-ṭ-ṭib» и других своих медицинских трудах также уделял внимание грамматическим вопросам и, по сути, исследовал и сравнивал фонетический строй персидско-таджикского и арабского языков. Краткие сведения по грамматике персидско-таджикского языка имеются и в трудах других средневековых персидско-таджикских философов, например, в «‘Asās-ul-iqtibās» Насриддина Туси, «Durrat-ut-tāj» Кутбиддина Ширази [166].

В средневековых произведениях, связанных с вопросами литературоведения и поэтики, например, в «Al-mu‘jam fī mi‘yār-il-’ash’ār-il-‘jam» Шамси Кайси Рази имеются некоторые сведения о морфологии и синтаксиса персидско-таджикского языка. В частности, подробно объяснены такие вопросы морфологии, как: суффиксы (частицы), словообразование суффиксов, степени прилагательных, инфинитив, глагольное наклонение, союзы. Стоит отметить, что под *hurūf* (частицы) автор этой книги имел в виду не все вспомогательные части речи, как понимали этот термин большинство литераторов и лингвистов того периода, а подразумевал именно суффиксы. Все эти грамматические комментарии Шамси Кайси Рази способствовали развитию науки риторики и поэтики, и в дальнейшем были положены в основу исследования и совершенствования грамматики таджикского языка [160, 36].

Стоит отметить, что вопросы языкознания в трудах Ибн Сины, Насриддина Туси, Шамса Кайса Рази и других персидско-таджикских ученых неоднократно широко исследовались отечественными исследователями. В частности, профессор Д. Ходжаев в своих научных трудах «Становление и развитие персидско-таджикского языкознания в средние века», «Ходжа Хасан Нисори и его лингвистическая мысль»,

«Хорошая речь не стареет», «Таджикская лингвистическая мысль X-XVI вв.», Курбанов Н.Ф. в книге «Лингвистические взгляды Шамса Кайса Рази», а также О. Додаров, Ф. Ильёсов и др. в своих диссертационных работах исследовали лингвистические проблемы средневекового письменного наследия персидско-таджикского народа.

Другим произведением, содержащим грамматические правила персидско-таджикского языка, является книга «*Mantiqul-khurs fi-l-lisān-il-furs*», написанная на арабском языке Абухаяном Нахви. К сожалению, эта книга не сохранилась до нашего времени. Однако о существовании этой книги исследователи нашли множество свидетельств в произведениях Ибн Шакири Катаби «*Favāt-ul-vafiyāt*» и Мухаммада Бакира Хансари «*Rawdat-ul-jannat*».

Книга «*Ḥulyatu-l-insān fi ḥalabati-l-lisān*» Джамалиддина ибн Махно написана на арабском языке и в ней объяснены правила грамматики четырёх языков: персидского, арабского, турецкого и монгольского. В предисловии к книге автор, объясняя причину написания этой книги, пишет, что во времена правления монголов знание этих четырёх языков было необходимым и обязательным для писцов и секретарей, в целом для государственных служащих и представителей науки и литературы. В этой книге больше внимания уделяется описанию и объяснению особенностей спряжения глаголов, множественного числа, степеней качества, употребления арабской лексики в персидско-таджикском языке [156, 67].

«*Lisān-l-qalam dar sharḥ-e alfāz-e ‘ajam*» был написан Абдулкаххаром Ибн Исхаком, под псевдонимом Шариф, в конце XV века по просьбе султана Абулкасима Бабур Бахадурхана (ум. 1482) и преподношен ему. Эта книга в отдельном виде не сохранилась, однако в виде приложения существует в некоторых других грамматических книгах, сохранившихся до нашего времени.

Современные иранские исследователи утверждают, что с XV по XIX век в Иране, Индии, Турции, Египте и Ливане было написано более

100 книг по грамматике персидско-таджикского языка, однако не все эти книги сохранились до нашего времени [102, 21].

С XVI века в Иране началось правление тюркских династий, поэтому в данный период процесс исследования грамматики персидско-таджикского языка в Иране приходит в резкий спад, и до XVIII века в этой стране не появилось ни одной ценной книги по грамматике персидско-таджикского языка. Однако за пределами Ирана, на Ближнем и Среднем Востоке, в этот период персидско-таджикский язык имел, как и прежде, высокий статус литературного языка, и исследователи уделяли ему большое внимание. В данный период исследования, связанные с грамматикой персидско-таджикского языка, проводились преимущественно на территориях соседних с Ираном – стран Османской империи, Индии и некоторых арабских стран. Одна из самых важных книг, составленных в этот период, называется «Mihāju-t-ṭalab», которая была написана в Китае в XVII веке, и ее автором является Мухаммад Ибн Хаким Аз-Зинини Аш-Шандуни Ас-Сини. Фактически, данное произведение считается относительно полным пособием по грамматике персидско-таджикского языка того времени. Автор книги, по традиции, за основу исследования использовал правила арабской грамматики. Он исследовал только три части речи: существительное, глагол и вспомогательные части речи [155, 23]. В упомянутой книге, в частности, подробно и углубленно анализируются некоторые именные и вспомогательные члены предложения, такие как подлежащее, дополнение, глагольные окончания, глагольные формы, инфинитив. Несколько лет назад эта ценная книга была впервые опубликована усилиями современного иранского лингвиста Мухаммада Джавада Шариати. Также в письменных источниках этого периода упоминаются имена нескольких исследователей грамматики персидско-таджикского языка из Турции, таких как Кайсари, Хатиб Рустам Мавлави, Карахисари, Шахиди, Сулеймани, Амир Эфанди, Хаджи Ильяс и другие, создавших на арабском языке произведения по грамматике персидско-

таджикского языка. Развитие исследований персидско-таджикской грамматики в Турции в данный период подробно изучено и рассмотрено иранским исследователем Мухаммад Мехьяром [167]. В этот период в Турции, помимо работ, посвященных грамматике персидско-таджикского языка, были написаны также толковые словари персидско-таджикской лексики, каждый из которых содержит сведения о грамматике персидско-таджикского языка в объеме нескольких страниц.

Лексикографическая традиция персидско-таджикского языка получила особое развитие в Индии в период правления династии Бабуридов, или, как ее называют европейские востоковеды, Великих Моголов. Среди авторитетных и ценных толковых словарей персидско-таджикского языка, составленных в этой стране, после «*Farhang-e Jahāngirī*» Джамалиддина Хусейна ибн Фахруддина Инджуи Ширази и «*Burhān-e qāṭī'*» Мухаммада Хусейна ибн Халафа Табрези, также можно упомянуть толковый словарь Хайдара Подшоха Гази «*Haft qulzum*», написанного в 1822 году в Лакхнау. Хотя основным источником этого толкового словаря является «*Burhān-e qāṭī'*», однако стиль написания и правила ее использования гораздо сложнее и труднее, чем в «*Burhān-e qāṭī'*». Несмотря на это, данный толковый словарь в течение долгого времени использовался в научно-литературных центрах и медресе Индии во времена правления династии Бабуридов как учебное пособие по персидско-таджикской морфологии и грамматике, арузу, рифме, поэзии и риторике [154, 152].

Одним из старейших грамматических книг по персидско-таджикскому языку, написанным в Индии, является «*Taḥqīq-ul-qavānīn*», составленное в 1845 году и автором которого является Хаджи Мухаммад Яхья Хайрон. После выхода в свет этой книги написание грамматических книг по персидско-таджикскому языку стало культурной традицией в Индии, и в этой стране была написана серия грамматических книг по персидско-таджикскому языку, которые, как и предыдущие пособия, имели структуру грамматических книг арабскому

языку, а свидетельства или примеры которых были персидско-таджикскими. Возрождение традиции лексикографии и исследования грамматики персидско-таджикского языка в Иране начинается в XIX веке, после прихода к власти Насириддиншаха [160, 40]. Недаром Резакулихан Хидаят назвал свое произведение в честь этого шаха – любителя культуры и науки – «Anjumanāgā-e Nāsirī». Это толковый словарь, по сравнению с другими толковыми словарями, созданными между XVIII и XIX веками непосредственно на территории Ирана, является наиболее совершенным и наиболее всеобъемлющим [160, 40].

Позже этому опыту Резакулихана Хидаята последовал известный лингвист Мирза Хабиби Исфাহани и в 1872 году написал и опубликовал книгу под названием «Dastur-e sukhan», в которой для выражения понятия «грамматика» вместо арабского термина «*Şarf wa naḥv* (морфология и грамматика)» использовал термин *dastur* (грамматика). Позднее использование термина *dastur* среди иранских лингвистов стало традиционным, и постепенно этот термин заменил свой арабский аналог, который веками использовался персидско-таджикскими лингвистами и учеными. Наряду с освобождением грамматики персидско-таджикского языка от арабской морфологии и грамматики, в конце XIX века начинается новый период развития и исследования грамматики персидско-таджикского языка, одной из особенностей которого является восприимчивость от грамматик европейских языков, особенно французского языка. Стоит отметить, что первые записки и пояснения лингвистических наук, таких как лексикология, фонетика, морфология и грамматика, наблюдаются в этих научно-литературных пособиях и учебниках. Вместе с тем следует сказать, что трактаты и толковые словари, содержащие рассуждения по морфологии и грамматике, были написаны на основе составления и написания грамматики египетским, греческим и римским народами.

Под этим влиянием Мирза Хабиб Исфাহани в своей работе разделил предложения на два основных типа (глагольные предложения и

предложения с составным именным сказуемым), а части речи – на 10 типов, в том числе на 3 именные части речи (существительное, прилагательное, глагол) и на 7 частей речи, зависимых от этих 3 именных частей (глагольное местоимение, неопределенное местоимение, глагольные части речи, вспомогательные или служебные части речи, междометие, союзы и предлоги) [168]. По словам самого Мирза Хабиба Исфакхани, это деление частей речи он изучил и использовал от других (т.е., с одной стороны, из опыта Резакулихана Хидаята, с другой стороны, из опыта европейских лингвистов, особенно французских) [169].

1.3. Основы и источники составления толкового словаря «Anjumanārā-e Nāsirī» Резакулихана Хидаята

Судя по историческим источникам и конкретным сведениям, приведенным во введении к толковому словарю «Anjumanārā-e Nāsirī» и в заключении книги «Majma‘u-l-fuṣṣahā» самим Резакулиханом Хидаятом, выясняется, что родословная этой мудрой личности связана с предками Камола Худжанди. Резакулихан Хидаят был поэтом, литератором, ученым и писателем эпохи Каджаридов. Он родился в 1215 году хиджры (в 1800 году нашей эры) в Тегеране и умер в 1288 году хиджры (в 1871 году нашей эры). Исмаил Камал — глава этого семейства являлся одним из влиятельных людей Дамгана. Он участвовал в противоборствах за власть между династиями Каджаритов и Зандитов на стороне первых и погиб на поле войны. Его сын Мухаммад Хадихан (Ага Хади) находился на службе у Джафаркулихана Каджара, брата Ага Мохаммадхана Каджара. После смерти Джафаркулихана Ага Мохаммадхан назначил Мухаммад Хадихана главным казначеем. По свидетельствам некоторых источников, после смерти Джафаркулихана, пришедший к власти Ага Мухаммадхан Каджара не проявлял к Мухаммадхадихану должное уважение и удалил его от занимаемой должности, но через некоторое время в первые годы правления Фатхалишаха, Мухаммадхадихан вновь

был принят на государственную службу, назначался администратором в провинции Персия и отправился в Хорасан. Вскоре он выдал свою сестру Хадижу замуж на Фатхалишах и укрепил свой статус благодаря своими родственными связями с этим правителем. Мухаммадхадихан был одним из литературных и культурных деятелей эпохи Каджари, умер в Ширазе в 1218 году хиджры во времена правления Хусайнали Мирзы. После смерти отца Резакулихан вместе с матерью отправился в Тегеран, где они поселились у родственников его матери. После замужества матери он вернулся в Шираз, где занимался изучением наук. Через некоторое время мать, Резакулихана совершала паломничество в святую Мекку, где она скончалась и её тело было предано земле. Юный Резакулихан благодаря высокому литературному и поэтическому вкусу привлек внимание сыновей-близнецов Фатхалишаха - Хасанали Мирза и Хусайнали Мирза. Резакулихан Хидаят с юности очень любил поэзию, и ещё в то время сочинял стихи под псевдонимом Чокари. Затем, после того как его творчество стало достоянием широкой массы в Мазандаране, он выбрал для себя литературный псевдоним Хидаят. Фатхалишаха во время своего визита из Исфахана в Шираз присвоил Резакулихану почетные звания Хан и Маликушшуара. После кончины Фатхалишаха Резакулихан поступил на службу Мухаммадшаха и помог принцу Фирузу Мирзе сохранить спокойствие в Ширазе. Мухаммадшах, знавший знания и совершенство Резакулихана, называет его сподвижником Аббас Мирзы, который был наместником его царства. После смерти Мухаммадшаха и начала восстания Резакулихан стремился какое-то время держаться в стороне от государственных дел. После прихода к власти Насираддиншаха, Резакулихан назначался главой медресе «Dār-ul-funūn», а в 1267 году хиджры по рекомендации Мирзотаки Амира Кабира был назначен послом Каджаритов в Хивинском государстве, правителем которого в то время являлся Мухаммад Даминхан, считавший себя наследником хорезмшахов. Его посольство в Хорезме продолжалось год, а целью его деятельности в Хорезме было

информирование о политической ситуации Средней Азии и обеспечение торговых отношений между двумя государствами. После завершения своей политической миссии в Хорезме, Резакулихан вернулся в медресе «Dār-ul-funūn», где стал учителем всех ученых и деятелей культуры, посвятил себя научной и литературной деятельности. Во время руководства «Dār-ul-funūn» Резакулихан Хидаят написал свое самое известное произведение «Majma‘u-l-fuṣāḥā», которое содержит сведения о жизни и творчестве 867 поэтов со времен Абулаббаса Марвази до 1284 года хиджры. Другая известная книжка Резакулихана, написанная в указанный период называется «Riyāḍ-l-‘ārifīn», в котором рассказывается история 354 знаменитых поэтов. Поскольку Хидаят всегда был рядом с Мухаммадшахом до его смерти, он посвятил ему эту работу. По указанию Насеруддиншаха Каджара он усовершенствовал историю «Rawḍat-ul-ṣafā sirat-ul-anbiya w-al-muluk w-al-ḥulafā» Мирхонда, дополнил ее тремя томами и 1274 г. хиджры опубликовал под названием «Rawḍat-uṣ-ṣafā-e Nāṣirī» в десяти томах. Эта работа Хидаята охватывает историю Сефевидов до времен Насеруддиншаха Каджара и считается одной из самых важных его исторических работ, в которой исторические события представлены с доказательствами. Другая работа Резакулихана Хидаята «Fihrist-ut-tavārīkh», освещающая важные исторические события, посвящена Насеруддиншаху Каджару. Книга «‘Ajmal-ut-tavārīḥ», которую он написал для Музаффараддин Шаха, рассказывает о черед иранских царских династиях от Пешдадских царей до времен Насеруддиншаха, и он закончил ее в Табрезе в 1283 году хиджры. Будучи послом в Хорезме, Резакулихан Хидаят написал книгу «Safāratnāma-e Khārazm», в простом, но литературном стиле. Данная работа представляет собой отчет его администрации в Хорезме. «‘Uṣūl-ul-fuṣūl fī ḥuṣūl-il-vuṣūl» написан в духе мистики и суфизма. «Laṭā’if-ul-ma‘ārif» одно из произведений юности Резакулихана Хидаята, посвящена вопросам суфизма. В книге «Nazhādnāma» он дал краткие сведения о

генеалогии иранских царей. Последней его научной работой является словарь «Anjumanārā-e Nāsirī», которая была составлена на основе предыдущих словарей, таких как: «Farhang-e Sururī», «Farhang-e Rashīdī», «Farhang-e Jahāngirī», «Burhān-e qāṭi‘», «Burhān-e jāmi‘» и др.

В целом, творческое наследие Резакулихана Хидаята, с учетом стилистических и тематических особенностей его произведений, можно разделить на две группы:

1. Научные труды, включающие такие его сочинения, как: «Majma‘-ul-fuṣaḥā», «Riyāḍ-ul-‘ārifīn», «Ravḍat-uṣ-ṣafā-e Nāsirī», «Fihrist-ut-tavārīkh», «‘Ajmal-ut-tavārīkh», «Maṣahīr-ul-‘anvār», «Safāratnāma-e Khārazm», «‘Uṣūl-ul-fuṣūl fī ḥuṣūl-il-vuṣūl», «Laṭā’if-ul-ma‘ārif», «Nazhādnāma» и его последнее научное произведение – толковый словарь «Anjumanārā-e Nāsirī».

2. Литературное наследие, которое охватывает большие и малые по объему поэтические произведения Резакулихана Хидаята. Здесь можно указать на следующие произведения, известные как «Sittatu ḍarūriya», большинство из которых написаны в следовании трудам и традициям выдающихся средневековых персидско-таджикских литераторов:

1. «‘Anvār-ul-vilāya» (в восхвалении имамов) в следовании «Maḥzan-ul-asrār» Низами Ганджави.

2. «Gulistān-e Iram yā Bektāshnāma» об истории любви Бекташа, сына Хариса, и Рабии, дочери Каабы.

3. «Bahru-l-ḥaqā’iq» в следовании «Ḥadīqtu-l-ḥaqīqa» Санаи.

4. «‘Anīsu-l-‘āshiqīn» в следовании любовной истории «Lailī wa Majnūn».

5. «Khurrambihisht» в подражание «Ṣahnāma» в пределах около трех тысяч стихов.

6. «Hidāyatnāma», написанная в рифме *рамал* и в следовании «Maṭnavī-e ma‘navī» Джалалуддина Балхи.

Наряду с созданием «Maṭnaviyāt-e sittā», он написал произведение «Madārīj-ul-balāga» о науке риторики, «Miftāḥ-ul-kunūz» по объяснению трудностей Дивана Хакани, «Riyād-ul-muḥibbīn», по поводу которого отдельные ученые считают, что он написал в подражание и в следовании «Gulistān» и «Kalila wa Dimna». Также к числу его литературных произведений относятся «Shams-ul-ḥaqāiq», «Riyād-ul-‘āshiqīn», «Kulliyāt-e ash‘ār-e Hidāyat», «Manhaj-ul-hidāya» [158, 8].

Как было отмечено, толковый словарь «Anjumanārā-e Nāsirī» (Украшающий собрания словарь) считается одним из крупнейших научных трудов Резакулихана Хидаята и одним из важнейших толковых словарей среди средневековых и современных персидско-таджикских словарей по масштабу охвата различных лингвистических и учебных вопросов. Часть этого толкового словаря относится к персидско-таджикскому грамматике и имеет подробное введение, которое можно считать лексико-грамматической статьей толкового словаря. Резакулихан Хидаят на протяжении многих лет занимался исследованием и изучением персидской поэзии и истории персидско-таджикской литературы. Читая и исследуя стихи поэтов, он, чтобы правильно понять значение редких, устаревших или малоупотребительных слов, неизбежно обращался к толковым словарям и обнаруживал, что в них было допущено много погрешностей и ошибок. Поэтому он написал толковый словарь «Anjumanārā-e Nāsirī», и он был опубликован его сыном Аликулиханом Мухбир-уд-Даулой (государственный информатор) в Тегеране в 1288 (1871) году хиджры [103, 163]. О величии научного статуса Резакулихана Хидаята известный российский востоковед Е.Э. Бертельс говорил следующее: «Хидаят – иранский лингвист, которым не только иранская академия, но и каждое европейское научно-исследовательское учреждение могло бы гордиться, имея такого заведующего и руководителя» [103, 164].

Резакулихан Хидаят начал свою толковый словарь со следующих фраз: «انجمن آرای هر انجمن و چمن پیرای هر چمن بزرگ نام یزدان یکتاست که انجمنها به پرتو آن»

«روشن و چمنها به گونه آن گلشن است» (Украшение каждого собрания и украшение каждого огромного цветника – это имя единого Бога, блеском которого сияют собрания и цветники подобно Ему ярки) [1, 2]. Объясняя причину, по которой он назвал «Anjumanāgā» плодом своего многолетнего упорного труда, он написал следующее стихотворение:

*Як боди чаманда дар ҳазорон чаман аст,
 Як боди даманда дар ҳазор анҷуман аст.
 Ин анҷуман он Анҷуманоро орошт,
 К-иш Анҷуманорои ҳазорон чу ман аст.
 Один дуяущий ветерок в тысячах цветников,
 Один волнуяущий ветерок в тысячах собраний.
 Это собрание является украшением того собрания,
 Что это украшение собрания подобно тысячам, как я.*

Толковый словарь «Anjumanāgā-e Nāsirī» состоит из трёх основных разделов. Первая часть толкового словаря – это его введение, и в этом разделе представлены некоторые сведения об истории составления толковых словарей, исследованиях и анализе персидских и арабских слов, некоторые критические заметки и исследования автора об ошибках предшествовавших ему лексикографов, подробное обсуждение и критическое исследование грамматических моментов и вопросов, составленных в двенадцати частей (украшениях), заключающихся в следующем:

Первая часть, в исследовании слов *tu'arraba* (арабизированное), *muvallada* (вновь образованное или заимствованное слово, неологизм) и *mutafarriqa* (разбросанный; разрозненный, разъединённый).

Вторая часть, в объяснении некоторых персидско-арабских слов и их преобразований.

Третья часть заключается в объяснении некоторых слов, в которых авторы «Farhang-e Jahāngirī» и «Burhān-e qāṭi'» допустили погрешности и ошибки.

Четвертая часть посвящено объяснению некоторых ошибок в словарях «Burhān-e qāṭiʿ» и «Farhang-e Jahāngirī», а также погрешностей, которых допустили другие.

Пятая часть, посвященное изучению персидского языка и его изменений, качеству слова, прозаической и поэтической речи.

Шестая часть, в описании букв алфавита и их исследовании.

Седьмая часть, в объяснении преобразования каждой из двадцати четырех букв в другую букву в некоторых других словарях и правилах.

Восьмая часть, в объяснении некоторых полз, описанных в нескольких главах.

Девятая часть, в пояснении правила узнавания инфинитива и его признака, и в объяснении названия инфинитива и букв, обозначающих значение инфинитива, и в объяснении определений прошедшего, настоящего и будущего времён.

Десятая часть, в объяснении необходимых морфологических и грамматических терминов.

Одиннадцатая часть, в объяснении глагола.

Двенадцатая часть, в объяснении существительного.

Второй раздел толкового словаря «Anjumanārā-e Nāsirī» считается его основной частью и состоит из 24 подразделов, в которых анализируются вопросы персидско-таджикской лексикографии. Поскольку указанный словарь является толковым словарем, в нем размещено более 16 тысяч слов и словосочетаний в алфавитном порядке, в том числе: слова, начинающиеся на букву «ا» (первый подраздел), на арабскую букву «ب» (второй подраздел), на персидскую букву «پ» (3-й подраздел), на букву «ت» (4-й подраздел), на букву «ج» (5-й подраздел), на персидскую букву «چ» (6-й подраздел), на букву «خ» (7-й подраздел), на букву «د» (8-й подраздел), на букву «ر» (9-й подраздел), на букву «ز» (10-й подраздел), на персидскую букву «ژ» (11-й подраздел), на букву «س» (12-й подраздел), на букву «ش» (13-й подраздел), на букву «غ» (14-й

подраздел), на букву «ف» (15-й подраздел), на букву «ق» (16-й подраздел), на букву «ك» (17-й подраздел), на персидскую букву «گ» (18-й подраздел), на букву «ل» (19-й подраздел), на букву «و» (20-й подраздел), на букву «ن» (21-й подраздел), на букву «و» (22-й подраздел), на букву «و» (23-й подраздел) и на букву «و» (24-й подраздел) [1, 209].

Третий раздел толкового словаря включает персидские и арабские аллегории и метафоры, в которых приводятся поэтические свидетельства от великих персидско-таджикских писателей. Этот раздел автор разделил на три части: первая часть состоит из персидско-таджикских аллегорий. Вторая часть содержит аллегории, состоящие из персидских и арабских слов. Третья часть включает арабские аллегории, использованные в персидско-таджикском языке и литературе.

Автор при объяснении учебных тем, помимо «Farhang-e Jahāngirī» и «Burhān-e qāṭī'», использовал и другие источники. Одним из таких источников является «Taḥqīqu-l-qavānīn» Хаджи Мухиддина, написанный в Индии в 1846 году. Резакулихан Хидаят заимствовал из этой книги почти две трети учебных дискуссий своего толкового словаря. Другим источником, которым воспользовался Резакулихан Хидаят, является «Šarafnāma-e Munyārī». Между учебными материалами «Anjumanārā-e Nāsirī» и учебными обсуждениями «Šarafnāma-e Munyārī» есть много общего, что подтверждает приведенное выше утверждение. Однако Резакулихан Хидаят, несмотря на широкое использование «Šarafnāma-e Munyārī», не упомянул название этого источника и его автора.

Как выясняется из исследования темы, Резакулихан Хидаят в сочинении толкового словаря «Anjumanārā-e Nāsirī» следовал стилю подражания, и, используя множество источников, написал свой труд в подражании толковым словарям, составленным до него, таким как «Farhang-e Sururī», «Farhang-e Jahāngirī», «Farhang-e Rashīdī», «Burhān-e qāṭī'», учебные (грамматические) книги, такие как «Dastur-e sukhan»

Мирзо Хабиба, «*Şarf wa naḥv*» Хаджи Мухаммада Каримхана Кирмани. Для исследования некоторых учебных вопросов он использовал книгу Хаджи Мухиддина «*Таḥqīqu-l-qavānīn*», написанную в Индии в 1846 году. Другим источником, который он использовал полностью, является «*Burhān-e qāṭi'*» Халафа Табрези, и многие грамматические проблемы данного словаря прослеживаются в толковом словаре «*Anjumanārā-e Nāsirī*». Кроме того, по мнению некоторых исследователей, можно также увидеть сходство некоторых грамматических вопросов «*Şarafnāma-e Munyārī*» и толкового словаря «*Anjumanārā-e Nāsirī*».

Из этих нескольких приведенных примеров можно сделать вывод, что Резакулихан Хидаят не был подражателем только одного особого толкового словаря, поскольку если, по мнению некоторых критиков и лексикографов, например, он был подражателем только «*Farhang-e Jahāngirī*» или только «*Burhān-e qāṭi'*», то почему некоторые слова этих толковых словарей, имеющие персидскую структуру, не входят в его толковый словарь? Правильное мнение состоит в том, что «*Farhang-e Jahāngirī*» и «*Burhān-e qāṭi'*» являются двумя основными источниками, которые Резакулихан Хидаят больше всего использовал и следовал им при составлении своего толкового словаря. Помимо этих двух источников, Резакулихан Хидаят, как он сам сообщает во введении к «*Anjumanārā-e Nāsirī*», использовал и другие источники. Он, там, где ведет дискуссию или рассказывает о каком-либо слове, для документирования и обоснования своей речи оказывается вынужденным упоминать источники. Например, поясняя слово «*دروند*» (дурванд), он пишет: «Дурванд» (имеющий в начале огласовку «дамма») означает **злобный и нечестивый**, и это значение упоминается в книге «*Zand*». Заратустра Бахрам сказал: «Привет от нас мудрому набожному, который далек от пути и обычая дурванд (**злобного и нечестивого**)». А в «*Farhang-e Jahāngirī*» оно приводится с окончанием «*را*» (*rā*). Рашиди говорит, что оно персидское «*ژا*» (*žā*) ...». Или в другом месте, объясняя значение

слова «درم» (diram), автор «Anjumanārā-e Nāsirī» утверждает, что это слово в «Farhang-e Jahāngirī», «Farhang-e Rashīdī», «Me'yār-e Jamālī», «Tuhfat-ul-'aḥbāb» и «Kashf-ul-lughāt» трактуется одинаково.

Следует сказать, что таких примеров в толковом словаре «Anjumanārā-e Nāsirī» очень много, и в другой части работы мы рассмотрим их пояснения.

В завершении данной части диссертационного исследования, подводя итоги, считаем уместным отметить, что «Anjumanārā-e Nāsirī» является последним толковым словарем персидско-таджикского языка, написанным в классическом стиле персидско-таджикской лексикографии. Автор словаря следовал традициям индийских лексикографов периода правления династии Бабуридов, особенно авторов «Farhang-e Jahāngirī» и «Burhān-e qāṭi'», и в этом контексте снабдил свой толковый словарь грамматической частью в целях ознакомления пользователей и читателей своего труда с орфографией, правильным способом чтения и понимания значений слов.

Следует отметить, что сам автор «Anjumanārā-e Nāsirī», несмотря на выявление и критику ошибок предшествовавших лексикографов, сам также допускает определенные недостатки в грамматических рассуждениях и не делает какие-либо указания на порядок и способ употребления слов.

Толковый словарь «Anjumanārā-e Nāsirī», как по структуре, так и по содержанию, представляет собой толковый словарь, основанный на предыдущих словарях, таких как «Farhang-e Jahāngirī», «Burhān-e qāṭi'», «Farhang-e Rashīdī» и т.д. Автор «Anjumanārā-e Nāsirī» буквально перенес многие слова и их поэтические свидетельства из предшествующих словарей, в частности, из «Farhang-e Jahāngirī» и «Burhān-e qāṭi'», и в их интерпретации и объяснении следовал методам и подходам своих лексикографов-предшественников [103, 264]. Такой метод следования и подражания позже использовался другими

лексикографами в связи с «Anjumanāgā-e Nāsirī», и они перенесли многие части его комментариев, грамматики, стихов и свидетельств в свои собственные толковые словари. Например, в толковом словаре «Ānandrāj» приведены многие грамматические пояснения, слова и стихотворения из «Anjumanāgā-e Nāsirī», такие как: «خشگیل» (хушгил) - **красивый**, «خزان» (хазон) - **листопад**, «زیرتنگ» (забартанг) - **подпруга** и др.

Словарь «Anjumanāgā-e Nāsirī» Резакулихана Хидаята имеет достаточно емкий лексико-грамматический материал, разделенный на двенадцать частей, который посвящен фонетическим, лексическим, морфологическим и синтаксическим вопросам персидско-таджикского языкознания.

ГЛАВА II. АНАЛИЗ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ВОПРОСОВ В ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ «ANJUMANĀRĀ-E NĀSIRĪ»

2.1. Фонетический анализ в толковом словаре «Anjumanārā-e Nāsirī»

Грамматика – это набор правил, в которых обсуждается фонетическая, морфологическая и синтаксическая структура языка и которые могут быть использованы при изучении языка. Лингвистика изучает язык на трех уровнях: фонологии, грамматике и семантике. Известный таджикский ученый-лингвист Т.Н. Хаскашев в своём капитальном труде о фонетике таджикского языка, отмечает: «Несмотря на то, что языковые единицы (фонемы, морфемы, слова, словосочетания, предложения и т.д.) являются материалом одной и той же конструкции, они имеют разные характеристики. Важнейшей особенностью предложения, слова и морфемы является то, что эти единицы имеют смысловую звуковую аспекты выражения (то есть они и имеют и выражают ту или иную смысл/значение. – О.Ш.). Поэтому эти единицы называются двумерными единицами, относятся к особому уровню языка, которое называется семантическим уровнем, а его единицы называются значимыми единицами [71, 6]. Фонетика как отдел языкознания, изучает звуковой строй языка. Фонетика исследует не только языковую функцию, но и материальную сторону своего объекта: работу произносительного аппарата, а также акустическую характеристику звуковых явлений и восприятие их носителями языка [174]. Фонема – это наименьшая звуковая единица языка, которая не может быть разделена на последовательные компоненты и может использоваться как звуковой образ смысловых единиц – морфемы, слова. То есть, «звуки, в отличие от смысловых единиц имеют только речевой аспект, и его называют речевым уровнем языка или речевым аспектом языка» [71, 6]. Наиболее заметной особенностью фонетических единиц является то, что они не имеют значения и используются в качестве материала для построения значимых единиц. Понятие фонемы используется в языкознании с целью

отделения их функций - умения различать слова и их формы посредством звуков, от порождающих и акустических особенностей звуков речи. Фонема — звук, способная заменить в фонетической конструкции другого звука и превратить эту конструкцию в другую конструкцию; например, в слове «кор» (**работа**) буква «б» может заменить «к» и превратить ее в слово «бор» (**бремя**).

Между буквами алфавита в письменной форме и фонемами не существует однозначного отношения, поскольку письмо дистанцировалось от речи из-за исторического развития языка; По этой причине иногда в письме встречается две и более буквы для одной фонемы, например, в персидском языке для фонемы «z» используются четыре буквы. Отличие фонем от букв алфавита состоит в том, что фонемы — это звуки языка, а буквы алфавита — письменные знаки. Фонемы объединяются друг с другом и образуют конструкции, называемые слогами или сегментами. Различают два типа фонем: согласные и гласные. Каждый слог сам по себе может образовывать фонетическую структуру слова. Слоги типа «кор» (работа, дело)— это само слово и такие слова называются односложными словами.

С прошлого и до сих пор составители толковых словарей таджикско-персидского языка использовали различные методы представления фонетической информации, и каждый из этих методов имеет свои преимущества и недостатки. В современных толковых словарях, помимо фонетической формы, предоставляется больше фонетической информации, включая другие типы произношения, акцентуации, слоговой конструкции и фонетических процессов. В данной части диссертационного исследования рассматривается фонетическая информация словаря «Anjumanāgā-e Nāsirī».

Фонетические взгляды Резакулихана Хидаята наблюдаются в большинстве грамматических статей толкового словаря. Он делит слогообразующие звуки на три группы и говорит: «اسماء حروف تهجی بر سه قسم است: «ب»، «ت»، «ث»، «ح»، «خ»، «ز»، «س»، «ش»، «ص»، «ض»، «ط»، «ظ»، «ق»، «ك»، «گ»، «ج»، «چ»، «خ»، «ح»، «ج»، «ج»، «خ»، «ح»، «ج»، «ج»، «خ»، «ح»، «ج»، «ج»، «خ»، «ح».

«ر»، «ز»، «ط»، «ظ»، «ه»، «ی»؛ دوم، ملفوظی و ان سه حرف است، که آخرش از قسم اول نباشد و ان سیزده حرف است: «ا»، «ج»، «د»، «ذ»، «س»، «ش»، «ص»، «ض»، «ع»، «غ»، «ق»، «ک»، «ل»؛ سوم، ملبویی، که آخرش از قسم اول باشد و ان سه حرف: «م»، «ن»، «و».

Название букв алфавита состоит из трех частей: первая – *masrurī* (закрыва́тая) и она является двухбуквенной, а это двенадцать букв: «bā», «tā», «tā», «ḥā», «ḥā», «gā», «zā», «tā», «zā», «fā», «hā» «yā»; вторая часть – *malfuzī* (произно́симая) и состоит из трёх букв, последняя часть которой не из первой части, и она состоит из тринадцати букв: «alif», «ḡim», «dāl», «dāl», «sin», «šin», «ṣād», «ḍād», «‘ayn», «ḡayn», «qāf», «kāf», «lām»; третья часть – *malbubī* (пищу́щая), последняя часть которой происходит от первой части и она состоит из трех букв: «mim», «nūn», «wāw») [1, 42].

Кроме того, автор отмечает, что в алфавите персидско-таджикского языка, основанном на арабской графике, имеются такие огласовки, как «فتحة» (фатха), «كسرة» (кясра) и «ضمة» (дамма), называемые по-арабски тройственными огласовками (الحركات الثلاثة) и по-персидски «زبر» (забар), «زیر» (зер) и «پیش» (пеш), и выражающие краткие гласные таджикского языка. В предыдущие периоды вместо таких огласовок ставили точки. Вместо «زبر» (забар) над буквой ставилась точка, вместо «زیر» (зер) – точка внизу буквы, а вместо «پیش» (пеш) – точка перед буквой. Эту проблему, – говорит Резакулихан Хидаят, – устраняет известный грамматист грамматической школы Басры, основоположник науки *аруза* (метрическая система персидско-таджикского стихосложения) Халил ибн Ахмад ал-Фарахиди, устанавливая вместо тех же точек огласовки в такой форме (◌ِ◌ُ). Знак огласовки «сакин» (грам. не имеющий огласовки, имеющий над собой знак «сукун» (о букве в арабской графике) он определил, как круг (◌ْ), а «ташдид» (удвоение согласной буквы) – как начало буквы «с» (◌ِ◌) в несколько уменьшенной форме. По его мнению, «сакин» стоит не в начале слова, а в его середине или в конце, а знак «ташдид» используется для чтения двух одинаковых согласных, причем один из этих согласных пишется и на нем ставится

знак «ташдид» [1, 47]. Гласные звуки персидско-таджикского языка, согласно исследованию Резакулихана Хидаята, делятся на краткие и долгие гласные, и к долгим гласным относится буква «ا», когда она огласована фатхой, букву «و», когда она огласована даммой, буква «ي», когда она огласована кясрой, а в группу кратких гласных входят те же знаки «фатха», «дамма» и «кясра»; в качестве примера он приводит слова «تَاش» (тош) - **камень** и «بَاش» (бош) - **будь**, «رُود» (рӯд) - **река**, «بُود» (буд) - **был**, «نَوید» (навид) - **весть** и «دَوید» (давид) - **побежал**.

Современные таджикские ученые также подтверждают мнение о наличии в таджикском литературном языке шесть гласных: а, э, о, ū, у, и [71, 64]. Следует отметить, что Резакулихан Хидаят, хотя непосредственно не упоминает в своём труде относительно общего количества согласных звуков персидско-таджикского классического языка, однако судя по его классификацию, оно составит 26.

Однако, вопрос о количестве согласных в таджикском литературном языке не бесспорен. Некоторые считают таджикскую систему согласных состоящей из двадцати трёх фонем (б, п, м, в, ф, д, т, з, с, ж, ш, ч, л, р, н, й, к, г, х, к, х). Другая группа лингвистов добавила к этим фонемам фонему «ц», увеличив количество согласных до двадцати четырех. При этом обе группы авторов не включают звука «ъ» в список фонем. Но в обоих случаях не решена проблема количества таджикских согласных. С одной стороны, если при определении количества согласных учитывать голосовой состав цитируемых слов, то к таджикской системе согласных следует отнести не только фонемы «ц» и «ъ», но и фонемы «щ», «ы» и все русские согласные множественного числа, с другой стороны, если мы не включим фонему ь в список таджикских фонем, мы не можем адекватно определить фонематический состав таких слов, как *шамъ*, *лаъл*, *раъд*, и тому подобное, которые, несомненно, являются элементами лексики таджикского языка, не можем определить их правильно [71, 73-74]. Исходя из сказанного, таджикский ученый лингвист Т.Н. Хаскашев в другом месте своего

труда утверждает мнению о наличии в таджикском алфавите 24 согласных, а именно: б, п, м, в, ф, д, г, з, с, н, л, р, ж, ш, ч, ч, й, к, қ, х, ғ, х, р, ь [71, 80].

Разъяснение фонетических вопросов Резакулихан Хидаят начинает с объяснения букв и пишет: «В арабском языке здание букв алфавита состоит из двадцати восьми букв, а в неарабском языке оно состоит из двадцати четырех букв, и восемь букв арабского алфавита среди неарабов не используются», как написал стихами Шарафуддин Али:

*Ҳашт ҳарф аст он ки андар форсӣ н-ояд ҳама,
То наёмӯзӣ, набоиӣ андар ин маънӣ маъоф.
Бишнав аз ман то кадом аст он ҳуруфу ёд гир,
«со»-ву «ҳо»-ву «сод»-у «зод»-у «то»-ву «зо»-ву «ъайн»-у «қоф».
Есть восемь букв, которые не имеются в персидском языке.
Пока не научишь, ое не освободишься от этого значения.
Послушай меня и узнай, какие они буквы и учи их.
«tā» и «ḥā» и «ṣad» и «ṣad» и «ṭā» и «zā» и «'aun» и «qāf».*

С его точки зрения, двадцать шесть букв арабского алфавита вместе с четырьмя буквами персидского языка составляют алфавит персидского языка, из которых восемь букв являются труднопроизносимыми «ث, ح, ص, ض, ط, ظ, ع, ق» (tā, ḥā, ṣād, ḍād, ṭā, zā, 'aun, qāf), и характерными для арабского языка, а четыре буквы «پ, چ, ژ, گ» (pe, če, že, gāf) – характерными для персидско-таджикского языка. В другом месте он говорит: «Важно знать, что персидский алфавит построен из арабского алфавита путем добавления четырех букв «پ, چ, ژ, گ» которые, по сути, не встречаются в арабском алфавите» [1, 47]. Также он отмечает, что «ученые исключили из 28 букв арабского алфавита восемь труднопроизносимых букв, т.е. (ث, ح, ص, ض, ط, ظ, ع, ق). Если какое-либо слово будет состоять из этих восьми букв, то оно будет называться арабским или тюркским, и считать это слово персидским является ошибочным». И он приводит буквы алфавита следующим образом: «تا» (tā) – с верхними точками или эмфатическая буква «tā», «ثا» (tā) – *mutalata*

называет, «يا» (yā) с нижними точками. Также «حَا, رَا, سِين, صَاد, طَا, عِين» (ḥā, rā, sīn, ṣād, ṭā, ‘ayn) он рассматривает как *maḥmila* (буквы арабского алфавита, не имеющие точек), «جِيم, ذَال, زَا, شِين, ضَاد, ظَا, غِين» (ḡim, dāl, zā, šīn, ḏād, ḏā, ḡayn) он считает *muḡama* (буквы арабского алфавита, имеющие точки) отличающимся, «حَا» (ḥā) *maḥmila* называет также *ḥuṭṭī*, круглый «ها» (hā) называет *havvaz*, с «بَا, جِيم, زَا, كَاف» (bā, ḡim, zā, kāf) по-арабски и «په, چه, ژه, گاف» (pe, če, že, gāf) по-персидски [1, 47].

Автор толкового словаря гласных звуков «يا, واو, الف» (alif, wāw, yā) называет слабыми буквами, а всех остальных букв – сильными. А также он говорит: «الف» всегда имел огласовку сакин или фатху, поэтому он не должен появляться в начале слова, и приведение буквосочетания «لا» в некоторых буквах алфавита в этом смысле является ссылкой на это же значение, и особенность добавления «alif» к «lām» связана с тем, что каждый из них в названии друг друга в буквах оказались в середине» [1, 45].

При объяснении долгих гласных «و» и «ي» автор считает «و» и «ي» иногда огласованными, иногда без огласовки. Он говорит: «и каждое «و» перед ним с даммой, и каждое «ي» перед ним с кясрой, так что дамма перед ним и кясра перед этим если оно произносится, то будет считаться известным, в ином случае неизвестным, и такую дамму и кясру метафорически интерпретируют как известный и неизвестный» [1, 46].

В современной таджикской лингвистике известные «wāw» и «yā» определяются как гласные «у» и «и», а неизвестные «wāw» и «yā» определяются как гласные «ӯ» и «э (e)» [71, 62-65], при этом Резакулихан Хидаят считал известное «yā» арабским, а неизвестное «yā» персидским, то есть принадлежащим персидско-таджикскому языку. Также в толковом словаре отмечено, что если «wāw» (звук *в*) стоит после «ḥā» во множественном числе с фатхой, т.е. если согласной «х» стоит перед этими буквами: «ي, ه, ن, ش, س, ز, ر, د, پ, ا» то его называют модифицированным «wāw», поскольку это разрешенное выравнивание, и оно при

произношении не читается. Например, в словах «خواب» (х(в)об) в рифме «тоб» в значении **известного**, «خود» (х(в)ад) в рифме «сад», что является **дефектом инога**, «خور» (х(в)ар) в рифме «сар» в значении **солнца**, «خوزم» (х(в)азм) в рифме «азм» в значении **пара**, «خوسته» (х(в)аста) в рифме «хаста» в значении **усталый**, «خوش» (х(в)аш) в рифме «ваш» в значении **сухое**, «خوند» (х(в)анд) в рифме «чанд» в значении **Бога**, «خوهل» (х(в)ахл) в рифме «сахл» в значении **кривизна**, «خوی» (х(в)ай) в рифме «май» в значении **человеческий пот**. Буква «wāw» приходит также после «ḥā» с даммой и с кясрой, например, «اخور» (охур) с даммой третьей буквы означает место, где животные едят траву, «خویش» (х(в)еш) в рифме «пеш» в значении **сам** и **близкие**. Резакулихан Хидаят считал букву «wāw», обозначающую звук «у» в словах «تو» (ту), «چو» (чу) и «دو» (ду), именно для выражения предшествующей даммы, и называл ее «wāw»-ом выражения даммы, «nūn», которое произносится с помощью носового звука, называет «nūn»-ом носового звука, как в словах «زبان» (забон) – **язык**, «زبون» (забун) – **слабый**, «زمین» (замин) – **земля**, «اعلان» (эълон) – **объявление**. По мнению автора, буква «ḥā» (ḥā) бывает двух типов, одна – видимая «ḥā», четко произносимая, например, при произношении слов «راه» (рох) – **дорога**, «ماه» (мох) – **луна**, другая – скрытое «ḥā», которое при произношении не ощущается, служит в качестве огласовки, то есть обусловлено выражением предшествующей фатхи, таких как «نه» (на) – **нет**, «خامه» (хома) – **перо** и «جامه» (чома) – **халат**. Кроме того, при нахождении буквы с кясрой перед скрытой «ḥā» она выражает звук «и» и «е», например, «که» (ки) – **что** (связка), «چه» (чи) – **что** и «سه» (се) – **три**. Автор при объяснении хамзы «ء», которая пишется в виде головы «‘ain», подчеркивает, что, если хамза стоит в начале слова и за ней следует «alif», как в словах «آباد» (обод) – **благоустроенный** и «آزاد» (озод) – **свободный**, она пишется в виде изогнутой линии (◌ِ), ее называют маддой, а такой «alif» – долгим «alif»-ом (долгая гласная *a*). Отсюда буквы алфавита используются для составления и строения слов, поэтому они, по

выражению автора, называются основными (фундаментальными) буквами [1, 46].

Отдельные звуки, которые мы произносим (например, звуки (с), (т), (д) и др.), не имеют значения изолированно и, как и другие звуки (гром, молния, лай собаки, звук струны и т.д.) являются обычным физическим явлением. Звуки речи приобретают лингвистическое значение лишь в том случае, если они вместе с другими звуками речи участвуют в создании смысловых единиц языка – морфемы, слова, синтагмы, словосочетания и т.д. Звуки речи в составе смысловых единиц выполняют две функции: словообразование и словоразличение (или знание слова) [71, 50].

Значительная часть фонетических объяснений исследуемого словаря посвящена анализу и исследованию словообразовательной роли определенных гласных и согласных звуков. В частности, Резакулихан Хидаят занимается исследованием букв алфавита от «alif»-а до «уā» и приводит их конкретные значения. Он рассматривает букву «ا» (alif) как единственное лицо, если она стоит в начале, то она всегда имеет фатху, как «ابا» (або), «ابي» (аби), а если она стоит в начале слова, корень которого состоит из трех и более букв, буква, предшествующая «alif» получает «сакин», как «اشکم» (ашкам), «استم» (истам), «اشتلم» (уштулум), которые в современной таджикской лингвистике обозначают краткие гласные «а», «и» и «у». Также в начале слова с помощью огласовки *мадды* обозначает гласную «о», например, «آسياب» (осёб) – **мельница**, это слово состоит из «ос» и «об». Другие слова, такие как «آشام» (ошом) и «شام» (шом) в значении **кушания, еды и пищи**, «آسام» (осом) и «سام» (сом) в значении **опухоли и раны**, «ازرد» и «زرد» (озард) и (зард) в значении **цвета (желтый цвет)**, «آرنگ» (оранг) и «رنگ» (ранг) в этом словаре также означают **цвет**, «آكوفت» (окуфт) и «كوفت» (куфт) означают **ущерб и вред**, «آهنگ» (оҳанг) и «هنگ» (ҳанг) – в значении **голоса**, «آزخ» (ожах) и «ژخ» (жах) – в значении **бородавки**, «آدرخش» (одрахш) и «درخش» (дирахш) – в значении **грома, молнии и сияния**.

После объяснения буквы «alif» Резакулихан Хидаят приступает к объяснению и комментированию других букв алфавита и выявляет грамматические функции некоторых из них. В большинстве случаев, особенно в разговорной речи, буква «bā» меняется на «wāw», например, «آب-آو» (об-ов), «خاب-خاو» (хоб-хов), на «fā», как «زبان-زُفان» (зобон-зүфон).

Персидская буква «bā», т.е. «ре», не встречающаяся в арабском алфавите, часто заменяется буквой «fā», например, «سپید-سفید» (сапед-сафед), «پیل-فیل» (пил-фил). Еще одна буква «tā», которая в большинстве случаев используется для обращения к первому лицу единственного числа, если она стоит в начале и не соединена с другим словом, то добавляется выровненный «wāw», как «تو» (ту) – **ты**, а если она соединена с какой-либо буквой, «wāw» удаляется, как «ترا» (туро) – **тебя**. Относительно ее превращения в «dāl», например, «توت-تود» (тут-туд), «بت-بد» (бат-бад), также она добавляется в конце некоторых слов, например, «فرامش-فرامشت» (фаромуш-фаромушт), «رامیش-رامیشت» (ромиш-ромишт), «بالیش-بالیشت» (болиш-болишт). Другая буква арабского алфавита – «tā», которую арабы используют чаще вместо «tā» или «šin», например, «کیومرث» (Каюмарс), корень которого – персидский «kāf» и «tā» с касрой, т.е. «گیومرت» (Гаюмарт) в значении **говорящий живой**, где «گیو» (гую) означает **говорящий** и «مرت» (март) означает **живой**. Буква «ġim» при преобразовании часто меняется на персидское «ž» (ж), арабское «zā» и «šin», например, «کچ-کژ» (кач-каж), «جوزه-جوجه» (чүза-чүча), «کاج-کاش» (коч-кош). Еще одно изменение буквы «hā», которая считается взятой из арабского алфавита, часто заменяется на «hā» *havvaz*, например, «حیز-هیز» (хез-хез) и «حال-هال» (хол-хол). Буква «hā» часто меняется на «ġaup», как «تاخ-تاغ» (тох-тоғ), в тюркском языке она меняется на «qāf», как «چخماخ-چخماق» (чахмох-чахмоқ), иногда меняется на «hā» *havvaz*, как «خاک-هاک» (хок-ҳок), «خجیر-هجیر» (хачир-ҳачир), «خالنوش-هالنوش» (халонӯш-ҳалонӯш), «خیری-هیری» (хайрї-ҳайрї), «خیز-هیز» (хез-хез). Буква «dāl» меняется на «tā», как «خاد-خات» (ход-хот), «شواد-شوات» (шавод-шавот), «زرد-زرت» (зрд-

зарт). Буква «dāl», с точки зрения Резакулихана Хидаята, то же самое, что «dāl» за исключением того, что внутри слова ей буква, предшествующая ей, является огласованной или огласованной с сакином, если она не огласована (с сакином), то это «dāl», а если она огласована, то это «dāl». Ходжа Насриддин Мухаммад Туси говорит:

*Онон, ки ба порсї сухан меронанд,
Дар маърази «dāl» «dāl»-ро биншонанд.
Те, кто говорит по-персидски,
На место «dāl» ставят «dāl».*

Шарафиддин Али Язиди также говорит:

*Дар забони порсї фарқ миёни «dāl»-у «dāl»,
Бо ту гӯям з-он ки наздики афозил мубҳам аст.
Пеш аз ӯ дар лафзи муфрад гар саҳеҳи сокин аст,
«dāl» бошад варна боқӣ ҷумла «dāl»-и муъҷам аст.
В персидском языке разница между «dāl» и «dāl»
Я тебе скажу, что у ученых она неоднозначна.
Перед ним в единственном числе если стоит
правильный слог без огласовки,
Является «dāl»-ом, иначе в остальном она
является «dāl»-ом без точки.*

Буква «gā» в конце слова меняется на «lām», например, «چنار-چنال» (чанор-чанол), «برمدار-برمدال» (бармадор-бармадол), или в середине слова, как «اروند-الوند» (арванд-алванд), или в начале слова, как «روح-لوح» (rūх-lūх). Буква «zā» меняется на арабскую букву «ġim», как «روز-روج» (rūз-rūч). Буква «žā» также меняется на «ġim», например, «کاو-کاج» (кож-коч), «لاژورد-لاجورد» (ложвард-лочвард). Буква «sin» меняется на «šin», как «کستی-کشتی» (кустї-куштї), «فریسته-فریشته» (фариста-фаришта), то есть посланный. Буква «šin» приходит вместо арабской буквы «ġim», как «کاش-کاج» (кош-коч), иногда приходит в конце слова в значении инфинитива, например, «دانش» (дониш) – **знание**, «بینش» (биниш) – **видение**, «خواهش» (хоҳиш) –

желание, «کاهش» (коҳиш) – **уменьшение** и т.д. С точки зрения автора толкового словаря, для арабского языка характерны буквы «ṣād», «ḍād», «tā», «zā» и «‘ayn», а вот слова «صد» (сад) – **сто** и «شصت» (шаст) – **шестьдесят** пишутся с буквой «ṣad», которая в древности писалась буквой «sin». Другие слова, такие как «طرازو» (тарозу) – **весы**, «طپیدن» (тапидан) – **хлопать**, «طپانچه» (тапонча) – **пистолет**, «طلا» (тилло) – **золото** и тому подобные, пишутся с эмфатической буквой «tā», которые в последующем для исправления писались с буквой «ṭā». Если в персидском языке найдется слово, написанное с буквой «‘ayn», то необходимо знать, что его корень – «alif». Буква «ḡayn» добавляется в конце некоторых слов, например, «کیا-کیاغ» (каё-каёғ), «چرا-چراغ» (чаро-чароғ), неарабы иногда меняют ее на «qāf», например, «جناغ-جناق» (ҷаноғ-ҷаноқ), «ایاغ-ایاق» (аёғ-аёқ), что более распространено в тюркском языке. Другая буква «fā», которая, по мнению автора толкового словаря, иногда приходит вместо персидской и арабской буквы «bā» и «wāw», например, «زفان-زبان» (зафон-забон), «فرهنج-ورهنج» (фарҳанҷ-варҳанҷ), «سفید-» (сафед-сапед). Буква «qāf», по мнению большинства исследователей, изначально происходит не из персидского алфавита, и если она встречается в каком-либо слове, то ее происхождение либо «ḡayn», либо «kāf». Буква «kāf» чаще всего используется для уменьшения существительных, например, «مردمک» (мардумак) – **малый народ**, «طفلک» (тифлак) – **маленький ребенок** и тому подобное. А в некоторых случаях эта буква добавляется в конце слова, особенно в словах, оканчивающихся на букву «wāw», например, «زلو-زلوک» (зулу-зулук), «رگو-» «رگوک» «ругу-ругук» и «پرستو-پرستوک» (парасту-парастук). Буква «gāf» происходит из персидского алфавита, и каждое слово, образованное с этой буквой, имеет персидское происхождение, а в арабском языке она меняется на букву «kāf» или «ḡim». Еще одна буква «lām», которая чаще превращается в букву «ro». Буква «mim» в большинстве случаев стоит в

конце слова и имеет значение местоимения первого лица единственного числа, типа «کردم» (кардам) – **я сделал**, «رفتیم» (рафтам) – **я пошел**, «گفتم» (гуфтам) – **я сказал** и т.д. А если она находится в начале слова, то она означает «nīn» отрицания, например, «مزن» (мазан) – **не бей**, «مرو» (марав) – **не иди**, «مکن» (макун) – **не делай**. В некоторых случаях в конце слова она меняется на букву «nīn», например, «کچیم-کچین» (качим-качин), «بام-بان» (бом-бон). Буква «nīn» чаще всего приходит в конце слова и выражает значение инфинитива, например, «گفتن» (гуфтан) – **говорить**, «رفتن» (рафтан) – **идти**, «کردن» (кардан) – **делать**, «آمدن» (омадан) – **приходить**, а также добавляется в конце некоторых слов, например, «زیبا-زیبان» (зебо-зебон), «پاداش-پاداشن» (подош-подошан), «سو-سون» (сӯ-сӯн), а если оно стоит в конце слова и если ему предшествует недостаточная буква, то она ассимилируется, как «دهان» (дахон) – **рот**, «زبان» (забон) – **язык** и тому подобное. Буква «wāw», которая на персидском языке называется выровненной буквой «wāw», в большинстве слов стоит перед буквой «alif», например, «خواب» (хоб) – **сон**, «خواجه» (хоҷа) – **ходжа**, «خوارزم» (Хоразм) – **Хорезм**, а иногда предыдущая буква перед ней имеет дамму и выражает долгую гласную «ū», например, «خور» (хӯр), «آخور» (охӯр), «خوست» (хӯст) и т.д. Другая буква «hā» *havvaz* добавляется в конце некоторых слов и обозначает гласную «a», например, «دندان-دندانه» (дандон-дандона), «دست-دسته» (даст-даста), «گوش-گوشه» (гӯш-гӯша), «نشان-نشانه» (нишон-нишона), «زبان-زبانه» (забон-забона) и т.д. Если буква «uā» стоит в конце слова и ей предшествует кясра, она придает значение восклицания и выражает долгую гласную «ī», например, «کردی» (кардӣ) – **ты сделал**, «گفتی» (гуфтӣ) – **ты сказал**, «رفتی» (рафтӣ) – **ты пошел**, и в конце слова может прийти как относительное прилагательное, например, «باد بهاری» (боди баҳорӣ) – **весенний ветер**, «خراسانی» (хурасонӣ) – **хорасанский**, «هندوستانی» (ҳиндустонӣ) – **индийский** и тому подобные [1, 48].

Завершая анализ фонетических объяснений толкового словаря «Anjumanāgā-e Nāsirī», можно отметить, что в нем затронуты многие

основные вопросы фонетики персидского языка и современного таджикского литературного языка. Особенно, грамматические заметки и объяснения Резакулихана Хидаята о роли определенных гласных и согласных букв в словообразовании имён существительных, прилагательных и глаголов, и ныне сохраняют своё научно-практическое значение для дальнейших исследований фонетической, морфологической и лексической структуры таджикского языка.

2.2. Лексический анализ в толковом словаре «Anjumanārā-e Nāsirī»

Лексикология — раздел языкознания, изучающий словарный состав (лексикон) данного языка. Лексикология имеет дело не только с простыми словами во всех их аспектах, но также со сложными и составными словами, значимыми единицами языка. Поскольку эти единицы должны анализироваться как с точки зрения их формы, так и значения, лексикология опирается на информацию, полученную из морфологии, изучения форм слов и их компонентов, и семантики, изучения их значений. Третьей областью особого интереса в лексикологических исследованиях является этимология, изучение происхождения слов. Однако лексикологию не следует путать с лексикографией, написанием или составлением словарей, которая является особой техникой, а не уровнем изучения языка.

«Существенное различие между синтаксисом и лексикологией заключается в том, что первый имеет дело с общими фактами языка, а второй — со специальными аспектами. Синтаксис является общим, потому что он имеет дело с правилами и закономерностями, которые применяются к классам слов в целом, тогда как лексикология является частной, потому что она занимается тем, как отдельные слова действуют и влияют на другие слова в том же контексте. Хотя пограничные случаи существуют и в лексикологии, и в синтаксисе, например, в случае

«грамматических» или «функциональных» слов, различие между этими двумя уровнями довольно ясно» [85, 10].

В лексиконе каждого языка обычно различают содержательные слова, такие как «барф» (снег) и «борон» (дожд), и служебные слова, такие как «аз» (из), «то» (до), «дар» (в). Лексикология изучает содержательные слова или лексические единицы.

«Как грамматика, так и лексикология вовлекают нас в неопределенно большое количество поверхностно различных единиц. В случае грамматики — это фразы и предложения; в случае лексикологии единицами являются слова или, точнее, лексические единицы. Для грамматики типично делать общие и абстрактные утверждения о соответствующих единицах, показывая общую конструкцию, несмотря на формальные различия. Для лексикологии типично делать конкретные утверждения об отдельных единицах. Следовательно, в то время как грамматику языка лучше всего рассматривать в главах, посвященных различным типам конструкций, обычно лексикон языка рассматривается в алфавитном словаре, где каждая запись посвящена отдельной лексической единице» [86, 1517].

Если перелистать страницы истории персидско-таджикской лексикографии, мы встретимся с тремя типами словарей:

1. Толковые словари, авторы которых посвятили часть своей работы лексике, такие как «Me‘uār-e Jamālī» и «Miftāḥ-e ‘Abūiṣḥāqī».

2. Толковые словари, коснувшиеся лексики, однако не упоминавшие ни одного примера или свидетельства из наследия литераторов; наиболее известным из таких толковых словарей является «Burhān-e qāṭi‘».

3. Толковые словари, в которых для обоснования интерпретируемых слов приводятся стихотворные аргументы и доказательства из наследий поэтов. Эта группа толковых словарей считается наиболее ценным типом, к которому можно отнести «Farhang-e Jahāngirī», «Farhang-e Sururī», «Farhang-e Rashīdī» и «Anjumanārā-e

Nāsirī». Эти толковые словари принципиально различаются как по охвату слов, так и по более широкому и точному разъяснению лексических вопросов [89, 7].

Как видно из введения толкового словаря «Anjumanārā-e Nāsirī», автор со всеми трудностями старался использовать в изложении своего толкового словаря более десяти тысяч поэтических примеров и свидетельств из наиболее точных поэтических и прозаических текстов поэтов, чтобы прояснить содержание и понятие слов. Несмотря на приведение поэтических примеров и свидетельств из источников литераторов, в толковом словаре прослеживаются частичные недостатки, основной причиной которых является буквальное цитирование некоторых слов «Farhang-e Jahāngirī» и «Burhān-e qāṭi'» без какого-либо научного исследования. Вот почему некоторые исследователи считают толковый словарь «Anjumanārā-e Nāsirī» некой версией «Farhang-e Jahāngirī» и «Burhān-e qāṭi'».

Словарь «Anjumanārā-e Nāsirī» состоит из трех разделов, основная часть которых состоит из лексических заметок, а основным вопросом, прослеживающимся при изучении и исследовании толкового словаря, являются лексические особенности толкового словаря. Прежде чем коснуться лексических особенностей толкового словаря, сначала необходимо определить подход работы автора и его основную цель. Стиль языка автора и его предпринятый подход являются простыми, а его главная цель заключается в составлении персидско-таджикского толкового словаря и исследовании словарного запаса этого языка. Двенадцать глав, помещенных во введение в толковый словарь, включают лексико-грамматические вопросы персидско-таджикского языка. В первой статье толкового словаря речь идет об исследовании словарного запаса *tu'arraba* (арабизированное), *muwallada* (вновь образованное или заимствованное слово, неологизм) и *mutafarriqa* (разбросанный; разрозненный, разъединённый), и автор, приводя примеры из книги «Aṣ-Ṣiḥāḥ» Аль-Джавхари, «Muḏhiru-l-luḡa» Суюти и

«Irtishāf» Абухаяна, говорит следующее: «Исследование словарного запаса *tu'arraba* (арабизированное), *muwallada* (вновь образованное или заимствованное слово, неологизм) и *mutafarriqa* (разбросанный; разрозненный, разъединённый), таких как персидские имена, которые арабы изменили и добавили к структуре арабской речи, например, слова «درهم» (дирхамун) и «بحرچ» (бахрачун), либо изменили их, однако не добавили к структуре арабской речи, такие как «آجور» (очур) – **один из древних строительных материалов, изготавливаемых из воды и глины**, или же они оставляли их без изменений и не добавляли к структуре арабской речи, например, слова «خوراسان» (Хуросон), «نرجيس» (нарчис). Автор в этой части также упоминает слова, которые невозможно найти в структуре арабской лексики, например, слова «منچنيق» (манчаник) – **разновидность большой деревянной пирамиды (катапульта), которая используется в бою для метания огня и камней в сторону противника.**

*Захми тиру санғои манчаниқ,
Теғҳо даргир чун барқ аз барик.
Ранение от стрел и камней от катапульты,
Лезвия искрят, как сверкающая молния.*

Дж.Руми

«ابرسيم» (ибрисим) является арабизированным от ««» (абрешим) – шелк. «صولجان» (савлачон) является арабизированным «چوگان» (чавгон) и является **видом спорта.**

*Даст зад Чомӣ ба мишкин савлачони он савор,
Ҳамчу гӯяш сар ба майдони ҳалок андохтанд.
Коснулса Джами мишкином клюшки того всадника,
Подобно мячу голову ввергли в поле гибели.*

Джами

Другие арабизированные слова (*tu'arrabāt*), упомянутые в этом разделе, – это «جرموق» (чармуқ), название **племени**, жившего в городе Мосул, и происхождение этого племени было из неарабов. «جوسق»

(чавсақ) арабизированное слово от «كوشك» (кушк), что означает **дворцовый дом**, «جوالق» (цуволак) арабизированное слово от «جوالك» (цуволак) – **мешок**. В слове «اشمائيل» (Ишмоил) буква «šim» была заменена на «sin», а «hamza» на «aun», т.е. «اسماعيل» (Исмоъил). Другое слово, упомянутое автором как арабизированное, – это «توت» (тус) или «توز» (туз) арабизированное слово, обозначающее «توت» (тут) – **тутовник**, а арабы изменили букву «tā» с верхними точками на «tā», другое слово «جص» (час) арабизированное от слова «گج» (гач) – **известняк**, в котором буква «ġim» была заменена на «kāf», а «šād» на «ġim».

Резакулихан Хидаят упомянул слова Ибн Дурайда, который можно найти в его книге «Ġamhara»: «Много слов неарабов было заимствовано арабами и было арабизировано, став подобными арабской лексике, таких как: «لگام» (лагом) и «لغام» (лағом), что является арабизированным словом «لجام» (лаҷом) и приводится в рифме «كتاب» (китоб), и его множественное число «لجم» (лучум) в рифме «كتب» (кутуб), а его уменьшительной формой стал «لجيم» (лучайм), глагол повелительного наклонения, из него вывели «الجم» (илҷам), а его инфинитивом стал «الجام» (илҷом). Другими словами, являются: «بستان» (бустон) и «بهرمان» (бахрамон), которые, по мнению Резакулихана Хидаята, означают **красный цвет**, а «ارجوان» (арчувон) означает «ارغوان» (арғувон) **пурпурный цвет**. В этом разделе Резакулихан Хидаят попытался объяснить в основном арабизированные слова и образование от одного слова другого слова [1, 6-8].

Во второй статье толкового словаря Резакулихан Хидаят объясняет изменение персидско-арабских слов и **арабизацию** некоторой неарабской лексики, особенно персидской лексики, такие как: «الابريق» (ал-ибриқ) – **кувшин**, «التشت» (ат-ташт) – **большой таз**, «الكأسه» (ал-касъа) – **чаша**, «النرجيس» (ан-нарџис) – **нарцисс**, «الفيروزج» (ал-фирузаџ) – **бирюза**, «الفالوزج» (ал-фолузаџ) – **полуда (вид халвы)**, «الكوزه» (ал-кӯза) – **горшок**, «الجره» (ал-џарра) – **кувшин**, «الخوان» (ал-х(в)он) – **скатерть и стол**, «الطبق» (ат-тибқ) –

совместимость, «الياسمن» (ал-ёсамин) – **цветок**, «الجنار» (ал-чулнор) – **роза**, а также приводит некоторые слова из греческого языка, такие как: «الفردوس» (ал-фирдоус) – **сад**, «القطاس» (ал-қутос) – **животное**, «الاسطرلاب» (ал-устурлоб) – **инструмент для определения положения планет на небе**, «الترياق» (ат-тарёқ), арабизированное от «ترياق» (тарёқ) – **противоядие**, **опиум** и др [1, 8-11].

В третьей статье автор описывает часть слов, в которых авторы толковых словарей допустили ошибки и погрешности, в частности, он указывает на слово «هن» (хан), которое в «Farhang-e Jahāngirī», «Farhang-e Rashīdī» и «Burhān-e qāṭi‘» означает «منت» (миннат) – **благодарность**, и документировано стихотворением Рудаки, тогда как это слово не «هن» (хан), а «من» (мин), и это не стихотворение Рудаки, а стихотворение Фаррухи, и оно не персидское, а арабское. Еще одно слово, упомянутое Резакулиханом Хидаятом в этой статье, – это «أبسكون» (обискун), который упоминается в «Farhang-e Jahāngirī» как название острова в Астарабаде, где прозрачное русло реки со стороны Хорезма впадает в Каспийское море, и место впадения прозрачного русла реки в Каспийское море называли «обискун», так как когда вода реки приближалась к реке, она текла со звучанием и спокойно, а остров, который там находился, называли «أبسكون» (обсукун). Однако, в толковом словаре «Anjumanāgā-e Nāsirī» представлено название Каспийского моря. Слово «بستام» (бистом) в «Farhang-e Jahāngirī» и «Burhān-e qāṭi‘» означает **коралл**, и автор «Farhang-e Jahāngirī» приводит стих Хусрави Дехлави:

*Ҷаҳон ки пеши хирадманд фақри заҳак аст,
Ба нимханда наярзад аз он лаби бистом.
Мир, который перед мудрым есть нищета смеха,
Он не заслуживает полусмеха из уст коралла.*

«پرويز» (Парвез) в «Farhang-e Jahāngirī» и «Burhān-e qāṭi‘» приводится в значении **рыба**, так как Хусрав, сын Анушервана, очень любил рыбу, его прозвали Парвезом. Это слово является сокращением от

«پرويزن» (парвезан), что означает **инструмент для просеивания муки и сахара (сито)**. Его еще называют «پروين» (парвин), что означает **звезду гор Тельца**. «چاج» (Чоч) – город в Мавераннахре и «چاچي» (чочй) также относится к этому же слову. В словаре приводится в значении **обмолот зерна**. В словаре «Burhān-e qāṭi’» упоминается как в значении названия города в Мавераннахре, так и в значении очищенного зерна. В этом разделе встречаются больше слов, в которых, по мнению Резакулихана Хидаята, авторы «Farhang-e Jahāngirī» и «Burhān-e qāṭi’» допустили ошибки и погрешности.

Четвертая статья толкового словаря, по сути, является продолжением той же третьей статьи с той лишь разницей, что здесь акцент делается на ошибках «Burhān-e qāṭi’». В этой статье Резакулихан Хидаят анализирует слова словаря «Burhān-e qāṭi’» и отмечает значение каждого из них. Например, в начале этой статьи автор говорит: «اسكندريه» (Искандария) **Александрия** – город в окрестности Египта, на берегу реки Нил. Автор «Burhān-e qāṭi’» пишет, что это город на берегу реки Фарангистахр, название знаменитой крепости в Персии. «اندلوس» (Андалус) **Андалусия** – провинция страны Испании, которая была завоевана во времена Абдулмалика ибн Марвана армией ислама, и арабские историки называли весь этот регион Андалусией. Однако в словаре «Burhān-e qāṭi’» с заммой первой и третьей буквы и «lām» с сукуном второй, т.е. «أندلوس» (Ундулус), **название города в регионе Магриба**, это также название острова, горной вершины, и в обоих значениях приводится с фатхой первой, третьей и четвертой буквы, т.е. «أندلس» (Андаласа). «چهارپايک» (Чахорпояк) – это **название границы**, которая по-арабски называется «قمقام» (қамқом), однако автор «Burhān-e qāṭi’» писал это слово как «چهاربامک» (чахорбомак) и посчитал «yā» «mīm»-ом. «چخي» (Чахй), то есть действие наперекор и важничание. Значение этого слова одинаково и в словаре «Burhān-e qāṭi’», и в толковом словаре «Anjumanārgā-e Nāsirī», разницу можно увидеть только

в огласовках слова, которые «Burhān-e qāṭī» приводится с кясрой первой буквы и сукуном второй буквы, т.е. «چخي» (чихй), однако в словаре «Anjumanāgā-e Nāsirī» приводится с фатхой первой буквы и кясрой второй буквы. «چکاک» (Чакок) упоминается в словаре «Burhān-e qāṭī» в рифме «هلاک» (халок), что означает **лоб**, арабы называют его «ناميه» (номия), также называют **писцов векселей и царских указов**, а также оно имеет значение **прокалывания драгоценного камня**. Но, Резакулихан Хидаят считал эти значения неправильными, «چکاد» (чакод) и «چکاده» (чакода) означают **макушку головы**, т.е. **середину головы, а не лоб**, также ошибочно его значение как писец векселей, оно не «چکاک» (чакок), а «سکاک» (сакок), ибо «سک» (сак) – это арабизированное слово от «چک» (чак) и это слово арабского происхождения. В третьем значении, то есть, называют того, кто пронизывает драгоценные камни, это тоже ошибка, потому что оно происходит от арабского слова «هکاک» (хаккок) [1, 16]. «دراقن» (дароқин) приводится в значении **персик**, который арабы называют «خوخ» (хавх), и это сирийское слово. Однако в «Burhān-e qāṭī» «درافس» (дарофис) приходит в рифме «حوادث» (хаводис) и в лексике жителей Сирии оно означает **персик – знаменитый фрукт**, который по-арабски называют «خوخ» (хавх). «ديماس» (демос) упоминается в смысле **ограждения и дома зверей**, спрятанного под землей, однако в «Burhān-e qāṭī» демос приводится в рифме «ريواس» (ревос) и является **переводом объяснения**, что означает **прояснение и проявление**. «دقوس» (дуфус) в лексиконе населения Магриба означает **лук**, которого арабы называют «بصل» (басал). В словаре «Burhān-e qāṭī» «دقوس» (дуқус) имеет то же значение, что и в толковом словаре «Anjumanāgā-e Nāsirī», однако прослеживается разница в замене «fā» на «qāf» [1, 17-18]. В этой статье автор лишь говорит о недостатках словаря «Burhān-e qāṭī» и излагает лексическое пояснение слов.

В пятой статье толкового словаря под заголовком «Исследование персидского языка и его изменений, а также качества слова,

прозаической и поэтической речи», он описывает персидский язык как «сладкий, хороший и добрый язык», «слушание которого делает грустное сердце счастливым». Он говорит о смешении персидского языка с арабским, а затем турецким и, по своей воле, французскими, русскими и английскими словами, и, подчеркивая красноречие персидско-таджикского языка, он ссылается на высказывание исламских ученых о том, что «в молитве чтение на персидском языке после арабского дозволено, а другому языку не дозволено».

Упомянув о смешивании персидско-таджикского языка с другими языками, особенно с арабским, автор использует термины *mufarras* и *tu'arrab*, причем *mufarras* или *tafris* означает персизированные слова, а *tu'arrab* или *ta'rib* – арабизированные слова. Поэтому в объяснении этих двух терминов он говорит следующее: «Знай, что тафрис состоит из изменения, которое персы выбрали по своему усмотрению из арабских и индийских слов, и каждая единица из тех измененных слов называется *mufarras*». Он излагает пояснение персизированных слов на самом деле преобразованием, например, «لیکن» (лекин) от «لاکن» (локин), то есть преобразование неизвестного «ya», или при добавлении букв, например, «طلبیدن» (талабидан) и «فهمیدن» (фахмидан) от «طلب» (талаб) и «فهم» (фахм) или преобразование и удаление, например, «تانگا» (танга) с фатхой «то» с верхними точками и персидской буквой «kāf» от «طکه» (така) с фатхой индийской буквы «ṭā» и арабской буквой «kāf» приводится в значении арабского слова «فلوس» (фулус). «Также *ta'rib*, по его словам, состоит из изменения, которое арабы внесли в неарабские слова в соответствии со своим стилем произношения, и каждое из этих измененных слов называется *tu'arrab*». Арабизированные слова рассмотрены при смене букв, таких как «ابلق» (аблақ) от «ابلك» (аблак), «بط» (бат) от «بت» (бат), «تریاق» (тарёқ) от «تریاک» (тарёк), «جوهر» (жавҳар) от «گوهر» (гавҳар), «دییاجه» (дебоча) от «دییاجه» (дебоча), «شصت» (шаст) от «شست» (шаст), «صد» (сад) от «سد» (сад), «طوطی» (тўти) от «توتی» (тўти), «فرسخ» (фарсах) от «فرسنگ»

(фарсанг), «قانون» (қонун) от «كانون» (конун), «لعل» (лаъл) от «لال» (лол), или удаление буквы, как «بستان» (бустон) от «بوستان» (бӯстон) и обавление буквы, как «ديياج» (дебоҷ) от «ديبا» (дебо) и т.д. [1, 20].

Кроме того, упоминание некоторых аллегорий, которым автор посвятил третий раздел толкового словаря, является уместным в этом разделе, поскольку они не вошли во второй раздел, посвященный лексике. В частности: «آب دندان» (обдандон) – в смысле **противника невежественного, ленивого и слабого**; «آب سير» (обсер) – в смысле **движущегося транспортного средства**; «بادپا» (бодпо) – в смысле **быстроногой лошади**; «روز خوش» (рӯзи хуш) – в смысле **дней молодости**; «روز خسب و شب خيز» (рӯзхусбу шабхез) – **отшельник, аскет, бодрствующий по ночам**; «زودخيز» (зудхез) – **повинующийся**; «سايه پرست» (сояпараст) – **любящий тень**; «سايه پرور» (сояпарвар) – **тот, кто привыкает к комфорту**; «ده دادن» (деҳ додан) – **покидать**; «هم تازيانه» (ҳамтазиёна) – **товарищество**; «ماه خرگهي» (моҳи хиргаҳӣ) – **возлюбленная** и т.д. [1, 706].

Основные лексические особенности толкового словаря «Anjumanārah-e Nāsiri» проявляются также в том, что стиль языка автора является простым в понимании, и он использует термины, которые являются понятными каждому. Например, он приводит названия букв таджикского алфавита, основанные на арабской графике, такие как: «*alif*», «*bā*», «*tā*», «*thā*», «*jim*» и т.д., *farhang*, *luḡat*, *anjuman*, *ārāiš*, *nigāriš*, *perāiš*, *dāniš*, *biniš*, *guftor*, *dastur*, *āin*, *guftār*, *fāida*, *ḥurūfi tahajjī*, *fathā*, *kasra*, *ḡamma*, *sākin*, *tašdid*, *mufrad*, *jam*; *muannath*, *mudakkar*, *murādif*, *murakkab*, *bayt*, *šawāhid*, *mufarras*, *mu'arrab*, *muwallad*, *mutafarriq* и так далее. Толковый словарь по своему принципу включает преимущественно персидско-таджикскую лексику. Однако в некоторых случаях прослеживаются арабские, тюркские, греческие, индийские слова, использованные в том же смысле, что и их оригиналы.

В целом, лексические объяснения «Anjumanārah-e Nāsiri» направлены на устранение ошибок и погрешностей других словарей,

написанных в более ранние периоды истории персидско-таджикской лексикографии и служивших для «Anjumanārā-e Nāsirī» в качестве источников. Как показывает вышеприведенный анализ, лексические объяснения «Anjumanārā-e Nāsirī» по сравнению с «Burhān-e qāṭi‘», выглядят более убедительными и различаются более высокой научной обоснованностью. Резакулихан Хидаят в своём словаре даёт весьма интересную классификацию лексического состава классического персидско-таджикского языка, разделяя слова на такие группы, как *mufarras*, *tu‘arrab*. При этом, языковое явление, обозначающее превращение слов из персидского, турецкого, греческого и других языков на арабские слова обозначается автором «Anjumanārā-e Nāsirī» как *ta‘rib*, а явление, обозначающее превращение арабских, тюркских, греческих, индийских и других слов на персидско-таджикские слова – *tafris*.

Многие лексические объяснения автора «Anjumanārā-e Nāsirī» подходят также для лексического анализа лексических явлений и особенностей современного таджикского литературного языка, в котором до сих пор актуальны вышеупомянутые явления *tu‘arrab* и *mufarras*. Ибо, значительная часть лексикона современного таджикского языка состоит из слов, заимствованных с арабского языка. Автор «Anjumanārā-e Nāsirī», затрагивает вопрос о некоторых особенностях заимствования арабских слов – явления, широко распространившегося в истории персидско-таджикского классического языка после нашествия арабов в Иран и Среднюю Азию, принятии населения этого региона мусульманской религии и возвышении статуса арабского языка как языка международного общения и делопроизводства и продолжившегося вплоть до Великой Октябрьской Социалистической Революции [9, 25]. Эта проблема достаточно всесторонне исследована со стороны современных отечественных и зарубежных ученых-лингвистов. Отчасти, отечественные исследователи отмечают, что все арабские лексические элементы, принятые в

таджикский язык, употребляются как слова таджикского языка и соответствуют грамматическим правилам таджикского языка: от них образуются формы множественного числа посредством таджикских собирательных суффиксов: *қаламҳо, амалҳо, китобҳо, муаллимон, муаллифон* (**карандаши, работы, книги, учителя, авторы**) и т.д. С помощью суффиксов и приставок от них образуются новые слова: *боақл, бофарҳанг, беғараз, номукаммал, низомнок, лаёқатманд* (**умный, культурный, бескорыстный, неполный, порядочный, способный**) и др. От таджикских вспомогательных глаголов и арабских слов образуются именные глаголы: *вусъат додан, таклиф кардан, талаб намудан, ба эҳсосот дода шудан* (**расширять, предлагать, требовать, поддаваться эмоциям**) и т.д. Таджикские исследователи также отмечают, что, помимо лексических элементов, из арабского языка в таджикский язык перешли некоторые грамматические и лексико-грамматические элементы, например, суффикс «от»: *сабзавот, мевачот, дастурот, фармоишот* (**овощи, фрукты, наставления, приказы**), приставки *аммо, лекин* (**но, впрочем**) и др [9, 32-34].

Современные таджикские исследователи отмечают, что арабские слова являются свидетелем и ярким фактом исторических связей и взаимного влияния персидско-таджикского и арабского языков, и в связи с этим, как специфические языковые факторы, отражают формирование и развитие лексического состава языка в различных периодах его развития. Таджикские слова, ставшие арабскими, конечно, в результате их включения в арабский язык, претерпели такие изменения; однако *tu'arrabāt* не является уникальным явлением в арабском лексиконе [9, 33]. То есть, такое явление свойственно также другим языкам, в том числе персидско-таджикскому языку, и данное явление называется автором «Anjumanāgā-e Nāsirī» как *mufarrasāt* (*ставшие персидским*), или *tafris тафрис* (*персизированные*). Таким образом, лексические объяснения автора «Anjumanāgā-e Nāsirī» во многом созвучны и соразмерны

современным научным трактовкам лексических феноменов персидско-таджикского языка.

2.3. Морфологический анализ в толковом словаре «Anjumanārā-e Nāsirī»

Морфология (от древнегреческого *μορφή morphé* — «форма», и *λόγος logos* — «слово», «учение», «разум»), также: морфематика или морфемика — лингвистическая субдисциплина, объектом изучения которой является слово как наибольшая единица и морфема как наименьшая единица. Она исследует строение слов и закономерности их построения. С помощью структуралистского подхода (сегментации, замены и классификации) выделяются мельчайшие единицы (морфемы), несущие смысл или имеющие грамматическую функцию. Морфемы – это мельчайшие языковые единицы языковой системы, обладающие смысловой или грамматической функцией. Они образуют составляющие структуры слова и посредством сочетания создают новые слова и словоформы. Морфемы также сигнализируют о функциях внутри определенных структур предложений.

Морфология как раздел грамматики и изучает правила изменения слов. Более всего в эту область входят способы выражения грамматических категорий частей речи, категорий определенных и неопределенных, числа в существительных, категории степени в прилагательных, категорий времени, рода, лица и числа в глаголах.

Словообразование представляет собой отдельную главу морфологии. В классической и современном таджикском языке более продуктивны аффиксальные формы (составление слов с суффиксами и приставками) [9, 4].

Уместно подчеркнуть, что в толковом словаре «Anjumanārā-e Nāsirī» присутствуют морфолого-грамматические заметки, входящие в число грамматических тем персидско-таджикского языка. Анализ и

исследование морфолого-грамматических вопросов данного толкового словаря в таджикском языкознании до сих пор не оказались объектом изучения.

Автор разъясняет науку о морфологии, называемую в сегодняшнем таджикском языкознании термином «морфология», следующим образом: «Наука о морфологии в лексике – это построение слова, образование слов, их изменение и преобразование. Предметом этой науки является только слово, а ее главная цель – защитить разум от словесных ошибок» [1, 46]. В современной лингвистической науке также одной из основных задач морфологии является изучение морфологического состава слов. Слово как содержательный элемент языка и выражающее определенное значение представляет собой «сложную единицу речи». Считается, что слово наряду с лексическим значением может иметь одно или несколько грамматических значений [9, 123].

Ризакулихан Хидаят в рамках словообразования упоминает грамматические функции букв персидско-таджикского языка. Он показал девять грамматических функций буквы «alif», о чем некоторые учёные также делали одинаковые указания. Таким образом, автор толкового словаря говорит: «Знайте, что буква в термине есть слово, которое в своей сути не указывает на смысл, разве что, соединяясь с существительным или глаголом, оно обретает смысл, будь то в виде отдельной буквы алфавита или состоящее из двух или более букв» [1, 39]. По мнению Резакулихана Хидаята, ни одна буква в отдельности не может выражать какое-либо значение, если она не соединена с существительным или глаголом. Указания на такую точку зрения можно найти и в большинстве трудов отечественных ученых, подтверждением чего является книга профессора Т.Н. Хаскашева «Фонетика таджикского литературного языка». По поводу отдельных фонем профессор Т.Н. Хаскашев подчеркивает следующее: «Звук «о» и звук «б» не могут давать значения и не имеют значения по отдельности. Когда эти буквы

расставлены по порядку, получаются слова «об» - **вода** или «бо» - предлог –с [71, 6].

Резакулихан Хидаят, упоминая о функции первой буквы «alif», называет ее «alif»-ом «дуо» - **мольба** и говорит: «Этот «alif» ставится перед последней буквой в настоящем-будущем времени из-за появления понятия мольбы: «بود» (бувод), «دهاد» (диход), «رساناد» (расонод), «گرداناد» (гардонод)». Для облегчения произношения из слова «بود» убрали дамму «bā», удалили букву «wāw» и остается «باد» (бод), для чего автор приводит пример из стихов Хафиза:

Хусни ту ҳамеша дар фузун бод,

Рӯят ҳама сол лолагун бод.

Пусть твоя красота всегда будет обильной.

Пусть твое лицо каждый год будет цветом тюльпана [1, 39].

В случае отрицательной формы глагола настояще-будущего времени из-за придания мольбы смыслу требования и нужды отрицательная «nūn» сменяется на отрицательную букву «mīm», наподобие: «مباد» (мабод), «مکناد» (макунод), «مبیناد» (мабинод), «مریزاد» (марезод). Автор для пояснения темы приводит стих Саади:

Чавонмардро тангдастӣ мабод,

Ки сифла Худованди ҳастӣ мабод.

Пусть не испытает великодушный нужду,

Пусть не будет презренным, о Бог бытия [1, 40].

При выполнении второй функции Резакулихан Хидаят рассматривает «alif» как соединительный «alif», и говорит: «Этот «alif» стоит между двумя разными словами и дает значение союза «wāw», он приводит пример слова «تکاپو» (такопӯ) - **хлопоты**, «سالاماه» (солосомах) - **годы и месяцы**, «شбарوز» (шаборӯз) - **ночью и днем**, «کمابیش» (камобеш) - **меньше и больше**.

Третья функция «alif»-а с точки зрения Резакулихана Хидаята, – это соединение частей слова. Считая его связующим «alif»-ом, он говорит,

что «alif» приходит между двумя однородными существительными и выражает значение связки и соединения, такие как: «دمادم» (дамодам), «دوشادوش» (дӯшодӯш), «سالاسال» (солосол), «شباشب» (шабошаб). В качестве примера он приводит стихотворную строку:

Дамодам зи дасти ту хун мехӯрам...

Бесперывно с твоих рук я пью кровь...

Четвертая функция «alif»-а, говорит Резакулихан Хидаят, – это «alif» ограничения, который он включает в слова. По его словам, этот «alif» находится между двумя существительными и дает значение **всего и целостности**. Он приводит пример слова «سراسر» (соросар) - **с начала до конца**, «سراپا» (саропо) - **с головы до ног**.

Пятая функция «alif» в толковом словаре «Anjumanāgā-e Nāsirī» выражает значение восклицания, который Резакулихан Хидаят назвал «alif»-ом восклицания. По его мнению, этот «alif» присоединяется к концу существительного, не являющегося прилагательным, и объясняет значение «эй», например, «خدایا» (Худоё), «سنما» (санамо), «بزرگا» (бузурго).

В выполнении шестой функции, Резакулихан Хидаят рассматривает «alif» как «alif» масдара (инфинитива) и говорит: «Этот «alif» в сочетании с существительным и прилагательным дает значение инфинитива, «پهنا» (пахно) - **широко**, «ژرفا» (жарфо) - **глубоко**, «درازا» (дарозо) - **длинно**, «فراخا» (фарохо) – **обширно**».

Седьмой функцией буквы «alif» в толковом словаре «Anjumanāgā-e Nāsirī» является «alif» подлежащее, при котором, по мнению Резакулихана Хидаята, «alif» стоит в конце повелительного глагола и выражает значение причастия действительного залога, такие как: «بينا» (бино) - **видящий**, «دانا» (доно) - **знающий**, «شنوا» (шунаво) - **слушающий**, «گویا» (гӯё) - **говорящий**. Он подчеркивает, что это «alif» в некоторых случаях может прийти в значении причастия страдательного залога и его называют «alif» страдательного залога. Например, в следующем предложении: *Пазиро бод арзи ошиқи зор, яъне пазирuftа бод* (**Пусть**

будет принята мольба страдающего влюбленного, то есть пусть будет принят).

Восьмая функция «alif» – это выражение подчеркивания, которое Резакулихан Хидаят называет «alif»-ом подчеркивания. Об этом «alif»-е он говорит: ««alif» подчеркивания добавляется в конце слов, чтобы показать подчеркнутый смысл мольбы, «مبادا» (мабодо) - **да не будет**, «مرسدا» (марасадо) - **да не достигнет**».

Девятой функцией «alif»-а в толковом словаре «Anjumanāgā-e Nāsirī» считается выражение преувеличения, и отмечается: Этот «alif» сочетается с существительным и прилагательным и дает значение множества, таких как «بدا» (бадо), «خوشا» (хушо), т.е. **много зол и добра**, что выражено словами А. Джами:

*Хушо, ҳоли он зираки пандгир,
Ки аз марги ғайр аст ибратпазир.
Как хорошо состояние того сметливого,
слушающего наставление,
Который от смерти другого принимает пример [1, 40].*

Относительно грамматических функций буквы «bā» автор показывает шестнадцать функций и для приведения примеров опирается преимущественно на стихи поэтов. Во-первых, она приходит в значении предлога «بر» (бар) - **над**, названного «bā» возвышения.

*Ҳеч ҳамдарде намеёбам сазои хештан,
Мениҳам чун беда маҷнун сар ба пои хештан.
Никакого сочувствующего не нахожу достойным для себя,
Кладу подобно плакучей иве голову на свою ногу.*

Саиб

Во-вторых, в значении предлога «در» (дар) - **в**, названный «bā» наречия.

*Фароғате ба найистони бўрё дорам,
Мабод роҳ дар ин беша шери қолиро.*

*Досуг, который я имею на зарослях тростника циновки,
Пусть не будет пути в этом лесу льву ковра [1, 40].*

Гани

В-третьих, в значении предлога «برای» (барои) – **для**.

*Агар ба сайри чаман меравӣ қадам бардор,
Ки ҳамчу ранги ҳано меравад баҳор аз даст.
Если гулянье цветника ты вознамерился, поднимай шаг,
Ведь подобно цвету хны уходит весна из рук [1, 40].*

Хафиз

В-четвертых, оно означает «تَه» (тах) - **вниз** и «زیر» (зер) – **под**.

*Чунин то ба миқдори ҳафтад мард,
Ба теғ омад аз румиён дар набард
То есть никто не является врагом своим сородичам.
Таких до числа семидесяти мужей,
Взяли мечи у римлян в сражении.*

Низами

В-пятых, в значении суффикса «ро»:

*Атокарда аз ганҷ инъоми хеш,
Ба дил ёди хешу ба лаб номи хеш.
Он дал из сокровища свои дары,
Сердцем воспинание о себе, устами – свое имя.*

Ваиз

В-шестых, выражает значение **наречия**.

*Зиҳӣ сафои иморат, ки тамошоиш,
Ба дида боз нагардад нигоҳ аз девор.
Какая ясность здания, что от его лицезрения
Взор не отводится назад при взгляде со стены.*

Урфи

В-седьмых, в значении **противопоставления и замещения**.

Падарам равзаи ризвон ба ду гандум бифуруҳт,

*Нохалаф бошам агар ман ба ҷаве нафурӯшам.
Мой отец продал райский сад за два пшеницы.
Буду беспутным, если я не продам за одно зерно ячменя.*

Хафиз

В-восьмых, в значении **монанд** (похожий), названий «bā» сравнения.

*Бӯи сари зулфи ту ба шайдоии ман нест,
Овозаи ҳусни ту ба расвоии ман нест
Запах твоего локона не сравнится с моей
безумной влюбленностью,
Слух о твоей красоте не сравнится с моим позором.*

Саиб

В-девятых, в значении «مع» (маъа) - **вместе** с, которое часто называют «bā» соединения.

*Менолам аз ҷудоии ту дам ба дам чу най,
В-ин турфатар, ки аз ту наям як нафас ҷудо.
Я стенаю от разлуки по тебе время от времени подобно флейте,
И что удивительно, я с тобой не разделен ни на одно мгновение.*

Джами

В-десятых, в значении **количества**.

*Агар бо рафиқон набоиш шафиқ,
Ба фарсанг бигрезад аз ту рафиқ.
Если к своим друзьям ты не будешь сочувствующим,
За мило убежит от тебя друг.*

Саади

В-одиннадцатых, в значении **подходящий**.

*Шояд ба муддаои ту гӯям ҳикояте,
Якбор арзи ҳоли маро метавон шунид.
Может, по твоему желанию я расскажу историю.
Одним разом мою историю можешь услышать.*

Дониш

В-шестнадцатых, «bā» **начала**: я начинаю эту книгу с помощью имени всепрощающего Бога.

Интересно отметить, что автор констатировал грамматическую функцию буквы «šīn» как инфинитивное выражение. Если неогласованный «šīn» стоит в конце единственного повелительного наклонения обращения, то он придает значение инфинитива и называется инфинитивным «šīn»-ом, например, «بخشایش» (бахшоиш), «فرمایش» (фармоиш), «پرسیش» (пурсиш), «کوشیش» (кӯшиш) и т.д. [1, 41].

Буква «kāf» в основном выражает грамматическую функцию уменьшительных существительных. Если «kāf» не огласован и стоит вместе с существительным и перед ним стоит фатха, то он называется уменьшительным «kāf»-ом, т.е. принимает суффикс «ак», например, «پسرک» (писарак), «دخترک» (духтарак).

А иногда буква «kāf» употребляется для уменьшительных и ласкательных существительных, например, «خردک» (хурдак), «طفلک» (тифлак) [1, 41].

Кроме вышеупомянутой функции в словообразовании существительного, буква «к» в составе суффикса «ак» в современном таджикском языке также выполняет ряд других функций, о чём упоминают авторы академического труда «Современный таджикский литературный язык»: 1. Употребляется вместе с существительным и создает новое существительное: *мардумак*, *айнак*, *нӯстак*; 2. От прилагательных с помощью этого суффикса образуются существительные, обозначающие предметы по их признакам: *каҷак*, *нағзак*, *тиррак*; 3. Составляет названия насекомых и животных от существительных и прилагательных: *кирмак* (**червь**), *харак* (**ослик**), *хомӯшак* (**комар**) и др [9, 137].

В выполнении грамматической функции буквы «tīm» автор показал две ее грамматические функции: во-первых, «tīm» причастие действительного залога, стоящий в конце чисел, например, «دوم» (дуввум)

- **второй**, «سوم» (саввум) - **третий**, «چهارم» (чаҳорум) – **четвертый**, «پنجم» (панҷум) - **пятый**. Во-вторых, «tim» определения женского рода, выражающий только имена женского рода, например, «خانم» (хонум) - **леди**.

Резакулихан Хидаят назвал одну из функций буквы «wāw» из-за ее сочетания с предложением обстояательства «wāw»-ом обстоятельства. Например, в следующем предложении: «باز آمد و در دست او شمشیر بود» (боз омад ва дар дасти ӯ шамшер буд) - **он пришел снова и у него в руке был меч**, то есть в обстоятельстве, **когда у него в руке был меч**.

Буква «wāw» часто встречается между двумя существительными или двумя глаголами, и ее называют соединительным «wāw»-ом, как: «آمد و رفت» (омад ва рафт) - **пришел и ушел**, «نشست و برخاست» (нишаст ва бархост) - **сел и встал**, «محمد و محمود» (Муҳаммад ва Маҳмуд) - **Мухаммад и Махмуд**, «خانه و باغ» (хона ва боғ) - **дом и сад**.

Суффикс «а», который автор назвал скрытым «hā», при его сочетании с некоторыми существительными сначала выражает функцию «hā», указывающего на женский род, например, «همخابه» (ҳамхоба), «همشیره» (ҳамшира). Во-вторых, «hā» наклонения, которое приходит в значении «wāw» отклонения между двумя глаголами, имеющими одно и то же подлежащее: «آورده» (оварда), «دیده» (дида), «فرستاده» (фиристода):

В-третьих, «hā» способности, стоящее в конце существительных, дающее значение достойного (подходящего), как: «درویشانه» (дарвешона), «شاهانه» (шоҳона). Например, в следующем предложении: «ان کس جامه درویشانه در بر و کلاه شاهانه بر سر دارد» (он кас ҷомаи дарвешона дар бар ва кулоҳи шоҳона бар сар дорад) - **он одет в халат дервиша и царский головной убор**.

В-четвертых, «hā» отношения, которое присоединяется к концу существительных и объясняет значение «uā» отношения, например, «یکشنبه» (якшаба), «دوباره» (дубора), «سه ماهه» (семоҳа), «چهارساله» (чаҳорсола).

Относительно грамматических функций буквы «yā» автор сначала обращает внимание на известность и неизвестность этой буквы, а затем приступает к ее объяснению. По его словам, буква «yā» известности состоит из шести частей.

Во-первых, «yā» инфинитива, который сочетается с существительным и прилагательным и выражает значение инфинитива, «توانگری» (тавонгарй) в значении **состоятельность**, «درویشی» (дарвешй) в значении **отшельничество**, «خرمی» (хуррамй) в значении **быть веселым**, «خوش دلی» (хушдилй) в значении **быть жизнерадостным**. В следующей речи Саади говорится: «درویشی به قناعت، توانگری به بضاعت» (дарвешй ба қаноат, тавонгарй ба бизоат) - **отшельничество от удовлетворения, состоятельность от имущества**.

Во-вторых, «yā» причастие действительного залога, который присоединяется к концу существительного, придает значение причастия действительного залога, например, «جنگی» (чангй) в значении **боец**, «چنگی» (чангй) в значении **играющий на чанге**.

В-третьих, «yā» причастие страдательного залога, который сочетается с существительным, дает значение причастия страдательного залога, как «سفارشی» (суфоришй) и «سندی» (санадй) в значении **заказной** и **документальный**. Также Резакулихан Хидаят для пояснения упоминает следующий момент: «Знай, что, когда каждое «yā» инфинитива, причастие действительного и страдательного залогов присоединяется к какому-либо слову, последняя буква которого является «hā» хавваз, в этом случае замена буквы «hā» на персидский «kāf» является обязательной, например, «آوارگی» (оворагй) - **блуждание**, «نظارگی» (наззорагй) - **видящий**, «تیرگی» (тирагй) - **темнота**.

В-четвертых, «yā» отношения, которое присоединяется к концу существительных и выражает причастие действительного залога или причастие страдательного залога, например, «سندی» (синдй) - **принадлежащий Синду**, «هندی» (хиндй) - **принадлежащий Индии**. Однако,

если относительное «уā» стоит после «alif» и долгой «wāw», либо ставится сакин над хамзой, либо добавляется одно «уā», например, «طلاى» (тиллой), «كبرىاى» (кибриёй), «كمبوى» (камбӯй). Если «уā» отношения стоит после «уā» известности, то оно заменяется на «wāw», например, «دهلوى» (Дехлавй) - из Дели, «نبوى» (набавй) - **относящийся к пророку**. Также «уā», которое имеет форму краткого «alif»-а, превращается в «wāw», как: «مرتضىوى» (муртазавй), «مصطفىوى» (мустафавй) [1, 42].

Морфологические заметки в толковом словаре прослеживаются почти во всей статье соваря «Anjumanāgā-e Nāsiri». Автор в седьмой статье словаря рассказывает о суффиксах, выражающих определенное значение. Данная статья состоит из 16 частей и в первой части говорится о местоимениях. Во второй части речь идет об объяснении некоторых названий букв алфавита, которые помимо значения имени имеют и другие значения. Например, о предлоге **-бо** (с), объясняющей соотношение сопровождения и дополнения, автор рассуждает следующим образом: буква «bā» выражает сопровождение и присоединение, например, *ин чиз бо ин чиз аст* (**эта вещь находится с этой вещью**). Буква «tā» используется, по мнению Резакулихана Хидаята, для выражения значения предостережения и уведомления, как в следующем бейте Саади:

*Зи соҳиби ғараз то суҳан шунавӣ,
Ки гар кор бандӣ, пушаймон шавӣ.
От корыстного человека если услышишь слово,
Если используешь его в своем деле, пожалеешь.*

Также она приходит в значении причины, как: *фалонро задем то фалон корро кунад* (**мы избili такого-то, чтобы он сделал такого-то**). «Ĥā» – повеление *хобидан* (**идти спать**) и *хобида* (**лечь**). «Rā» используется для выражения значения пассивного залога, а иногда и для выражения значения добавления. Кроме того, имеет значение предлога «барои»

(для), как в следующем примере: *Худоро, як назар, эй сарви озод* (**Ради бога, взгляни, свободный кипарис**). «Zā» – повеление *зоидан* (**рожать**) и *зоида* (**рожденный**). «Šin» – повеление *нишастан* (**сидеть**) и *нишинанда* (**сидящий**). «Fā» является синонимом «wā», *чун ин суханро фо гуфт, яъне во гуфт* (**когда сказал это слово «фо», то есть сказал «во»**). Иногда оно используется вместо «bā». «Kāf» повеление *шикофтан* (**раскалывать**) и *шикофанда* (**раскалывающий**). «Nūn» является сокращением от «акнун» (**сейчас**) и «кунун» (**ныне**): *ба гетӣ андар «nūn»-и моликулмулук туӣ* (**в мире теперь ты собственник владений**). «Yā» в арабском языке – эта буква означает местоимение «ам» (моё).

Третья часть этого раздела рассказывает о словах, используемых для обозначения слов «зѐб» (**прелесть; привлекательность**) и «хусн» (**красота, прелесть; привлекательность; изящество**) и не входящих в речь:

Префикс «дар» (в), например, *дарбаст*, т.е. *баст* (**закрыл**), *даромад* (**вошел**), т.е. *омад* (**пришел**).

Префикс «бар» (на), например, *бархонд* (**позвал**), т.е. *хонд* (**звал**), *баргирифт* (**забрал**), т.е. *гирифт* (**взял**), *баргуфт* (**высказал**), т.е. *гуфт* (**сказал**).

Префикс «фаро» (сверху, над), которая чаще всего используется в поэзии, как в этом стихотворении Саади:

Вақте афтод фитнае дар Шом,
 Ҷар кас аз гӯшае **фаро** рафтанд.
 Когда распространились козни в Сирии,
 Каждый ушел в какой-то угол.

То есть они куда-то пошли. Этот предлог «фаро» в современном таджикском литературном языке вышел из употребления.

Префикс «фурӯ» (вниз): *фурӯрехт*, *фурӯхонд* (**обвалить, отзывать**).

Префикс «бо» (с), как: *бигуфт*, *бирафт*, *биёмад*, т.е. *гуфт*, *рафт*, *омад* (**сказал, пошел, пришел**). Этот префикс в современном таджикском литературном языке является широко употребительным.

Префикс «хаме» (вместе): *хамерафтӣ*, *хамегуфтӣ*, т.е. *рафтӣ*, *гуфтӣ* (ты пошел, ты сказал).

Префикс «но»: *нофарҷом*, *ноком*, *ночор*, *ноҳинҷор* (**неоконченный, неудачный, беспомощный, неловкий**). Этот префикс также может означать причастие страдательного залога, например, *нописанд* в значении **нелюбимый**, *нохоҳ* в значении **нежелательный**, *норас* в значении **недостигнутый**, *ноёб* в значении **редкий** [1, 44].

В целом, в современном таджикском литературном языке образование существительного с помощью префиксов является редким явлением. В составе существительного чаще всего встречается префикс «хам», который идет вместе с существительными и объясняет совместное существование, взаимоотношение или взаимодействие людей и предметов: *хамсафар* (**попутчик**), *хамсинф* (**одноклассник**), *хамкор* (**коллега**) и т.д. [9, 152].

Суффикс «ор» обычно стоит в конце слов и выражает значение инфинитива, например, *куштор* (**убийство**) и *гуфтор* (**речь**) в значении *кушта* (**убитый**) и *гуфта* (**сказанный**), *рафтор* (**поведение**) и *гуфтор* в значении *рафт* (**ушел**) и *гуфт* (**сказал**).

Четвертая часть посвящена суффиксам персидско-таджикского языка, в том числе:

Суффикс «манд»: *арҷуманд*, *дардманд*, *орзуманд*, *доншиманд* (**благородный, болезненный, амбициозный, знающий**)

Суффикс «гор»: *ситамгор*, *гунаҳгор*, *хидматгор* (**угнетатель, грешник, слуга**).

Пятая часть посвящена суффиксам, имеющим значение действия, в том числе:

Суффикс «гар»: *ишиагар*, *косагар*, *оҳангар* (**стекловар, чашечник, кузнец**):

Суффикс «он»: *хандон*, *гирён* (**смеющийся, плачущий**):

Суффикс «ор»: *харидор*, *фуруҳтор* (**покупатель, продавец**).

В шестой части он упомянул некоторые суффиксы, передающие значение множества и обилия, такие как:

Суффикс «лох»: *санглох, девлох, ахриманлох, оташлох* (**каменистая местность, место обитания дивов, обитель демонов, камин**). Использование слов «ахриманлох» и «оташлох» прослеживается только в толковом словаре «Anjumanāgā-e Nāsirī».

Суффикс «сор»: *шохсор, намаксор, кӯхсор* (**местность, изобилующая ветвистыми деревьями, соляной карьер, гористая местность**);

Суффикс «зор»: *лолазор, сабзазор, гулзор* (**тюльпановый сад, зеленый сад, цветник**);

Суффикс «бор»: *дарёбор, рӯдбор* (**большая река, большое озеро**);

Суффикс «истон»: *гулистон, бўстон, себистон, сунбулистон, бемористон* (**цветник, сад, яблоневый сад, сад гиацинта, больница**).

Седьмая часть посвящена словам, выражающих значение сходства, наподобие «дас» и «дес»: *яке хона карданд фарохдес* (**построили дом широкий**).

Суффикс «вон»: *пилвон* (**погонщик слонов**).

Суффикс «ван»: *сатарван* и *астарван* (**бесплодная женщина**).

Суффикс «ванд»: *Худованд, пӯлодванд, пайванд* (**Господь, стальной, связывание**). На основе исследований автора выявляется, что эти три суффикса имеют значение отношения, также в начале этого суффикса можно добавить долгий «alif», т.е. гласную «о», например, *хешованд, наҳованд, дамованд, пованд*, т.е. *побанд* (**пути; оковы**). Однако значение отношения иногда также сочетается со значением сходства, например, суффикс «осо»: *шармосо, мардумосо* (**застенчивый, дружелюбный к людям**), суффикс «вор»: *хочавор* (**подобно хозяину**). Этот суффикс, во-первых, выражает значение способности, как *шоҳвор* (**подобно шаху**), во-вторых, он означает отношение, как *гӯшвор* (**серьга**), то есть по отношению к *гӯш* (уху), в-третьих, в смысле сходства, как *кохвор*, то есть

как **трон**, в-четвертых, в смысле деятельности, как средство передвижения.

Суффикс «сор»: *хоксор, сангсор* (**скромный, побивание камнями**);

Суффикс «паш»: *шерпаш* (**подобно льву**);

Суффикс «ваш»: *моҳваш* (**луноликий**);

Суффикс «фаш»: *шоҳфаш* (**цареподобный**).

Восьмая часть посвящена суффиксам, выражающим значение уменьшительного существительного:

«За»: *найза* (**копье**), иногда перед этим суффиксом добавляется буква «уā», например, *покиза, дӯшиза* (**чистый, девственница**).

«Жа»: *нойжа* (**труба, капля воды**).

«Ча»: *боғча, кӯча* (**садик, улица**).

«Ак»: *ғуломак, аспак* (**маленький раб, жеребенок**), неогласованный «wāw», что в современном таджикском языке выражает соединительный союз «ва» (и), например, *писар ва духтар, рӯз ва шаб* (**мальчик и девочка, день и ночь**).

Девятая часть посвящена суффиксам, имеющим значение способности, таким как:

Суффикс «вор»: *шоҳвор, гӯшвор* (**королевский, серьги**), имеет также значение количества, или объема, например, *ҷомавор* ((**ткань**), достаточный для пошивки одного халата); *номавор* ((**бумага**), достаточная для письма).

Суффикс «она»: *мардона, занона, шоҳона* (**мужской, женский, королевский**).

В десятой части речь идет о суффиксах, выражающих смысл охраны, таких как:

Суффикс «дор»: *пардор* (**пернатый**), *пардадор* (**завуалированный**), *рахдор* (**полосатый**). Также этот суффикс имеет значение обладателя, например, *зардор, молдор* (**имеющий золото, имеющий богатство**).

Суффикс «бон»: *дарбон, уштурбон, сорбон, бодбон, мизбон* (**охраник, пастух верблюдов, погонщик верблюдов, парус, принимающий гостей**).

Одиннадцатая часть посвящена пояснению суффиксов, придающих значение обладания каким-либо качеством, в том числе:

Суффикс «нок»: *ғамнок, дарднок* (**грустный, болезненный**).

Суффикс «гин»: *хаимгин, шармгин* (**злой, застенчивый**).

Двенадцатая часть – упоминание суффиксов, имеющих значение отношения, например, «уā» единственного числа, т.е. «й̄»: *чандборй̄, анборй̄* (**многократность, складный**).

Суффикс «ин»: *симин, заррин* (**серебряный, золотой**).

Суффикс «ок»: *фағок*, который относится к *фағ*, т.е. **идол, мағок**, который принадлежит *мағ*, т.е. **глубокий, табок**, относящийся к *таб* т.е. **жар**.

Суффикс «ол»: *чангол, дунбол* (**лапа, задняя часть**).

Суффикс «он»: *дабирон, котибон, сипохон, сипахбудон, рофеон* (**наставники, секретари, войска, военачальники, истцы**).

В тринадцатой части говорится о суффиксах, которые чаще всего используются в стихотворении, таких как «бом», «фом», «вом», «чарда» в значении цвета, что *сиёхчарда* означает **чернокожего**.

В четырнадцатой части упоминаются суффиксы, имеющие значение инфинитива:

Суффикс «гй̄»: *бахшандагй̄, шармандагй̄* (**прощение, стыд**).

Суффикс «ор»: *рафтор, кирдор* (**поведение, действие**).

Суффикс «иш»: *омурзиш, бахишиш* (**прощение, извинение**).

В пятнадцатой части речь идет о суффиксах, выражающих значение емкости, таких как:

Суффикс «дон»: *қаламдон, сурмадон, намакдон, гулдон, кохдон, ширдон, шамьдон* (**пенал, сурьянка, солонка, ваза, сенник, молочник, подсвечник**).

Суффикс «ванд»: *ованд*, состоящее из существительного «об» и суффикса «ванд» и имеющее значение *обдон* (**сосуд для воды**).

В шестнадцатой части упоминаются названия букв алфавита, используемые для рифмования в поэтической речи.

Суффикс «ор»: во-первых, придает значение инфинитива, как *рафтор* (поведение) и *гуфтор* (речь) в значении *рафтан* (идти) и *гуфтан* (говорить). Во-вторых, в значении причастия действительного залога как *парастор*, *харидор* (опекун, покупатель), в значении опекающего и покупающего. В-третьих, в значении страдательного залога, как *гирифтор* (обреченный) и *мурдор* (поганый, нечистый) в значении предназначенного к тяжелой участи и мертвого.

Суффикс «он», состоящий из «alif» и неогласованного «nūn», делится на две части: во-первых, «alif» и «nūn» множественного числа, которые стоят в конце существительного в единственном числе и образуют существительное во множественном числе, как *духтурон*, *муаллимон* (врачи, учителя).

Суффикс «ин»: состоит из «bā» и неогласованного «nūn» и чаще всего стоит в конце существительных, таких как *чавин*, *чубин*, *заррин*, *симин* (ячменный, деревянный, золотой, серебряный).

Суффиксы, выражающие значение причастия действительного залога: «гин» присоединяется к концу существительных и придает значение причастия действительного залога, например, *хашигин*, *шармгин*, *Ғамгин*, *андӯҳгин* (злой, застенчивый, грустный, печальный).

Суффикс «манд»: *орзӯманд*, *хирадманд* (амбициозный, мудрый).

Суффикс «ванд»: *Худованд*, *шаҳрванд* (Бог, горожанин).

Суффикс «вар»: *пешавар*, *суханвар*, *точвар*, *хунарвар* (лидер, оратор, венценосец, талантливый).

Суффикс «нок»: *бимнок*, *хашинок*, *Ғамнок*, *намнок* (испуганный, злой, грустный, влажный).

Суффикс «дор»: *тафсирдор* (имеющий толкование).

Суффикс «вор»: *сӯгвор* (скорбный).

Суффикс «сор»: *шармсор* (пристыженный) [1, 44].

Таким образом, значительная часть морфологических объяснений словаря «Anjumanāgā-e Nāsirī» посвящена суффиксам, которые широко употребляются в таджикском литературном языке для образования существительных. Многие упомянутые в данном источнике суффиксы также в современном таджикском языке играют весомую роль в словообразовании существительного и других частей речи [9, 131-152].

Также в морфологических заметках девятой статьи толкового словаря «Anjumanāgā-e Nāsirī» Резакулихан Хидаят рассматривает вопрос распознавания инфинитива, знака инфинитива, выражения инфинитивного существительного, буквы, обозначающей значение инфинитива, и спряжения глаголов настоящего и будущего времени. «Знай, что инфинитив – это существительное, обозначающее настоящее время». В качестве примера он приводит слова *рафтан*, *гуфтан*, *хӯрдан*, *шумурдан* (**идти, сказать, есть, считать**), выражающие причастие, т.е. *раванда*, *гӯянда*, *хӯранда*, *шумуранда* (**идуший, говорящий, кушающий, считающий**), а также упоминает, что если это происходит в прошедшем времени, то оно выражает причастие прошедшего времени, а если произойдет в будущем, то оно выражает настоящее-будущее время. Признаком инфинитива он считает: «tā» и «nūn», *рафтан* (**идти**) «dāl» и «nūn»: *хӯрдан* (**кушать**), до них он считал признаком инфинитива одну из одиннадцати букв «alif»: *додан* (**давать**), «tā»: *сутудан* (**хвалить**), «ḥā»: *тохтан* (**бегать**), «rā»: *бурдан* (**нести**), «sin»: *бастан* (**завязывать**), «šīn»: *куштан* (**убивать**), «fā»: *рафтан* (**идти**), «nūn»: *рондан* (**вести**), «wāw»: *будан* (**быть**), «yā»: *дамидан* (**надувать**). Из этих одиннадцати букв он считал инфинитивными буквами четыре буквы: «ḥā», «sin», «šīn» и «fā», в конце которых стоят буквы «tā» и «nūn». И инфинитивы, основанные на этих двух буквах, некоторые из них являются непереходными, а некоторые переходными. Разница между ними заключается в том, что для непереходного достаточно только подлежащего и он не нуждается в дополнении, например, *нишастан* (**сидение**). Однако для глагола

переходного инфинитива недостаточно подлежащего и глагола, он нуждается в дополнении, например, *задан (удар)*. В некоторых случаях непереходный инфинитив преобразуют в переходный путем добавления перед знаком инфинитива букв «alif» и «nūn», например, *хӯрдан-хӯрондан (есть-накормить)*, иногда после букв «alif» и «nūn» добавляют букву «уā», как *хӯрдан-хӯронидан, кашондан-кашонидан, ҷунбондан-ҷунбонидан (есть-покормить, нести-пронести, покачать-потрясти)*.

Также автор говорит, что буквой, обозначающей значение инфинитива, является «šīn» и «уā», такие как *бахишии, кӯшиши, мушкбезӣ (прощение, усилие, издавание запаха мускуса)*. Если в конце существительного добавляется инфинитивное «уā», окончание того существительного является буква «hā» *havvaz*, то есть оно выражает суффикс «а», а то «hā» заменяется на персидское «kāf», на согласное «g», как: *зиндагӣ (жизнь)* от *зинда (живой)*, *бандагӣ (рабство)* от *банда (раб)*, *парастандагӣ (поклонение)* от *парастанда (поклоняющийся)*.

После исследования инфинитивных букв, он рассматривает спряжения прошедшего и настоящего-будущего инфинитива и подчеркивает, что всякий раз, когда наклонение инфинитива и глагол прошедшего времени является буква «hā» и переведем их в глагол настоящего времени и повелительное наклонение, тогда буква «hā» становится «zā» с точкой, например, из инфинитива *сохтан (строить)* и глагола прошедшего времени *сохт (построил)*, образует глагол настоящего времени *месозад (строит)* и глагол повелительного наклонения *бисоз (построй)*. И складываются от *омӯхтан-омӯхт-меомӯзад-омӯз, омехтан-омехт-меомезад-омез, овехтан-овехт-меовезад-овез, андохтан-андохт-меандозад-андоз, дӯхтан-дӯхт-медӯзад-дӯз (изучать, смешивать, вешать, кидать, шить)*. В инфинитиве *шинохтан (признание)* буква «hā» заменяется на «sīn», как: *шинохтан-шинохт-месиносад-шинос (признать)*. В инфинитивах с буквой «fā», в настоящем-будущем времени и повелительном наклонении глагола она заменяется

на буквы «uā», «uā» и «wāw», как от инфинитива *куфтан* (**ударять**) и глагола прошедшего времени *куфт* (**ударил**) образуется глагол в настоящем-будущем времени *мекубад* (**ударяет**) и глагол повелительного наклонения *бикуб* (**ударяй**), или *шитофтан* (**торопиться**) – *шитофт* (**торопился**) – *мешитобад* (**торопится**) – *бишитоб* (**поторопись**); *тофтан* (**казаться**) – *тофт* (**казался**) – *метобад* (**кажется**) – *битоб* (**окажись**); *рўфтан* (**убирать**) – *рўфт* (**убирал**) – *мерўбад* (**убирает**) – *бирўб* (**убирай**); *хуфтан* (**спать**) – *хуфт* (**спал**) – *мехобад* (**спит**) – *бихоб* (**спи**); *гуфтан* (**сказать**) – *гуфт* (**сказал**) – *мегўяд* (**скажет**) – *бигўй* (**скажи**); *рафтан* (**идти**) – *рафт* (**ушел**) – *меравад* (**уйдет**) – *бирав* (**уйди**); *пазируфтан* (**принимать**) – *пазируфт* (**принял**) – *мепазирад* (**принимает**) – *бипазир* (**принимай**); *гирифтан* (**взять**) – *гирифт* (**взял**) – *мегирад* (**возьмет**) – *бигир* (**возьми**).

Если в инфинитиве и глаголе прошедшего времени стоит буква «šīn», а перед ней стоит буква «alif», то в глаголе настоящего-будущего времени и глаголе повелительного наклонения она меняется на букву «gā», как от инфинитива *коштан* (**сеять**) и от глагола прошедшего времени *кошт* (**посеял**) производится глагол настоящего-будущего времени *мекорад* (**посеет**) и глагол повелительного наклонения *бикор* (**посей**). *Гумоштан* (**назначать**) – *гумошт* (**назначал**) – *мегуморад* (**назначает**) – *бигумор* (**назначи**); *гузоштан* (**поставить**) – *гузошт* (**поставил**) – *мегузорад* (**поставит**) – *бигузор* (**поставляй**). Изменение буквы «šīn» на «hā» *havvaz*, как: *коштан* (**сократиться**) – *кост* (**сократился**) – *мекоҳад* (**сокращается**) – *бикоҳ* (**сокращай**); *хостан* (**хотеть**) – *хост* (**хотел**) – *мехоҳад* (**хочет**) – *бихоҳ* (**спроси**); *частан* (**прыгать**) – *част* (**прыгал**) – *мечаҳад* (**прыгает**) – *бичаҳ* (**прыгай**); *растан* (**спасаться**) – *раст* (**спасался**) – *мераҳад* (**спасается**) – *бираҳ* (**спасайся**). Преобразование «šīn» в «wāw», как: *рўстан* (**расти**) – *рўст* (**вырос**) – *мерўяд* (**растет**) – *бирўй* (**расти**); *чўстан* (**искать**) – *чўст* (**искал**) – *мечўяд* (**ищет**) – *бичўй* (**ищи**) и т.д. [1, 31-34].

Двенадцатая статья толкового словаря посвящена изложению существительного и его рассмотрению. Автор излагает разделение *huruf-*

ul-jar (предлоги), смыслы, уменьшительный «*kāf*» (союз «ак»), буквы множественного числа (собираательные суффиксы), «*uā*» «единства», «*uā*» «инфинитива», «*uā*» отношения, подлежащее, причастие действительного залога, местоимение, определяемое, причастие страдательного залога, междометия, определяемое (в *изафетной конструкции*) и другие вопросы, связанные с существительным, и разделил его на шесть частей термином *binish* (видение).

В первой части обсуждается непроизводное существительное, непроизводный инфинитив и производный инфинитив. Производное существительное – это существительное, не составленное из какого-либо слова, например, *мард ва зан*, *руз ва шаб*, *хуб ва зишт*, *пеи ва пас*, *як ва ду* (мужчина и женщина, день и ночь, хорошее и безобразное, до и после, один и два) и тому подобное. Однако из непроизводного существительного можно произвести какое-либо слово, которое называется производным существительным. Например, *сард-сардӣ* (холодный, холод)-существительное инфинитива, прилагательное *Техрон-техронӣ* (Тегеран-тегеранский) – относительное прилагательное. По мнению автора, как видно из примеров, непроизводное существительное выражает существительное единственного числа или может иметь простое значение, которое называется именем нарицательным; так, слово *боз* (опять) может иметь значение **отдельный, открытый и повторный**. Производное существительное может иметь как прямое, так и переносное значение, как, например, слово *намоз* (молитва), буквальное значение которого – особое поклонение раба, однако переносное значение которого – служение и послушание, или слово *шер* (лев), буквальное значение которого – хищник, однако метафорический смысл означает смелого и мужественного человека. Он назвал такие существительные переносными существительными. Инфинитивным выражением он считал существительное, состоящее из глаголов, производных существительных, указывающих на возникновение действия, а инфинитивным знаком – наличие букв «*nūn*» и «*tā*» с фатхой

и сакином последней буквы слова, и если удалить его последнее «nūn», то образуется третье лицо глагола единственного числа прошедшего времени. По словам иранского исследователя Махинбану Санеъ, Резакулихан Хидаят считается первым, кто упомянул этот момент в своем исследовании.

Инфинитив состоит из двух частей: исходного и подделного.

Исходный инфинитив выражает удаление инфинитива единственного числа, например, *омадан, рафтан, андӯхтан* (**прийти, уйти, собирать**).

Подделный инфинитив – это сложный инфинитив, который состоит из «yā» известности, «dāl» с фатхой и «nūn» с сакином, например, *фаҳмидан, шунидан, хандидан, хобидан* (**понимать, слышать, смеяться, спать**) и т.д. Также с обращением исходного инфинитива, например, *пиндоридан, коҳидан* (**думать, сокращаться**) или сочетание двух слов, во-первых, образуется непроизводное существительное или причастие страдательного залога, а во-вторых, образуется исходный инфинитив, например, *нигаҳ доштан, кушта шудан, фуру рафтан, тарсонидан* (**держаться, быть убитым, упасть, испугать**). Некоторые исследователи называют подделанный инфинитив сложным инфинитивом. Подделанные инфинитивы, образованные от восклицательного наклонения обращения, и являются синонимами, состоят из следующих: *фурушидан ва фурухтан, пиндоридан ва пиндоштан, тобидан ва тохтан, чӯйидан ва чӯстан, расидан ва рӯстан, коҳидан ва костан, гардидан ва куштан, гузоридан ва гузоштан* (**продавать, думать, казаться, искать, достигать, сокращаться, становиться, ставить**). Также к этому типу относятся некоторые исходные инфинитивы, являющиеся синонимами: *олудан ва оғуштан, гусастан ва гусехтан* (**вымазаться, разрывать**). И исходный инфинитив, и подделанный инфинитив бывают двух типов: производный и непроизводный. Производный инфинитив – это инфинитив, выражающий значение причастия действительного залога, например, *тарсидан, хуфтан, фаҳмидан, рамидан, ранҷидан, шод шудан*

(**бояться, спать, понимать, пугаться, обижаться, радоваться**). А производный инфинитив – это инфинитив, в котором наблюдается необходимость в причастии страдательного залога, например, *задан ва куштан, талабидан ва дузидан, кубидан ва ёд кардан* (**ударять и убивать, требовать и украсть, преследовать и вспоминать**) и тому подобное. Производный инфинитив в свою очередь состоит из двух частей: действительной залог страдательной залог. Действительный залог инфинитив – это инфинитив, который, если в него добавить определяемое (*в изафетной конструкции*), то определяемое становится логическим подлежащим, как в этом предложении: *ранчур гаштам аз задани Зайд Амрро* (**я огорчен от избиения Амра Зайдом**). А страдательный залог инфинитив – это инфинитив, который, если в него добавить определяемое (*в изафетной конструкции*), то определяемое становится дополнением, как в этом предложении: *бехабар будам аз кушта шудан* (**я не знал об убийстве**). За исключением непроизводного инфинитива, который из-за отсутствия дополнения всегда является известным.

Резакулихан Хидаят считал производный инфинитив существительным, образованным от слова, и разделил его на три части: первую – причастие действительного залога, которое образуется от третьего лица единственного числа настоящего времени с добавлением скрытого «hā», то есть суффикса «а» и «nūn» с сакином на последней букве слова и огласовкой предыдущей буквы кясрой, например, *оянда, раванда, зананда, кашанда* (**приходящий, уходящий, ударяющий, тянущий**) и тому подобное, и такое словообразование он рассматривает как предмет выражения инфинитивного значения. Также в стихотворениях поэтов-классиков наблюдается, что подобные существительные приведены с фатхой предыдущей буквой «nūn» и удалением «hā».

Ҳар ки ҳаст офарид, ӯ бандааст,

Банда дар банди офаринандааст.

Каждого, кто есть сотворил, он раб,

Раб находится в оковах создателя.

Санаи

Во-вторых, причастие страдательного залога, которое образуется от третьего лица единственного числа прошедшего времени положительного абсолютного глагола, независимо от того, действительный залог он или страдательный залог, путем добавления «hā» (суффикс «а») и выражает значение свершения действия глагола, например, *оварда ва овардашуда, кушта ва кушташуда* (**привозной и привозной, убитый и убитый**) и тому подобное.

В-третьих, отглагольное прилагательное – это существительное, которое образуется от второго лица единственного числа путем добавления буквы «alif» и «nūn» с сакином и придает значение инфинитива, который может быть и причастием действительного залога, например, *бозон, нӯён, чӯён, давон, равон* (**играющий, идущий, ищущий, бегущий, текущий**). Иногда оно выражает значение причастия страдательного залога, например, *тозон* (**бегущий, скачущий**).

Ба ҳар ҷавлон раширо дар арса чун тозон кунад,

Ошиқи бедил ба ҷои кӯи дил бозон кунад.

*На каждом движении он разгоняет лошадь настолько быстро в поле,
Бессердечного влюбленного на пути сердца разыгрывает.*

Рукной Масех

Вторая часть посвящено разъяснению способов создания составных прилагательных, которых автор делит на две части: производные и непроизводные. Производное прилагательное, которое в современной таджикской грамматике называется глаголом обстоятельства, представлено в словаре «Anjumanāgā-e Nāsirī» в следующих примерах: *оянда ва раванда, оварда ва бурда, хандон ва гирён* (**приходящий и уходящий, принесенный и унесенный, смеющийся и плачущий**). И непроизводное прилагательное, например, *баланду паст, тунду кунд, дарозу кутох, зишту хуб, сафеду сиёх, каму беш, гарону сабук, неку бад* (**высокое и низкое, острое и тупое, длинное и короткое, уродливое и**

хорошее, белое и черное, более и менее, дорогое и легкое, хорошее и плохое).

Резакулихан Хидаят считается одним из первых исследователей, давших некоторые пояснения в объяснении сложного существительного. Он назвал сложные слова, выражающие значение причастия действительного залога и причастия страдательного залога, сложными прилагательными и разделил их на четыре части:

Во-первых, слова, состоящие из двух существительных, даже если оба слова являются не прилагательными существительными, например, *оинару*, *камонабру*, *лоларухсор*, *кабкрафтор* (**красивая, имеющая дугообразные брови, румяная, с грациозной походкой** (о женщине). Иногда такие сложные слова выражают аллегорическое значение, например, *хамешабахор*, *сипосандеша*, *цабреша*, *зиёнкор* (**всегда весенний, благодарный, угнетатель, вредитель**). И будь то одно существительное прилагательным, а другое – не прилагательным, например, *баландоя*, *каммоя*, *цавонбахт* (**высокопоставленный, малоприбыльный, счастливый**). Такую сложность автор объяснил значением причастия действительного залога, в современном таджикском языкознании они относятся к сложным существительным.

Во-вторых, слова, состоящие из существительного и глагола: *худотарс* (**богобоязненный**), *ҳечдон* (**ничего не знающий**).

В-третьих, слова, состоящие из существительных и букв (префиксов и суффиксов), такие как: *дуюм ва сеюм*, *синдӣ ва ҳиндӣ*, *бохабар ва боҳуш*, *безар ва бесар*, *хидматкор ва гунаҳкор*, *рузманд ва давлатманд*, *меҳрубон ва паҳлавон*, *ночор ва ноҳинҷор* (**второе и третье, синдхийский и индийский, знающий и умный, без богатства и без головы, слуга и грешник, состоятельный и богатый, добрый и храбрый, безвыходный и неловкий**).

В-четвертых, слова, образованные из глаголов и букв (префиксов и суффиксов), такие как: *бино ва доно*, *харидор ва гирифтор*, *Офаридгор ва Омурзгор*, *нотавон ва ноёб* (**видящий и умный, покупатель и страдалец, Создатель и Прощающий, слабый и редкий**). Также автор подчеркнул,

что любое имя прилагательное, к которому добавляется суффикс «тар», называется *tafdīl* (сравнительная степень прилагательного) и выражает значение обладания каким-либо качеством, а в некоторых случаях выражается с предлогом «аз» (из, от), например, в этом предложении: *Зайд донадатар* (**Зайд более осведомлен**). По мнению автора, сравнительная степень прилагательного делится на три группы: во-первых, в нем присутствует как сравнивающий, так и сравнимый элемент, наподобие: *хӯи хӯи нектар аъмол аст* (**добрый характер – наилучший из поступков**); во-вторых, то, что в нем нет сравнимого элемента, как: *Худо бузургтар аст* (**Бог велик**), то есть **Он велик больше всех**; в-третьих, признак одного и того же инфинитива сравнивается в разное время, как: *саг аз мардуми мардумозор беҳ* (**собака лучше людей, вредящих другим**), то есть **собака лучше чем люди, которые наносят вред другим людям**.

Третья часть, в объяснении категорий неопределенности и определенности существительного. Резакулихан Хидаят категорию неопределенности существительного считает как существительное, тема, которого не является определенной для говорящего и адресата, например, *мард ва зан, дарахт ва чаман* (**мужчина и женщина, дерево и цветник**). Категория определенности существительного – существительное, тема которого является определенной говорящему и адресату, и она состоит из пяти частей.

1. Местоимение. В таджикском языке обозначает существительное, обозначающее первое лицо, второе лицо и третье лицо. По мнению автора, если нет необходимости соединяться с предыдущим перед собой существительным, то оно называется личным местоимением, а если есть необходимость соединиться с предыдущим перед ним существительным, то оно называется слитным местоимением (т.е. притяжательным местоимением). Поэтому как личные местоимения, так и притяжательные местоимения делятся на две группы по лицу и числу: местоимения единственного и множественного числа.

Личные местоимения единственного и множественного числа:

Лицо	Ед. число	Мн. число
1.	Ман (я)	Мо (мы)
2.	Ту (ты)	Шумо (вы)
3.	Ў, вай (он, она, оно)	Онҳо (они)

Также Резакулихан Хидаят объяснил употребление личных местоимений в стихах поэтов, заменив местоимения «мо» (мы) и «шумо» (вы) на слова «мон» и «тон», «эшон», т.е. «они» на слово «в-эшон» или «шон», «ў» (он, она) выражается словом «вай» (он, она).

*Дари хуррамӣ бар сарой бубинад,
Ки бонги зан аз **вай** барояд баланд.
Дверь счастья он увидит во дворце.
Где звон колокола из нее прозвучит громко.*

Саади

Употребление личного местоимения «ў, вай» (он, она, оно) в стихах поэтов чаще всего наблюдается для соблюдения ритмы и рифмы.

*Гуфтори ту шахдест, ки ҷонҳо макаси ўст
Рафтори ту сайлест, ки дил хору хаси ўст.
Твоя речь – сладость, комарами которой являются души,
Твое поведение – гулянье в саду, в котором сердце
является его шипами и соломой.*

Саиб

Если к личному местоимению «ў» (вай) (он, она, оно) присоединяется один из предлогов *аз, бо, бар, дар* (от, с, на, в), то его употребление допустимо во всех случаях. Личные местоимения по составу не могут быть отделены от подлежащего (субъекта действия), дополнения (объекта действия) и определяющего, и поэтому они называются местоимением подлежащего, местоимением дополнения и местоимением определяющего. Пример местоимения подлежащего: *ман омадам ва ту рафтӣ* (я пришел, а ты ушел). Здесь «*тӣ*» с сакином в

слове *омадам* (**я пришел**) считается признаком первого лица единственного числа, а «й̄» в слове *рафт̄и* (**ты ушел**) – признаком второго лица единственного числа, а не подлежащим глагола. Пример местоимения дополнения: *ранҷониданд маро ва туро* (**обидели и меня и тебя**). Пример местоимения определяющего (музафун илайх): *ёри ман, ёри ту* (**мой друг, твой друг**).

Уместно отметить, что иногда вместо личного местоимения «ман» (я) используются слова *банда* (**покорный**), *фақир* (**ничтожный, бедный**), *мухлис* (**верный, искренный, фанат**), а глаголом сказуемого этих слов доводится до глагола сказуемого местоимения «ман», как: *Канора гирад дил зи ман, кунун салоҳ ин аст, ки банда низ аз он бевафо канора кунам* (**Избегает сердце меня, теперь правильно то, чтобы я также избегал того неверного**).

Притяжательные местоимения: Резакулихан Хидаят считает притяжательные местоимения состоящими из шести слов: «mim» с сакином для первого лица единственного числа, «ya» и «mim» с сакинами для первого лица множественного числа, «ta» с сакином для второго лица единственного числа, «ya» и «dal» с сакинами для второго лица множественного числа, «šin» с сакином для третьего лица единственного числа, «nün» и «dal» с сакинами для третьего лица множественного числа. Если «am» является местоимением подлежащего или местоимением определяющим, то оно выражает личное местоимение «ман» (**я**). Однако в первом случае оно уточняет значение глагола и соединяется с ним как глагольное окончание, как: *омадам, рафтам* (**пришёл, ушел**), а во втором случае оно соединяется с существительным, инфинитивом, именной частью речи, выражая притяжательность и собственность, как: *дилам дар изтироб, чо нам дар табу тоб* (**мое сердце в беде, моя душа в огне**). А если местоимение является дополнением, т.е. «mim»-ом и идет после глагола, то местоимение становится дополнением, как: *бурдам, дидам* (**унес, увидел**). А «at» – это либо местоимение

дополнения, либо местоимение определяющего, в первом случае оно означает «туру» (**тебя**) и выражает глагол, как: *фурӯхтамаат* (**я продал тебя**). Во втором случае оно приходит в значении «ту» (**ты**) и выражает существительное, как: *даҳанат ғунчаи хубе, суханат накҳати он* (**рот твой – красивый бутон, речь твоя – его аромат**). Кроме того, «аш» – это либо местоимение дополнения, либо местоимение определяющего, в первом случае оно означает «ӯро» (**его**) и означает глагол, например, *задаиш, гуфтаиш* (**он ударил его, он сказал ему**), а во втором случае оно означает «ӯ» и выражает существительное, как: *рухаиш дилфиребу дилаиш ҷонфизой* (**ее душа очаровательна и ее сердце – оживляюще**). Местоименный суффикс «й» означает «ту» (**ты**) и объясняет значение глагола, а также приходит в значении местоимения подлежащего, обозначающего признак второго лица единственного числа, как *даромадӣ, рафтӣ* (**ты вошел, ты ушел**). Местоименные суффиксы используют: «ем» для местоимения «мо» (**мы**), «ед» для «шумо» (**вы**), «нд» для «онҳо» (**они**); эти три наклонения приходят вместе с глаголом и выражают местоимение подлежащего и признак местоименного суффикса, как: *даромадем ва рафтем, омадед ва рафтед, омаданд ва рафтанд* (**мы вошли и ушли, вы пришли и ушли, они пришли и ушли**). Если подлежащее того глагола будет произноситься в отдельности, то эти местоименные суффиксы выражают только признак наклонения, как: *даромадем ва рафтем, омадед ва рафтед, омаданд ва рафтанд* (**мы вошли и ушли, вы пришли и ушли, они пришли и ушли**). Здесь «мо», «шумо», «онҳо» (**мы, вы, они**) обозначают подлежащее глагола, а местоимение «ем» – признак первого лица множественного числа, «ед» – признак второго лица множественного числа, «нд» – признак третьего лица множественного числа. В большинстве случаев указанные местоименные суффиксы проявляются четким образом. Иногда местоимения второго лица единственного числа и третьего лица единственного числа, то есть «ту» (**ты**) и «ӯ» (**он, она**) во втором лице единственного числа повелительного и отрицательного наклонений в третьем лице единственного числа

прошедшего и настоящего-будущего времени являются подлежащим глагола, а если подлежащее глагола не оказывается очевидным, оно обозначает скрытое местоимение, как: *биё ва манишин (приди и не сядь)*.

Из исследования Резакулихана Хидаята выясняется, что местоименные суффиксы «ат» и «аш» не становятся местоимением подлежащего, а местоименные суффиксы «ем», «ед», «нд» – местоимением дополнения и местоимением определяющего. Если для местоимения дополнения необходимо использовать местоименные суффиксы «ам», «ат», «аш», от местоимения дополнения отделяется слово и присоединяется к другому слову. Пример:

*Таваллои мардони ин покбум,
Барангехтам хотир аз Шому Рум.
Искание дружбы с мужами этого чистого края,
Возбудилась память о Сирии и Риме.*

Саади

То есть *барангехт хотирам (возбуждать память)*.

Слово «к-аш», являющееся сокращением от «ки аш», если «hamza» после переноса его огласовки на «kāf» будет удалена то оно будет произноситься как «kāf» с фатхой, как «каш», а если после удаления «hā» оно будет произноситься без переноса огласовки, то оно произносится как «kāf» с каврой, например, «ки», однако, на взгляд Резакулихана Хидаята, исследование первого облегчения, в отличие от второго облечения, соответствует сравнению. А иногда местоимение третьего лица единственного числа «ū» (он, она, оно) предшествует его месторасположению, как в этом высказывании Гани:

*Лашкари заъф ба сар тохт, магар бар сари ū,
Ки зи айнак Нацаф оварда сунурд бар ман.
Армия слабости на голову совершила набег,
разве что на его голову,
Что очки Неджефа принесла и вручила мне.*

Таким образом, при приведении двух однородных (похожих) местоимений для соблюдения рифмы в стихотворении одно удаляется, как местоименный суффикс «ам»:

*Гуфтам, ки гуле бичинам аз боғ,
Гул дидаму маст шуд ба бӯй
Я сказал, цветок сорвать из сада,
Я увидел цветок и был опьянен запахом.*

Саади

То есть *маст шудам ба бӯй* (я опьянел от запаха).

И местоименный суффикс «ат»:

*Танат бод пайваста чун дин дуруст,
Бадандеширо дил чу тадбир суст.
Тело твое пусть будет, как религия, правильным,
У недоброжелателя сердце, как благоразумие, слабое.*

Саади

Местоименный суффикс «аш»:

*Гиребон-и гиранду доман кашанд,
Кашон то ба девони мастон баранд.
Возьмут за воротник и потащат за подол,
Притащат до дома пьяниц.*

Зухури

Каждое из притяжательных местоимений, кроме «ат» и «аш», имеет те значения, что если они встречаются в некоторых именных предложениях, то в этом случае они соединяются с существительным, выражая значение сказуемого. Пример: *ман гирёнам, ту хандонӣ, мо беморем, шумо дурустед, эшон саворанд, ёрон бедоранд* (я плачу, ты смеешься, мы болеем, вы правы, они являются всадниками, друзья не спят). Притяжательные местоименные суффиксы «ам» означают «хастам» (я есть), «ӣ» означает «хастӣ» (ты существуешь), и «ем» означает «мы существуем», «нд» означает (они существуют) и являются положительными отношениями, а если захотят сделать их

отрицательными отношениями, присоединяется отрицательная частица «на» (**нет**), выражающая отрицание, и соединяются посредством хамзы слитного местоимения первого лица с фатхой и кясрой с теми словами, а скрытный «hā» (суффикс -а) удаляется из того слова, и это хамза часто заменяется на «uā», если только восклицательный знак «uā» не удаляется из строки по правилам орфографии, хамза личного местоимения первого лица сохраняется на месте для обозначения его произношения.

*Ту ки цумлаву ғайри ту ҳеч нест,
Дар ин нукта як мӯву хаму печ нест
Ты, кто есть всё, и кроме тебя никого нет,
В этом остром высказывании нет никакой впадины и сложности.*

Джами

В случае, если в одном предложении соединяются два местоимения первого лица, второго лица или третьего лица в состав одного из подлежащих (глагольное предложение), подлежащее того предложения является явным существительным или указательным существительным, а третье лицо – это дополнение, к которому возвращается подлежащее, что будет присутствовать в нем. В таком случае необходимо, чтобы вместо каждого местоимения приводилось свое слово, имеющее полезное значение выделения и ударения, при условии, что местоимение дополнения не является притяжательным местоимением, как в этой прозе: *Ман ағйёрро дар базми худ бор намедиҳам. Ту ҷамоли худ намо. Ё бо зани худ муҳаббати дилӣ дорад. Зайд ҳамеша ба кори худ машғул аст. Он кас бар асби худ савор аст. (Я не буду обременять чужих в своем пиршестве. Ты покажи свою красоту. Он сердечно влюблен в свою жену. Зейд всегда занят своей работой. Он едет на своей лошади).* А если это местоимение дополнения является притяжательным местоимением, то в этом случае это местоимение употребляют в его значении.

*На ҳар хӯр ҳар тараф доме зи тораи,
К-аз он рӯ партаве гардад шикораи.
Не всякая еда на каждой стороне – ловушка из его нитей,
Что из того лика луч станет его добычей.*

Зухури

Все эти примеры приведены для местоименных суффиксов «ам», «ат», «аш», которые иногда употребляются со словом «худ» (**сам**), например, *ман худ меравам, ту худат бигӯ, мо худамон рафтем, шумо худатон равед, Зайд худаиш чунин гӯяд, ёрон худашон омаданд* (**я пойду сам, ты сам скажи, мы пошли сами, вы идите сами, так сказал сам Зейд, друзья пришли сами**).

2. Имя собственное. Согласно исследованиям Резакулихана Хидаята, большинство имен собственных являются составными, например, *Худобердӣ, Алосуфӣ, Аврангобод* (**Худоберди, Аласуфи, Аврангабад**), а любое имя собственное, не выражающее чистого содержания и похвалы, называется существительным, как и в упомянутых примерах. А имя собственное, включающее чистое содержание и похвалу, называется прозвищем и титулом, который бывает либо в единственном числе, как: *бек, хон, шоҳ, мир* (**бек, хан, шах, мир**), либо составным, как: *Ҷаҳонгир, хонӣ хонон, замони шоҳ ва Фаррухмирзо* (**Джахангир, хан ханов, эпоха шаха и Фаррухмирзы**) [1, 69].

3. Указательное местоимение. Указательные местоимения – это существительное, употребляемое для обозначения того или иного предмета, и автор считал его «существительным, являющимся темой, на которую делается указание. Указательные местоимения делятся на единственное и множественное число, указание близких и далеких предметов. Если существительное, на которое делают указание, является отдаленным существительным единственного числа, то используется указательное местоимение «он» (**то**), а если оно близкое, используется «ин» (**это**), оба из которых упомянуты в нижеследующем стихе.

Фиреби душман махӯру ғурури маддоҳ махар,

*Ки **ин** доми зарқ ниҳодааст ва **он** домани тамаъ кушода.*

Обману врага не поддайся и надменности восхвалителя,

Ибо этот поставил ловушку лицемерия, в тот – подол корысти.

Саади

Указательные местоимения «онҳо» (**они**), «онон» (**они**) употребляются для указательных далеких существительных множественного числа, а «инҳо» (**эти**) и «инон» (**эти**) – для указательных близких существительных множественного числа.

*Дар даст чи доранд ба чуз косаи холӣ,
Онҳо, ки дар ин боғ чу наргис нигаронанд.
Что у них в руках, кроме пустой чаши,
Те, кого беспокоят нарциссы в этом саду.*

Саиб

Местоимения «чунон» и «чунин» (**такой**) автор посчитал для обозначения качества чего-либо метафорическим образом, как в этом стихе:

*Бе ту ҳар рӯз маро моҳею ҳар шаб солест,
Шаб чунон, рӯз чунин, оҳ чӣ мушкил ҳолест.
Без тебя каждый день – месяц, а каждая ночь – год.
Ночь такая, день такой, ох какое трудное время.*

Хилоли

Также употребляются указательные местоимения «ҳамчунон» (**а также**) и «ҳамчу» (**подобно**), которые передают значение «чунин» (**такой**).

*Лаззати даиноми ӯ дил мебарад аз каф Салим,
Ҳамчу ширинӣ надидам, гӯ талхии ҷон барад.
Вкус его оскорбления раздирает душу рукой Салима.
Хоть я и не видел сладости, скажи, уносит горечь души.*

Салим

В том случае, если указательное местоимение «ончунон» (**подобно тому**) приходит вместе с указательным местоимением «инчунин» (**подобно этому**), то в этом случае соединенное указательное местоимение принимают в аналогичном смысле или посчитают предыдущее указательное местоимение лишним, как в изречении Хазина:

Дил ончунону синаи сӯзонам инчунин.

Сердце подобно тому, моя горящая грудь – подобно этому.

Указательные местоимения «хамон» (**ТОТ**) и «хамин» (**ЭТОТ**) используются для специального указания, при котором «хамон» (**ТОТ**) употребляется для обозначения далекого, а «хамин» (**ЭТОТ**) для близкого.

*Равшандилон хамеша сафар дар дин кунанд,
Истодааст шамъ **хамон** гарми рафтан аст.
Просветленные всегда путешествуют в религии.
Стоит свеча, которая горит для того ухода.*

Саиб

А слово «чандон» (**СТОЛЬКО**) используется для обозначения размера и количества чего-либо.

***Чандон** меш диҳед, ки беҳушӣ оварад,
Шояд, ки ёди ман ба фаромӯшӣ оварад.
Дайте столько овец, чтобы это привело к бессознанию,
Может быть, обо мне заставит забыть.*

Зухури

4. Неопределенное существительное, которое становится определяемым местоимения, или имени собственного к указательному местоимению, как в этой прозе: *бандаи ман, писари Баҳром ва уштурон* (**раб мой, сын Бахрама и верблюды**).

Четвертая часть, в объяснении наречия, «есть существительное, указывающее на время или место, и каждая из этих единиц равна, независимо от того, является ли она существительным или нет, и оно в первом случае называют наречием времени и во втором и наречием места» [1, 70], наподобие: *рӯзу шаб, солу моҳ, боғу хона* (**день и ночь, год и месяц, сад и дом**). Также наречия *беруну дарун* (**снаружи, внутри**), *дур* означает **далеко** и *наздик* означает **близко**, а иногда слово *пас* означает **будущее время**, а слово *пеш* означает **прошедшее время**.

*Барги айше ба гӯри хеш фирист,
Кас наёрад зи **пас** ба пеш фирист.
Лист жизни отправь на свою могилу,
Если кто-то не принес, отправь его в будущем.*

Саади

Наречия места также состоят из суффиксов, таких как: *лолазор*, *кўҳсор*, *сурмадон*, *гулистон* (место, изобилующее тюльпанами, горы, сурьянка, цветник), а любое наречие, которое не употребляется в наречном смысле, т.е. в грамматической конструкции, является подлежащим или причастием действительного залога или причастием страдательного залога т.е. дополнением, оно называется склоняемым наречием, например, слово *хона* (дом) в этой прозе: *Ёр дар хонаву мо гирди ҷаҳон мегардем* (Мой возлюбленный дома, а мы путешествуем по миру).

Пятая часть, в объяснении числительного «и это существительное употребляется для выражения числа людей и вещей, будь те лица единичными, будь те лица коллективными, и их называют числами: *яку дую сею чору панчу шашу ҳафту ҳашту нуҳу даҳу бисту сию чихилу панҷоҳу шасту ҳафтоду ҳаштоду наваду саду ҳазор* [1, 70] (один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, двадцать тридцать, сорок, пятьдесят, шестьдесят, семьдесят, восемьдесят, девяносто сто тысяч)». Все эти числа являются основными числами, а остальные производные числа через соединительный «wāw» состоят из *аҳад* (один), *ашара* (десять), *миа* (сто) и *олоф* (тысяча) (аҳад, ашара, миа, олоф – арабские термины означающие единичные, десятеричные, сотные и тысячные цифры – О.Ш.). В цифре «як» (один) из «дах» (десять) вместо соединительного «wāw» добавляется предлог «аз», из цифры «дах» удаляется фатха «хамзы», из цифры «як» удаляется буква «kāf», и получается число «ёздах» (одиннадцать). В числе «ду» (два) из «дах» (десять) фатха хамзы соединяется с «wāw» и получается число «дувоздах» (двенадцать). В числе «се» (три) из «дах» (десять), после удаления скрытого «hā» и замены хамзы на «уā» с сакином, образуется «сездах» (тринадцать). В числе «чаҳор» (четыре) из «дах» (десять) удаляется слово «аз», остается «чаҳордах» (четырнадцать). В числе «панҷ» (пять) из «дах» (десять) после «alif» удаляется огласовка хамза, а вместо «ġim»

складываются хамза и два «nūn», в результате чего получается «понздаҳ» (пятнадцать). В числе «шаш» (шесть) из «даҳ» (десять) после удаления фатхи хамза и удаления второй «šīn» получается «шонздаҳ» (шестнадцать). А в числе «ҳафт» (семь) из «даҳ» (десять) всякий раз, когда удаляют букву «tā» и слово «аз», получается число «ҳафдаҳ» (семнадцать). В числе «ҳашт» (восемь) из «даҳ» (десять), если убрать «šīn», «аз» и «хамзу», получается «ҳаждаҳ» (восемнадцать), причем в этом числе иногда персидское «zā» заменяется арабским «ġim». И в числе «нӯҳ» (девять) из «даҳ» (десять) после удаления «hā» и «хамзы» в конце «nūn» добавляется один «wāw» для выражения даммы и образуется число «нӯздаҳ» (девятнадцать) [1, 70].

Автор для образования чисел тысяча, сто, десять и один подчеркивает: «Если захотят собрать вместе названия тысяча, сто, десять и один с соединительным «wāw», нужно сначала сделать тысяча и сто согласно цели инфинитивом к названиям единицы, а затем ввести порядок упоминания каждого перед другим, как в этой прозе: *Он кас аз тиҷорати матоъ ҳазору саду бисту чаҳор рупия ҳосил кард* (Тот человек заработал на торговле ткани тысячу сто двадцать четыре рупи)» [1, 70].

Резакулихан Хидаят также подчеркивает, что каждое исчисляемое существительное является пронумерованным на сосчитаемым и неупорядоченным, например, если говорят, что мы возьмем одного человека из трех, неизвестно, кого они возьмут. Цель состоит в том, что число стоит перед исчисляемым существительным. И всякий раз, когда хотят поставить вперед исчисляемое существительное, то присоединяют «mīn» причастия действительного залога, и в этом случае это существительное выражает значение причастия действительного залога и становится прилагательным своего исчисляемого. Поэтому число ставится после исчисляемого существительного. Например, *Аз рӯзҳои ин моҳ рӯзи дуюм бисёр муборак аст* (Из дней этого месяца второй день очень благословенен). Здесь под вторым днем имеется в виду тот день в той

месяце, дни которго располагаются по порядку во втором положении. В случае необходимости в ритме и рифме стихотворения существительное числа стоит первым, а исчисляемое существительное вторым.

*Басе ранч бурдам дар ин сол сӣ,
Ачам зинда кардам бад-ин порсӣ.
Я много страдал за эти тридцать лет,
Аджам оживил я этим персидским.*

Фирдоуси

*Дуюм боби эҳсон ниҳодам асос,
Ки мунъим кунад фазли ҳақро сипос.
Вторую главу благотворительности я посвятил,
Ибо благодетель благодати Истины благодарен.*

Саади

А иногда исчисляемое существительное используется в обеих формах, как в этом изречении:

*Эй ки панчоҳ рафту дар хобӣ,
Магар ин панчрӯза дарёбӣ.
О, ты, переходивший возраст пятидесяти, а находишься во сне,
Разве в этих пяти днях ты достигнешь.*

То есть прошло пятьдесят лет.

*Ду бомдод гар ояд касе ба хидмати шоҳ,
Сеюм ҳароина дар вай кунад ба лутф нигоҳ.
Два утра если кто-нибудь придет на службу к царю,
На третье утро посмотрит на него любезно [1, 71].*

То ест, на третье утро.

В прозе из-за сокращения исчисляемое существительное во второй форме удаляется, как в этой поговорке: *Дӯстон бар се намотанд: аввал ҷонӣ, дуом нонӣ, сеюм забонӣ* (Друзья бывают трёх видов: первый – душевные, второй – хлебные, третий – язычные), то есть к первому типу друзей относятся душевные, а иногда число опускается, как в этом

высказывании: *Калима бар се қисм аст: исм, феъл ва ҳарф* (Слово состоит из трёх частей: существительного, глагола и буквы (частицы)), то есть первая часть – существительное, вторая часть – глагол, а третья часть – частица.

Шестая часть, в объяснении аллегории. Как говорит сам Резакулихан Хидаят: «Аллегория состоит из высказывания, которым выражают то, что не является его четким назначением, а намерением от его упоминания является оставление разъяснения» [1, 71]. Например, автор приводит строки, где слово *умре* (**всю жизнь**), состоящее из слова «умр» и «е» признака неопределенности, употребляется для обозначения долгого времени, то есть в аллегорическом смысле:

Эй дил, аҳволи муруватро чӣ менурсӣ зи ман?

К-он азизу-л-қадр умре шуд зи олам рафтааст.

О сердце, состояние великодушия, зачем ты

спрашиваешь меня?

Ибо то дорогое достоинство уже как вся жизнь

ушло из мира.

Хазин

Слово *фалонӣ* (**такой-то**) с «уā» известности приходит вместо имени упоминаемого, как в этом предложении: *Имрӯз чӣ шуд, ки фалонӣ наомад* (Что случилось сегодня, что такой-то не пришел). Слово *касе* (**кто-то**) с «уā» неизвестности приходит вместо имени и желаемого человека.

Чон зи тан рафту ҳанӯзам нафасе меояд,

Эй аҷал, як-ду нафас рав, ки касе меояд.

Душа покинула тело, а я все еще дышу.

О смерть, уходи на одно-два дыханья, ибо кто-то идет.

Хазин

В этой части, по мнению иранского исследователя Махинбану Санеъ, аллегории – это начинания Хидаята [100, 227].

Другим вопросом, упомянутым Резакулиханом Хидаятом в главе о морфологии, – это объяснение глагола и его частей, о чем говорится в

одиннадцатой статье толкового словаря. По этому поводу автор говорит: «Глагол в словаре означает *hadas* (**событие, новость**), состоящее из значения инфинитива, а в термине – это слово, указывающее своей сутью на значение инфинитива, которое обычно является одним из трех основ» [1, 57].

Также автор подчеркивает, что на самом деле глагол имеет три основных значения: инфинитивное значение, определенное время и отношение этого значения к тому, что называется причастием действительного залога. Отсюда, наличие префиксов «ме», «хаме», «хароина», «харгиз» и соединение слитного местоимения действия, которое по словообразованию делится на шесть частей: прошедшее время, настоящее-будущее время, настоящее время, будущее время, повелительное и отрицательное, и каждый из них бывает двух типов: непереходной глагол и переходный глагол. Переходный глагол – это глагол, которому действительное причастие достаточно, например, *омад, ояд, меояд, хоҳад омад, биё, маё* (**пришел, приходит, придет, приди, не приди**), а непереходной глагол – это глагол, которому действительное причастие недостаточно, он требует прямого дополнения, и это тип глагола бывает двух видов: действительный залог страдательный залог. Глагол действительного залога – это глагол, относящийся к субъектному действию, наподобие: *овард, орад, меорад, хоҳад овард, биёр, маёр* (**принес, принесет, приносит, принесет, принеси, не принеси**) и может. Этот тип глагола по указанной причине и из-за действительности залога субъектного действия также называют определенным глаголом. Глагол страдательного залога – это глагол по причине субъектного действия относится к прямому дополнению, например, *оварда шуда, оварда шавад, оварда мешавад, оварда хоҳад шуд, оварда бишав ва оварда машав* (**принесенный, должно быть принесено, будет принесено, будет принесено, принеси, не принеси**). Такое прямое дополнение из-за представления удаленного субъектного действия называют также заменителем действующего лица. Также уместно подчеркнуть, что переходный глагол

всегда является действительным залогом, и из-за неимения прямого дополнения он не оказывается страдательным залогом. Намерением от произнесения глагол страдательного залога является пропуск подлежащего, как в этой прозе: *он зонї кушта шуд, кас дашном дода шуд* (тот прелюбодей был убит, кто-то был обруган). Глагол с точки зрения времени, действительности и страдательности бывает двух типов: положительный и отрицательный. Положительный глагол – это глагол, проявляющийся от субъектного действия. Как явствует из приведенных выше примеров, отрицательный глагол – это тот, который не проявляется от глагола, например, *наёмад, наёяд, намеояд, нахоҳад омад, наёвард, намеорад, нахоҳад овард, наёварда шуд, наёварда шавад, оварда намешавад, оварда нахоҳад шуд* (не пришел, не придет, не приходит, не придет, не принес, не принесет, не принесет, не было принесено, не должно быть принесено, не будет принесено, не будет принесено). Поскольку субъектное действие глагола имеет три падежа: третьего лица, второго лица или первого лица, каждый из них имеет 10 форм единственного или множественного числа. Следовательно, каждый спрягаемый глагол также имеет шесть наклонений: одно для третьего лица единственного числа, одно для третьего лица множественного числа, одно для второго лица единственного числа, одно для второго лица множественного числа, одно для первого лица единственного числа, одно для первого лица множественного числа, в том числе: местоимение «нд» для третьего лица множественного числа, «й» для для второго лица единственного числа, «ед» для второго лица множественного числа, «ам» для первого лица единственного числа, «ем» для второго лица множественного числа.

Лицо	Единственное число	Множественное число
I.	Омадам (Я пришел)	Омадем (Мы пришли)
II.	Омадй (Ты пришел)	Омадед (Вы пришли)
III.	Омад (Он пришел)	Омаданд (Они пришли)

Резакулихан Хидаят разделил глагол в зависимости от времени на шесть групп: первая, глагол прошедшего времени, обозначающий

действие, произошедшее в прошлом. Во-первых, глагол абсолютного прошедшего времени, которое указывает на то же самое прошедшее время, и глагол третьего лица единственного числа этого глагола прошедшего времени является положительным глаголом действительном залоге от инфинитива с удалением «nūn», поэтому его последней буквой является отложенный «dāl» с отложенным «tā», например, *овард, бурд, омұхт, дұхт* (**принёс, унес, выучил, сшил**) от *овардан, бурдан, омұхтан, дұхтан* (**приносить, уносить, изучать, сшивать**) или «dāl»-ом с сакином, например, *омад, зад, шуд* (**пришёл, ударил, стал**) от *омадан, задан, шудан* (**приходить, ударять, становиться**). При образовании из этого наклонения с соединением местоименных суффиксов других наклонений для устранения двух сакинов подряд его последняя буква огласовывается фатхой.

Спряжение положительной формы глагола действительного залога абсолютного прошедшего времени:

- I. *овардам – овардем* (**я принес – мы принесли**);
- II. *овардй – овардед* (**ты принес – вы принесли**);
- III. *овард – оварданд* (**он принес – они принесли**).

При образовании от него глагол страдательного залога, после присоединения скрытного «hā» (суффикс -а) в конце того глагола добавляется слово «шуд» (**стал**), которое является признаком глагола страдательного залога прошедшего времени.

Спряжение положительной формы глагола страдательного залога абсолютного прошедшего времени:

- I. *оварда шудам – оварда шудем* (**я привезен – мы привезены**)
- II. *оварда шудй – оварда шудед* (**ты привезен – вы привезены**)
- III. *оварда шуд – оварда шуданд* (**он привезен – они привезены**)

При образовании из этого положительной формы действительного и страдательного залога глагола отрицательной формы действительного и страдательного залога глагола вставляют «nūn» отрицания в его наклонения и заменяют хамзу долгого «alif» для красноречия на «uā».

Спряжение отрицательной формы глагола действительного залога абсолютного прошедшего времени:

I. *наёвардам* – *наёвардем* (**я не принёс – мы не принесли**);

II. *наёвардū* – *наёвардед* (**ты не принес – вы не принесли**);

III. *наёвард* – *наёварданд* (**он не принес – они не принесли**).

Спряжение отрицательной формы глагола страдательного залога абсолютного прошедшего времени:

I. *наёварда шудам* – *наёварда шудем* (**я не привезен – мы не привезены**);

II. *наёварда шудū* – *наёварда шудед* (**ты не привезен – вы не привезены**);

III. *наёварда шуд* – *наёварда шуданд* (**он не привезен – они не привезены**).

Здесь присоединение «nūn» отрицания к слову «шуд» также является допустимым, то есть наклонения положительного глагола действительного залога третьего лица прошедшего времени также употребляются в значениях своих инфинитивов, например, *омад*, *шуд*, *шикаст*, *баст*, *гүфт*, *шунавид*, *нишаст*, *бархост* (**пришел, стал, сломался, закрыл, сказал, слышал, сел, встал**).

Во-вторых, глагол недалекого прошедшего времени указывает на то прошедшее время, которое близко к настоящему времени, и наклонение третьего лица единственного числа этого действительного и страдательного залога глагола прошедшего времени образуется от наклонения третьего лица единственного числа действительного и страдательного залога глагола прошедшего времени путем добавления суффикс «а» и окончания «аст», а в случае добавления местоименных суффиксов следует удалить буквы «sin» и «tā» от окончания «аст», а «хамзу» следует оставить на своем месте для недопущения скопления двух сакинов, кроме случаев в наклонении второго лица единственного числа, второго и первого лица множественного числа, для фиксации «уā» сакина местоимений его фатху меняют на кясру.

Спряжение положительной формы глагола действительного залога недалекого прошедшего времени:

I. *овардаам – овардаем* (**я принес – мы принесли**);

II. *овардай – овардаед* (**ты принес – вы принесли**);

III. *овардааст – овардаанд* (**он принес – они принесли**).

Спряжение положительной формы глагола страдательного залога недалекого прошедшего времени

I. *оварда шудаам – оварда шудаем* (**я привезен – мы привезены**);

II. *оварда шудай – оварда шудаед* (**ты привезен – вы привезены**);

III. *оварда шудааст – оварда шудаанд* (**он привезен – они привезены**).

Спряжение отрицательной формы глагола действительного залога недалекого прошедшего времени:

I. *наёвардаам – наёвардаем* (**я не принес – мы не приносили**);

II. *наёвардай – наёвардаед* (**ты не принес – вы не приносили**);

III. *наёвардааст – наёварданд* (**он не приносил – они не приносили**).

Спряжение отрицательной формы глагола страдательного залога недалекого прошедшего времени

I. *наёварда шудаам – наёварда шудаем* (**я не привезен – мы не привезены**);

II. *наёварда шудай – наёварда шудаед* (**ты не привезен – вы не привезены**);

III. *наёварда шудааст – наёварда шудаанд* (**он не привезен – они не привезены**).

В связи с необходимостью сохранения рифма в стихотворении допускается, чтобы удалить из наклонений третьего и первого лица глагола недалекого прошедшего времени суффикс «а» и «хамза» окончания «аст», а «sin» и «tā» сохраняются (ст).

Кардаст баҳор ачабе хор биёбон,

Дар дашт гузаштаст магар обилапое.

Сделала весна, как странно, колючим кустарником пустыню,

По степи прошел разве кто-то с ногами в мозолях.

Хазин

В-третьих, глагол далекого прошедшего времени указывает на то прошедшее время, которое далеко от настоящего времени, и наклонение глагола третьего лица глагола действительного и страдательного залога абсолютного далекого прошедшего времени образуется путем прибавления скрытого «hā» т.е. суффикса «а» и слова «буда», а для образования других наклонений местоимения добавляются к концу этого слова предыдущим образом.

Спряжение положительной формы глагола действительного залога далекого прошедшего времени:

I. *оварда будам – оварда будем (я приносил – мы приносили);*

II. *оварда будī – оварда будед (ты приносил – вы приносили);*

III. *оварда буд – оварда буданд (он приносил – они приносили).*

Спряжение положительной формы глагола страдательного залога далекого прошедшего времени:

I. *оварда шуда будам – оварда шуда будем (я был привезен – мы были привезены);*

II. *оварда шуда будī – оварда шуда будед (ты был привезен – вы были привезены);*

III. *оварда шуда буд – оварда шуда буданд (он был привезен – они были привезены).*

Спряжение отрицательной формы глагола действительного залога далекого прошедшего времени:

I. *наёварда будам – наёварда будем (я не приносил – мы не приносили);*

II. *наёварда будī – наёварда будед (ты не приносил – вы не приносили);*

III. *наёварда буд – наёварда буданд (он не приносил – они не приносили).*

Здесь также правильно присоединение отрицательной частицы «на» (нет) к слову «буд» (был).

Спряжение отрицательной формы глагола страдательного залога далекого прошедшего времени:

I. *наёварда шуда будам* – *наёварда шуда будем* (**я не был привезен – мы не были привезены**);

II. *наёварда шуда будӣ* – *наёварда шуда будед* (**ты не был привезен – вы не были привезены**);

III. *наёварда шуда буд* – *наёварда шуда буданд* (**он не был привезен – они не были привезены**).

В-четвертых, глагол продолжительного прошедшего времени и он указывает прошедшее время, которое является продолжительным, наклонения глагола действительного и страдательного залога образуются либо присоединением префикса «ме» и «хаме» в наклонения действительного и страдательного залога глагола абсолютного продолжительного прошедшего времени, либо присоединением продолжительного «уā» и к наклонению глагола третьего лица единственного и множественного числа и глагола первого лица единственного числа того же действительного и страдательного залога глагола прошедшего времени. Поэтому эту часть глагола прошедшего времени в первом случае называют глаголом продолжительного прошедшего времени с полным спряжением, а во втором случае – глаголом продолжительного прошедшего времени с неполным спряжением.

Спряжение положительной формы глагола действительного залога продолжительного прошедшего времени с полным спряжением:

I. *меоварам* – *меоварем* (**я приношу – мы приносим**);

II. *меоварӣ* – *меоваред* (**ты приносишь – вы приносите**);

III. *меоварад* – *меоваранд* (**он приносит – они приносят**).

Спряжение положительной формы глагола страдательного залога продолжительного прошедшего времени с полным спряжением:

I. *оварда мешудам* – *оварда мешудем* (**я привозился – мы привозились**);

II. *оварда мешудī* – *оварда мешудед* (**ты привозился – вы привозились**);

III. *оварда мешуд* – *оварда мешуданд* (**он привозился – они привозились**).

Спряжение отрицательной формы глагола действительного залога продолжительного прошедшего времени с полным спряжением:

I. *намеовардам* – *намеовардем* (**я не приносил – они не приносили**);

II. *намеовардī* – *намеовардед* (**ты не приносил – они не приносили**);

III. *намеовард* – *намеоварданд* (**он не приносил – они не приносили**).

Спряжение отрицательной формы глагола страдательного залога продолжительного прошедшего времени с полным спряжением:

I. *наёварда мешудам* – *наёварда мешудем* (**я не привозился – мы не привозились**);

II. *наёварда мешудī* – *наёварда мешудед* (**ты не привозился – вы не привозились**);

III. *наёварда мешуд* – *наёварда мешуданд* (**он не привозился – они не привозились**).

Как подчеркивает автор, здесь приведение «nīn» отрицания вместо префикса прошедшего времени «ме» создает красноречие.

Спряжение положительной формы глагола действительного залога продолжительного прошедшего времени с неполным спряжением:

I. *овардаме* (**я приносил**)

II. *овардаī* (**ты приносил**)

III. *оварданде* (**они приносили**)

Спряжение положительной формы глагола страдательного залога продолжительного прошедшего времени с неполным спряжением:

I. *оварда шудаме* (**я привозился**)

II. *оварда шудай* (**ты привозился**)

III. *оварда шуданде* (**они привозились**)

Спряжение отрицательной формы глагола действительного залога продолжительного прошедшего времени с неполным спряжением:

I. *наёвардаме* (**я не привозился**);

II. *наёвардӯ* (**ты не привозился**);

III. *наёварданде* (**они не привозились**).

Спряжение отрицательной формы глагола страдательного залога продолжительного прошедшего времени с неполным спряжением:

I. *наёварда шудаме* (**я не привозился**);

II. *наёварда шудӯ* (**ты не привозился**);

III. *наёварда шуданде* (**вы не привозились**).

В стихах поэтов встречаются также некоторые наклонения этой части глагола прошедшего времени со слиянием слова и продолжительного «уā».

Кавокиб менамудӯ дар замона,

Чу чаими кӯр ба дар торикӯ

Как звезды ты казалась во времени,

Как слепой глаз на двери темного дома.

Зилоли

Слова *ҳамерафтӣ*, *ҳаમેгуфтӣ* (**ты шел, ты говорил**) относятся к этой же группе глаголов.

В-пятых, глагол предположительного прошедшего времени состоит из глагола прошедшего времени, возникновение является вероятным и сомнительным и наклонение третьего лица единственного числа действительного и страдательного залога глагола предположительного прошедшего времени образуется от наклонения глагола действительного и страдательного залога абсолютного прошедшего времени с присоединением суффикса «а» и слова «бошад» (**является**), причем при добавлении местоименных суффиксов из этого слова следует удалить «dāl» и в наклонении второго лица единственного числа и третьего и первого лица множественного числа огласовать предыдущую букву кясрой.

Спряжение положительной формы глагола действительного залога предположительного прошедшего времени:

I. *оварда бошам* – *оварда бошем* (**если я привозил – если мы привезли**);

II. *оварда бошӣ* – *оварда бошед* (**если ты привез – если вы привезли**);

III. *оварда бошад* – *оварда бошанд* (**если он привез – если они привезли**).

Спряжение положительной формы глагола страдательного залога предположительного прошедшего времени:

I. *оварда шуда бошам* – *оварда шуда бошем* (**если я привезен – если мы привезены**);

II. *оварда шуда бошӣ* – *оварда шуда бошед* (**если ты привезен – если вы привезены**);

III. *оварда шуда бошад* – *оварда шуда бошанд* (**если он привезен – если они привезены**).

Спряжение отрицательной формы глагола действительного залога предположительного прошедшего времени:

I. *наёварда бошам* – *наёварда бошем* (**если я не приносил – если мы не приносили**);

II. *наёварда бошӣ* – *наёварда бошед* (**если ты не приносил – если вы не приносили**);

III. *наёварда бошад* – *наёварда бошанд* (**если он приносил – если они не приносили**).

Здесь присоединение «nūn» к слову «бошад» также является правильным.

Спряжение отрицательной формы глагола страдательного залога предположительного прошедшего времени:

I. *наёварда шуда бошам* – *наёварда шуда бошем* (**если я не привезен – если мы не привезены**);

II. *наёварда шуда бошӣ* – *наёварда шуда бошед* (**если ты не привезен – если вы не привезены**);

III. *наёварда шуда бошад* – *наёварда шуда бошанд* (**если он не привезен – если они не привезены**).

Всякий раз, когда к этому типу глагола прошедшего времени добавляется префикс «ме», его значение от глагола прошедшего времени приближается к настоящему времени. Поэтому такой глагол называется глаголом предположительного настоящего времени.

Вторая группа глаголов, в объяснении настоящего-будущего времени. Это время глагола объясняет событие, которое произойдет в настоящем-будущем времени, и наклонение третьего лица единственного числа этого действительного залога глагола образуется из наклонения действительного залога глагола третьего лица единственного числа абсолютного прошедшего времени путем огласовки предпоследней буквы этого наклонения фатхой, если она не «alif», а последнюю букву, если это «dāl», оставляют как есть, а если это «tā», то для артикуляции ее заменяют на «dāl». По этой же причине, последней буквой наклонения глагола третьего лица единственного числа каждого глагола настоящего-будущего времени является «dāl» с сакином и предыдущая перед ней буква имеет фатху, и преимущественно предыдущую букву, которая находится вне этих одиннадцати букв: «alif», «ḥā», «zā», «gā», «sin», «šīn», «tā», «mīm», «nūn», «wāw», «yā», меняют и заменяют. Так, если предыдущей буквой конца того глагола прошедшего времени является «alif»-ом, в глаголе настоящего-будущего времени из-за трудности огласовки она удаляется, например, *истад*, *афтад*, *фиристад*, *ниҳад* (**останется, упадет, отправит, положит**) от *истод*, *афтод*, *фиристод*, *ниҳод* (**остановился, упал, отправил, положил**). В словах *зояд*, *кушояд* (**родит, открывает**) от *зод*, *кушод* (**родила, открыл**) буква «alif» сохраняется и в его конце добавляется «yā» слитного местоимения первого лица. Добавление «nūn» с фатхой после «alif» в слове *ситонад* (**отберет**) от *ситод* (**отобрал**), преобразование «ḥā» с фатхой в слове *диҳад* (**отдаст**) от *дод* (**отдал**), глагол настоящего-будущего времени от *сутуд* (**отобрал**) от *сутудан* (**отбирать**) является тем словом *ситонад* (**отбирает**). Если предыдущей буквой конца того глагола прошедшего времени является «ḥā», то в

глаголе настояще-будущего времени она заменяется на «zā» с кясрой, например, чун *омӯзад, овезад, бозад, тозад* (**изучит, повесит, проиграет, побежит**) от *омӯхт, овехт, бохт, тохт* (**изучил, повесил, проиграл, побежал**). Его преобразование на «sin» с фатхой в слове *шиносад* (**узнает**) от *шинохт* (**узнал**) может произойти из-за близости к месту артикуляции. Если предыдущей буквой конца глагола прошедшего времени является «gā», то она в настояще-будущем времени остается с фатхой, например, *оварад, барад, хӯрад, шумурад* (**принесет, отнесет, покушает, посчитает**) от *овард, бурд, хӯрд, шумурд* (**принес, унес, съел, посчитал**). Но слово *оварад* (**принесет**) чаще используется с удалением «wāw», особенно в прозе. Преобразование «gā» в «nūn» с фатхой и преобразование фатхи «kāf» в дамма, как: *кунад* (**сделает**) от *кард* (**сделал**). Добавление известного «yā» в слове *мирад* (**умрет**) от *мурд* (**умер**), которое в некоторых местах приходит как *мирад* (**умрет**) и *мурад* (**помрет**) с фатхой «gā». Если предыдущей буквой конца того глагола прошедшего времени является «sin», а предшествующей ей буквой – «alif», то в настояще-будущем времени тот «sin» в некоторых местах заменяется на «hā» с фатхой, как *хоҳад, коҳад* (**хочет, уменьшится**) от *хост, кост* (**захотел, уменьшился**), и в некоторых местах превращается в «hā» с фатхой, как *орояд, перояд* (**украшает, наряжает**) от *орояд, перояд* (**украсит, нарядит**), *хезад* (**встает**) от *бархост* (**встал**). Если ее предыдущей буквой является не «alif», то «sin» обычно удаляется после переноса фатхи на предыдущую букву, как: *бояд* (**должен**) и *шояд* (**быть вероятным**) от *боист* (**должен был**) и *шоист* (**был вероятным**), *тавонад* (**может**) и *донад* (**знает**) от *тавонист* (**смог**) и *донист* (**узнал**), *зияд* (**поживет**) и *гиряд* (**заплачет**) от *зист* (**прожил**) и *гирист* (**заплакал**), *рамид* (**испугался**) от *рамист* (**шарахнулся**), *нагиряд* (**не заплачет**) от *нагирист* (**не заплакал**). Иногда превращается в «nūn» с фатхой, как: *бандад* (**свяжет**) от *баст* (**связал**), *пайвандад* (**соединит**) от *пайваст* (**соединил**), *шиканад* (**сломает**) от *шикаст* (**сломал**). Иногда она превращается в «hā» с фатхой, как: *чаҳад* (**спрыгнет**) от *част* (**спыгнул**) и

рахад (**освободится**) от *раст* (**освободился**). Иногда превращается в «уā» с фатхой, как: *чӯяд* (**поищет**) от *чӯст* (**поискал**), *рӯяд* (**вырастет**) от *рӯст* (**вырос**). Если предыдущей буквой конца того глагола прошедшего времени является «šīn», а предыдущей перед ней буквой является – «alif», то в настояще-будущем времени «šīn» заменяется на «gā» с фатхой, как: *анборад* (**собирает**) от *анбошт* (**собрал**), *пиндорад* (**думает**) от *пиндошт* (**подумал**), *корад* (**посеет**) от *кошт* (**посеял**), *дорад* (**имеет**) от *дошт* (**имел**). Слово *афрошт* (**возвысил**) на самом деле – это *афрохт* (**возвысил**), и по этой причине его настоящее-будущее время является *афрозад* (**возвысится**), и в случае ее предыдущей буквой является не «alif», то в настояще-будущем времени тот «šīn» превращается в «gā» с фатхой, как: *гузарад* (**пройдет**) от *гузашт* (**прошел**), *гардад* (**вернется**) от *гашт* (**вернулся**). Добавление «dāl» с сакином к слову *гардад* (**вернется**) после переноса фатхи «gā» на последнюю букву предназначено для устранения ударения. В некоторых местах она меняется на «sin» с фатхой, как: *ресад* (**прядить**) от *ришт* (**запряд**), *нависад* (**напишет**) от *навишт* (**написал**). Добавление «уā» с сакином в тот «sin» обусловлено наличием кясры над первой буквой. Если предыдущей буквой конца того глагола прошедшего времени является «fā», то в настояще-будущем времени она чаще превращается в «уā», как: *иштобад* (**поспешит**) от *иштофт* (**поспешил**), *ёбад* (**найдет**) от *ёфт* (**нашел**), *рӯяд* (**вырастет**) от *рӯфт* (**вырос**), *гӯяд* (**скажет**) от *гуфт* (**сказал**). Иногда приходит с «wāw» с фатхой, как: *ковад* (**поищет**) от *кофт* (**поискал**) и слово *тофт* (**показался**) в настояще-будущем времени приходит как в форме *тобад* (**покажется**), так и в форме *товад* (**покажется**). Иногда приходит с фатхой и сохраняется, как: *бофад* (**сплетет**) от *бофт* (**сплел**), *шикофад* (**продырявить**) от *шикофт* (**продырявил**). Иногда после переноса фатхи на предыдущую букву она удаляется, как: *пазирад* (**примет**) от *пазируфт* (**принял**), *гирад* (**возьмет**) от *гирифт* (**взял**). Добавление «уā» с сакином к слову *гирад* (**возьмет**) предназначено для выражения кясры первой буквы.

Если предыдущей буквой конца того глагола прошедшего времени является «nūn», то в настояще-будущем времени она получает фатху и сохраняется, как: *афионад* (**встряхнет**) от *афионд* (**встряхнул**), *хонад* (**прочитает**) от *хонд* (**прочел**), *ронад* (**водит**) от *ронд* (**вел**), *монад* (**останется**) от *монд* (**остался**). Если предыдущей буквой конца того глагола прошедшего времени является «wāw», то в настояще-будущем времени преимущественно его после переноса фатхи на предыдущую букву часто меняют на «alif», в его конце добавляют «uā» личного местоимения первого лица с фатхой, как: *рабояд* (**отнимет**) от *рабуд* (**отнял**), *завояд* (**отшлифует**) от *зудуд* (**отшлифовал**), *ситояд* (**похвалит**) от *сутуд* (**похвалил**), *намояд* (**покажет**) от *намуд* (**показал**). Иногда сохраняется сам «wāw» с фатхой, как *бувад* (**явится**) от *буд* (**являлся**), *шунавад* (**услышит**) от *шунид* (**услышал**). Если предыдущей буквой конца того прошедшего времени является «uā» с нижними точками, а предыдущей перед ней буквой является кроме того, то в настояще-будущем времени его место после переноса фатхи на предыдущую букву удаляют, как *омурзад* (**простит**) от *омурзид* (**простил**), *бошад* (**является**) от *бошед* (**являетесь**), *тарсад* (**боится**) от *тарсед* (**бойтесь**), *кунад* (**сделает**) от *кунед* (**сделайте**). В некоторых местах в его конце добавляется «nūn» с сакином и соединяют его фатху с этим «nūn»-ом, как: *бинад* (**увидит**), *чинад* (**соберет**), *гузинад* (**выберет**), в случае, если его предыдущей буквой «uā» является «uā», то в настояще-будущем времени этот «uā» удаляется, а тот «uā» огласовывается фатхой и остается неизменным, как: *бӯяд* (**пахнет**) от *буҳид* (**пахнул**), *пӯяд* (**желает**) от *пуҳид* (**пожелал**), *намояд* (**покажет**) от *намоҳид* (**показал**), *сояд* (**протирает**) от *соҳид* (**протер**), и превращение «mīm» в «uā» с фатхой, как *ояд* (**придет**) от *омад* (**пришел**), добавление «nūn» с фатхой, как: *занад* (**ударяет**) от *зад* (**ударил**), добавление «wāw» с фатхой и огласовка «šīn» фатхой, как *шавад* (**станет**) от *шуд* (**стал**).

Спряжение положительной формы глагола действительного залога настоящего-будущего времени:

I. орам – орем (**я принесу – мы принесем**);

II. *орӯ* – *ored* (**ты принесешь – вы принесете**);

III. *орад* – *оранд* (**он принесет – они принесут**).

Спряжение положительной формы глагола страдательного залога настоящего-будущего времени:

I. *оварда шавам* – *оварда шавем* (**я буду привезен – мы будем привезены**);

II. *оварда шавӣ* – *оварда шавед* (**ты будешь привезен – вы будете привезены**);

III. *оварда шуд* – *оварда шаванд* (**он будет привезен – они будут привезены**).

Спряжение отрицательной формы глагола действительного залога настоящего-будущего времени:

I. *наёрам* – *наёрем* (**я не принесу – мы не принесем**);

II. *наёрӯ* – *наёред* (**ты не принесешь – вы не принесете**);

III. *наёрад* – *наёранд* (**он не принесет – они не принесут**).

Спряжение отрицательной формы глагола страдательного залога настоящего-будущего времени:

I. *наёварда шавам* – *наёварда шавем* (**я не буду привезен – мы не будем привезены**);

II. *наёварда шавӣ* – *наёварда шавед* (**ты не будешь привезен – вы не будете привезены**);

III. *наёварда шавад* – *наёварда шаванд* (**он не будет привезен – они не будут привезены**).

Третья группа, в объяснении глагола настоящего времени. Это время описывает событие, происходящее в настоящем времени, а наклонения действительного и страдательного залога этого глагола образуются из наклонений действительных и страдательных глаголов путем добавления префикса «ме» или «хаме». В наклонениях

действительного залога настоящего времени лучше добавить префикс «ме» в слово *шуд* (**стал**).

Спряжение положительной формы глагола действительного залога настоящего времени:

I. *меорам* – *меорем* (**я принесу – мы принесем**);

II. *меорī* – *меоред* (**ты принесешь – вы принесете**);

III. *меорад* – *меоранд* (**он принесет – они принесут**).

Спряжение положительной формы глагола страдательного залога настоящего времени:

I. *оварда мешавам* – *оварда мешавем* (**я буду привезен – мы будем привезены**);

II. *оварда мешавī* – *оварда мешавед* (**ты будешь привезен – вы будете привезены**);

III. *оварда мешавад* – *оварда мешаванд* (**он будет привезен – они будут привезены**).

Спряжение отрицательной формы глагола действительного залога настоящего времени:

I. *намеорам* – *намеорем* (**я не принесу – мы не принесём**);

II. *намеорī* – *намеоред* (**ты не принесёшь – вы не принесёте**);

III. *намеорад* – *намеоранд* (**он не принесёт – они не принесут**).

Спряжение отрицательной формы глагола страдательного залога настоящего времени:

I. *оварда намешавам* – *оварда намешавем* (**я не буду привезен – мы не будем привезены**);

II. *оварда намешавī* – *оварда намешавед* (**ты не будешь привезен – вы не будете привезены**);

III. *оварда намешавад* – *оварда намешаванд* (**он не будет привезен – они не будут привезены**).

Суть этого отрицательной формы глагола состоит в том, что «nīn» отрицания входит в состав префикса «ме», как уже было упомянуто.

В некоторых стихотворениях поэтов вместо глагола настоящего времени употребляется глагол будущего времени:

Дар офтоби қиёмат намешавӣ сероб,

Зи ташинагӣ нашавад то дили ту об.

На солнце Судного дня ты не станешь пропитан обильной водой,

От жажды пока сердце твое не растает.

Саиб

Четвертая группа, в объяснении глагола будущего времени, обозначающего действие, которое ожидается совершить в будущем. Наклонение глагола третьего лица единственного числа этого действительного и страдательного залога глагола образуется из наклонения действительного и страдательного залога глагола третьего лица единственного числа абсолютного прошедшего времени путем включения слова *хоҳад* (**будет**), которое является признаком будущего времени, и при его прибавлении к будущему времени его значение с прошедшего времени меняется на будущее время. А также для получения остальных наклонений местоимений к слову *хоҳад* после удаления «dāl» добавляются местоименные суффиксы, однако в наклонениях страдательного залога следует привести слово *хоҳад* со словом *шуд*.

Спряжение положительной формы глагола действительного залога будущего времени:

I. *хоҳам овард* – *хоҳем овард* (**я буду приносить – мы будем приносить**);

II. *хоҳӣ овард* – *хоҳед овард* (**ты будешь приносить – вы будете приносить**);

III. *хоҳад овард* – *хоҳанд овард* (**он будет приносить – они будут приносить**).

Спряжение положительной формы глагола страдательного залога будущего времени:

I. *оварда хоҳам шуд* – *оварда хоҳем шуд* (**я буду привезен – мы будем привезены**);

II. *оварда хоҳӣ шуд* – *оварда хоҳед шуд* (**ты будешь привезен – вы будете привезены**);

III. *оварда хоҳад шуд* – *оварда хоҳанд шуд* (**он будет привезен – они будут привезены**).

Спряжение отрицательной формы глагола действительного залога будущего времени:

I. *нахоҳам овард* – *нахоҳем овард* (**я не буду приносить – мы не будем приносить**);

II. *нахоҳӣ овард* – *нахоҳед овард* (**ты не будешь приносить – вы не будете приносить**);

III. *нахоҳад овард* – *нахоҳанд овард* (**он не будет приносить – они не будут приносить**).

Спряжение отрицательной формы глагола страдательного залога будущего времени:

I. *наёварда хоҳам шуд* – *наёварда хоҳем шуд* (**я не буду привезен – мы не будем привезены**);

II. *наёварда хоҳӣ шуд* – *наёварда хоҳед шуд* (**ты не будешь привезен – вы не будете привезены**);

III. *наёварда хоҳад шуд* – *наёварда хоҳанд шуд* (**он не будет привезен – они не будут привезены**).

Иногда слово *хоҳад* добавляется к инфинитиву и выражает значение глагола будущего времени:

Худодӯстро гар бидаранд нӯст,

Нахоҳад шудан душмани дӯст, дӯст.

Если у любящего Бога будет снята кожа.

Он не станет врагом друга, друг.

Саади

Пятая группа, в объяснении глагола повелительного наклонения. Этот глагол употребляется для повеления работы кому-либо, и если повелительный глагол является глаголом второго лица, то этот глагол

называется повелительным глаголом второго лица, а если он является глаголом третьего или первого лица, то в обоих случаях он называется повелительным глаголом третьего лица. Образование наклонения повелительного страдательного залога глагола второго числа является близким к некоторым наклонениям положительного действительного и страдательного залога глагола второго лица настоящего-будущего времени и к некоторым наклонениям действительного и страдательного залога этого же глагола третьего лица единственного числа. Приведение дополнительной буквы «bā» с кясрой или даммой для образования повелительного глагола всегда допустимо, за исключением тех форм, которые включают слова «бар», «дар» и являются, подобно этим инфинитивам, *бархез*, *даромез* (**вставай, смешивай**). Также добавление к нему «bā» в слове «бош» не обязательно, а предназначено для красноречивости.

Спряжение действительного залога повелительного глагола второго лица:

II. *биёр* – *биёред* (**принеси – принесите**)

Спряжение страдательного залога повелительного глагола второго лица:

II. *оварда бишав* – *оварда бишавед* (**будь привезенным – будьте привезенными**)

Всякий раз, когда к наклонениям такого повелительного глагола включаются префиксы «ме» и «хаме» после удаления «уā», то это означает продолжительное действие. Поэтому такой повелительный глагол называется продолжительным повелительным глаголом, как сказано в этой прозе: *Касбе мекун то коҳил нагардӣ ва рӯзӣ аз Худо медон то кофир нашавӣ* (**Обретай ремесло, чтобы не стал лентяем, и познай свое пропитание от Бога, чтобы не стал неверным**). Иногда значение продолжительного повелительного глагола образуется добавлением суффикса «а» и слова «бош» (**будь**) в конце наклонения положительного глагола действительного залога абсолютного прошедшего времени

третьего лица единственного числа, как: *дар ҳавза бош, карда бош* (**будь в кругу, сделай**), наподобие тех наклонений глагола абсолютного прошедшего времени, входящих в значения своих инфинитивов. Некоторые наклонения непродолжительного повелительного глагола действительного залога второго лица употребляются также в инфинитивном смысле, однако в некоторых местах он соединяется с наклонениями глагола прошедшего времени, как: *шӯст, шӯ, дурӯд, гуфт, шунавид* (**помыл, помой, приветствие, сказал, услышал**), а в некоторых местах приходит без них, как: *яку ду, хобу хӯр, гиру дор* (**один и два, спать и кушать, брать и держать**), а в некоторых местах соединяется с существительным, как: *побӯс, пайрав, шакаррез, гӯшмол* (**покорность, последователь, медоточивый, взбучка**), он также образуется от существительного и действительного залога повелительного глагола второго лица. В некоторых местах он обозначает причастие действительного залога, как: *помол, дилгир, камёб, наврас* (**растоптанный, скучный, редкий, созревший**). В словах *роҳ намудан, кор озмудан* (**показывать путь, знать дело**), которые на самом деле являются *роҳнамо, корозмо* (**руководитель, знающий дело**), заменили «alif» после его огласовки даммой на «wāw» и добавили «nūn» в его конце. Однако основа действительного и страдательного залога повелительного глагола третьего лица образуется от наклонений положительного действительного и страдательного залога глагола настоящего-будущего времени третьего и первого лица с добавлением слова «гӯ, ки» (**скажи, что**) или «гӯ» (**скажи**) после присоединения к нему дополнительного «bā».

Спряжение действительного залога повелительного глагола третьего лица:

I. *гӯ, ки биёрам – гӯ ки биёрем* (**скажи, чтобы я принес – скажи, чтобы мы принесли**)

III. *гӯ, ки биёрад – гӯ ки биёранд* (**скажи, чтобы принес – скажи, чтобы принесли**)

Спряжение страдательного залога повелительного глагола третьего лица:

I. *гӯ, ки биёварда шавам – гӯ ки биёварда шавем (скажи, чтобы меня привезли – скажи, чтобы нас привезли)*

III. *гӯ, ки биёварда шавад – гӯ ки биёварда шаванд (скажи, чтобы его привезли – скажи, чтобы их привезли)*

Здесь также правильно добавить букву «bā» для выражения признака страдательности залога. Иногда повелительный глагол третьего лица образуется добавлением слова «гӯ» (**скажи**) в повелительный глагол второго лица, как в этой прозе: *Ҳар ки хоҳад гӯ биё ва ҳар ки хоҳад гӯ бирав (каждый, кто захочет, скажи, чтобы пришел, каждый, кто захочет, скажи, чтобы ушел)*. Также в этом случае ввиду необходимости между тем словом и наклонением повелительного наклонения пробел является допустимым, как в этом высказывании Саади: *Турирӯйро гӯ ба талхӣ бимир (Скажи угрюмому умри с горькостью)*.

Шестая группа, в объяснении отрицательной формы глагола и она состоит из глагола, указывающего на сдерживание кого-либо от выполнения какой-либо работы и, учитывая формы второго и третьего лица отрицаемого лица, он бывает двух видов: отрицательный повелительный глагол третьего лица и наклонения действительного и страдательного залога отрицательного повелительного глагола второго лица с присоединением «mim» с фатхой вместо дополнительной буквы «bā».

Спряжение действительного залога отрицательной формы повелительного глагола второго лица:

II. *маёр – маёред (не принеси – не принесите)*.

Спряжение страдательного залога отрицательной формы повелительного глагола второго лица:

II. *оварда машав – оварда машавед (не будь привезенным – не будьте привезенными)*

Образование от существительного и от этого действительного залога глагола в некоторых местах означает причастия действительно залога, например, *Худоматарс, суханмашинав, ҳечмадон, ҳечмаярз* (**не боящийся Бога, неслышащий, ничего не знающий, ничего не стоящий**), которые приходят в значении *натарсанда, сухан нашунаванда, ҳеч надонанда, ба ҳеч чиз наярзанда* (**не боящийся Бога, не слышащий слов, ничего не знающий и ничего не стоящий**).

В некоторых местах выражает значение причастия страдательного залога, как: *касмахон, касмахар, касмагӯ, касмаёб* (**никем не читаемый, никем не покупаемый, никем не сказанный, никем не найденный**) в значении *нахондаи кас, нахаридои кас, нагуфтаи кас ва наёфтаи кас* (**никем не читаемый, никем не покупаемый, никем не сказанный, никем не найденный**).

Чомӣ кашида дор забонро, ки рози шиқ сиррест,

Касмагӯву ҳадисест касмахон.

О Джами, придержи язык, ибо тайна любви – это секрет,

Никем не сказанная, она – хадис, никем не прочитанный.

Джами

Однако наклонения действительных и страдательных отрицательных форм глаголов образуются от наклонений действительных и страдательных повелительных глаголов третьего лица путем добавления «nūn» отрицания вместо дополнительной буквы «uā».

Спряжение действительного залога отрицательной формы глагола третьего лица:

III. *Гӯ, ки наёрад, гӯ, ки наёранд*, (**скажи, чтобы он не приносил; скажи, чтобы он не приносили**).

Спряжение страдательного залога отрицательной формы глагола третьего лица:

III. *Гӯ, ки наёварда шавад, гӯ, ки наёварда шаванд* (**скажи, чтобы его не привезли; скажи, чтобы их не привезли**).

Иногда путем добавления в отрицательную форму повелительного глагола слова «гӯ» преобразуют его в отрицательную форму повелительного глагола второго лица.

*Абр, ки дар води Лайли наборад, гӯ мабор,
Домани сахро ҳанӯз аз гири Маҷнун тар аст.
Облако, которое в долине Лейлы не падает дождем,
скажи, чтобы не падало дождем,
Подол пустыни все еще мокрый от плача Меджнуна.*

Дониш

Также автор подчеркивает, что относительно слов «аст» (**есть**) и «ҳаст» (**имеется**) между лингвистами существует разногласие. Некоторые полагают, что они являются частью частиц и с точки зрения содержания значения глагола «бувад» (**быть**), который является глаголом настоящего-будущего времени, указывают на продолжительное время и используются в именных предложениях для установления связи между предложениями. Другие придерживаются мнения, что «аст» (**есть**) и «ҳаст» (**имеется**) входят в группу несовершенных глаголов. Поэтому иногда, как и совершенный глагол, они превращаются в сказуемое предложения:

*То реиш дар об аст,
Умеди самаре ҳаст.
Пока корни находятся в воде,
Есть надежда на какой-то плод.*

Урфи

Поэтому спряжение слов *ҳаст* (**имеется**) и *нест* (**не имеется**) может быть похожим на спряжение глагола. Следовательно, по мнению тех, кто считает слова *ҳаст* и *нест* частицами, они считают их вневременными отношениями. Что касается слов *боист* (**должен был**) и *бояд* (**должен**), выражающих значение необходимости и ударения, то, если они включены в наклонение положительного действительного залога глагола третьего лица единственного числа абсолютного прошедшего времени,

они употребляются в значении инфинитива и глагола настоящего времени для выражения значения «необходимости», например, *боист оварад, бояд донист* (**должен был принести, должен знать**). Также слова «тавонад» (**быть в состоянии**) и «тавон» (**возможность**), выражающие понятия **мощь** и **возможность**, каждый раз, когда принимают форму глагола прошедшего времени, меняют свое значение на инфинитивное значение и глагол настоящего времени для выражения того понятия, например, *тавонад барад, тавон шинохт* (**быть в состоянии нести, уметь распознавать**), в отличие от слова *тавонист* (**был в состоянии**), которое входит в наклонение глагола прошедшего времени, приближая свое значение к значению того понятия:

*Осмон бори амонат **натавонист** кашид,
Қуръаи фол ба номи мани девона заданд.
Небо не выдержало бремя верности,
Они жребий предсказания бросили на мое имя безумного.*

Хафиз

Вот почему некоторые учёные называют такой глагол прошедшего времени глаголом прошедшего времени, обладающим мощью и способностью, однако использование его других наклонений в речи поэтов не встречается. Слово *шояд*, выражающее значение (**способность**), как в этом высказывании Саади: *Ҳар чи дер панояд дилбастагиرو **нашояд*** (**Все, что хранится долго, не заслуживает привязанности**), иногда употребляется вместо *бояд* (**должен, надо**) и *тавонад* (**может**), как: *нашояд кард* (**не способен сделать**); иногда оно означает *эхтимол* (**вероятность**) и *шак* (**сомнение**), как в этом высказывании: *Метанад дил **шояд** он бераҳм дар ёди ман аст* (**Мое сердце бьется, вероятно, тот жестокий человек в моей памяти**). Также каждое из этих слов, например, *бояд* (**должен, надо**), *тавонад* (**может**) и тому подобное, входит в инфинитив, приближая его значение к значению глагола настоящего времени или понятию *зарурат* (**необходимость**) и *имкон* (**возможность**).

*Сари бе шиқро бояд буридан,
 Ба дӯш ин борро натвон кашидан.
 Голову без любви надо отсечь,
 Не в силах плечо – это бремя нести на себе.*

Зилоли

Является правильным удалять по необходимости слова *бояд* (должен), *тавонад* (может) и тому подобное. Как говорит в этой прозе некий богослов: *Ташибеҳи муширкинро тарк бояд фармуд ва аз он безорши худ зоҳир намуд* (Надо повелеть оставить сравнение и уподобление многобожников и этим проявить свое отвращение).

*Ба дунё тавон охират ёфтан,
 Ба зури панча шери нар тофтан.
 В этом мире можно найти загробную жизнь,
 Силой руки можно льва-самца повалить.*

Саади

Следует сказать, что объяснение глагола и его частей в одиннадцатой части «Anjumanārā-e Nāsirī» с точки зрения словообразования разделено на глагол (абсолютного, недалекого, далекого, продолжительного, предположительного) прошедшего времени, настояще-будущего, настоящего, будущего времени, повелительный глагол (второго лица и третьего лица) и отрицательный глагол, приведены подробные спряжения каждого из них: переходный глагол, непереходный глагол, действительный залог глагол, страдательный залог глагол, положительный глагол, отрицательный глагол [1, 71-76].

Таким образом, значительная часть грамматических объяснений толкового словаря «Anjumanārā-e Nāsirī» Резакулихана Хидаята посвящена вопросам морфологии, таким как: распознавание инфинитива, знака инфинитива, выражения инфинитивного существительного, буквы, обозначающей значение инфинитива, спряжения глаголов настоящего и будущего времени, способы создания

составных прилагательных, категорий неопределенности и определенности существительного, местоимение: личные, притяжательныеуказательные, имя собственное, неопределенное существительное, аллегории и т.д.

В результате анализа и рассмотрения морфологических заметок толкового словаря «Anjumanārā-e Nāsirī» выясняется, что автор рассматривая грамматические категории самостоятельных частей речи персидско-таджикского языка, таких как: существительное, прилагательное, местоимение, глагол и т.д., значительное внимание уделял анализу и разъяснению аффиксальных форм словообразования персидско-таджикского языка, показал задачи и значимость частей речи в обучении персидско-таджикскому языку и в его дальнейшем развитии.

2.4. Синтаксический анализ в толковом словаре

«Anjumanārā-e Nāsirī»

Раздел науки о языке, изучающий структуру словосочетаний и предложений, называется синтаксисом. Наука о морфологии и синтаксисе, которая сегодня в таджикском, русском и европейском языкознании известна как грамматика, занимает очень высокое положение в истории науки и культуры персидско-таджикского народа. Если в разделе морфологии рассматриваются особенности строения слов, их морфологических категорий, то в разделе синтаксиса изучаются структурно-семантические особенности словосочетаний и предложений, правила образования словосочетаний и предложений. Если правилом науки о морфологии является правильное чтение слов, то правилом науки о синтаксисе – правильное чтение словосочетаний и предложений. Резакулихан Хидаят относительно науки о синтаксисе говорит следующее: «Наука о синтаксисе в словаре означает намерение, а в научной терминологии – это правило, посредством которого состояние слов познается в отдельности и в их сочетании, и целью этой науки

является правильное говорение. Основным предметом изучения этой науки является образование фраз и предложений из слов» [1, 46].

Как видно из персидско-таджикской грамматики, предметом науки о синтаксисе являются слово и речь, где слово является предметом для единственного значения, а речь является предметом выражения отношений между двумя существительными или существительным и глаголом. При этом Резакулихан Хидаят также считал слово в словаре в значении речи, а в термине грамматиков он называл его словом, которое в таджикском языкознании называется частью речи. Он рассматривал слово в науке о синтаксисе как предмет для единственного значения и делил его на три части: существительное, глагол и частицу. По его выражению, если слово обозначает имя или предмет, то оно называется существительным, как *Зайд* (**Зейд**) и *дарахт* (**дерево**). В другом случае, если оно указывает на одно из трех времен: прошедшее, настоящее и будущее, то оно называется глаголом, наподобие: *омад*, *оад*, *хоҳад омад* (**пришел, придет, будет приходить**). А если оно похоже на «bā» (с), «tā» (до) и не может обозначать само по себе какое-либо значение, то оно называется частицей» [1, 46].

Также он говорит: «Надо знать, что значение исходной лексики является не изящным, а термины некоторых слов имеют не только лексическое значение, но и имеют лексико-терминологическое значение, как значение речи в словаре – это выведение слова, словосочетания или предложения из человеческого языка. Речь может быть единственной или сложной, так как, произнося или слыша слово *Зайд*, уже становится ясно, что эта речь принадлежит человеку» [1, 46].

Проанализировав и рассмотрев самостоятельные части речи, Ризакулихан Хидаят приступает к анализу фраз и предложений, объясняет их строение и состав. Он также объяснил изъявительные предложения, состоящие из подлежащего и сказуемого, глагола-связки. В объяснении составных слов, которое он разделил на одно приближение, два соединения и одно завершение, он говорит: «Приближение: во

введениях, кроме которых у речи нет альтернативы, следует знать, что составная речь состоит из речи, образующийся из сочетания двух слов и/или более того, а ссылка состоит в соотношения одного слова с другим словом таким образом, чтобы полезным являлось полное выражение. Слово, в сторону которого ссылается другое слово, называется подлежащим, а отсылаемое слово – сказуемым. Из частей слова: существительное, которое одновременно может подходить как для образования подлежащего, так и может подходить для образования сказуемого» [1, 71]. В качестве примера он приводит предложение *Дониши ганч аст* (**Знание – это сокровище**), и в своем анализе он считал, что *дониши* (**знание**) – это подлежащее, *ганч* (**сокровище**) – сказуемое и *аст* – глагол-связка.

Первый состав: анализ частей слова в словаре по смыслу речи и в термине считается составными словами, состоящими из подлежащего и сказуемого для выражения полного смысла, эти составные слова он также назвал предложениями и с учетом оригинала разделил части предложения на четыре части.

Во-первых, именное предложение, состоящее из двух существительных, одно – подлежащее, а другое – посредством глагола-связки становится сказуемым. Подлежащее – существительное, не являющееся прилагательным, а сказуемое – имя прилагательное, и согласно исследованию Резакулихана Хидаята, сказуемое является неопределенным, а подлежащее – определенным, как в этом предложении: *Зайд гирён аст* (**Зайд плачет**). Иногда оно приходит с изафетом (дополнением), например, *Оби дарё гарм аст* (**Вода в реке теплая**), иногда с прилагательным, например, *Дидаи бешарм тисандида нест* (**Бесстыдный глаз не вызывает одобрения**). Подлежащее может быть, как именем прилагательным, так и неопределенным существительным, как в этом изречении Саади: *Равандаи бемаърифат мурғи бенар аст* (**Непросвещенный путник – птица без перьев**). Ваизи Кашифи: *Хомӯшӣ беҳтар аз сухани бад аст* (**Молчание лучше плохих**

слов). Любое предложение, состоящее из имени в определенном и неопределенном состоянии, имя в определенном состоянии считается подлежащим, как в этом высказывании: *Ҷумъа рӯзи нек аст* (**Пятница – хороший день**).

Также в любом предложении, состоящем из двух равных существительных, то существительное, которое соответствует сказуемому, должно считаться сказуемым, а другое существительное – подлежащим, например, *Зол надарӣ Рустам аст* (**Заль – отец Рустама**). Еще одна особенность подлежащего и сказуемого заключается в том, что подлежащее приводится в начале, а сказуемое – после него. Но иногда из-за необходимости соблюдения рифмы сказуемое приводится перед подлежащим, как: *Аз хиёли зулфи мушкинат парешонем мо* (**От мысли о твоих мускусных локонах расстроены мы**), т.е. *Мо аз хиёли зулфи мушкини ту парешонем* (**От мысли о твоих мускусных локонах мы расстроены**). Также из-за краткости или соблюдения рифмы иногда удаляют подлежащее, как в этом изречении Саади: *Ду чиз муҳоли ақл аст, хӯрдан пеш аз мақсум ва мурдан пеш аз вақти маълум* (**Две вещи невозможны для ума: кушать до раздачи и умереть раньше определенного времени**), и в этом изречении Хафиза: *Бандаи шиқаму аз ҳарду ҷаҳон озодам* (**Я – слуга любви, и свободен от обоих миров**), то есть я слуга любви. Иногда удаляют сказуемое, как в этом высказывании Саади: *Миннат Худойро Азза ва Ҷалла* (**Хвала Богу, Великому и Всемогущему**), то есть благодарность Богу, победоносному и великому. Подлежащее может прийти последовательно несколько раз, а сказуемое – один раз, как в этом высказывании Саади: *Дарвешу ғанӣ ин хокдаранд* (**Дервиш и богатый – оба находятся на этой земле**). Сказуемое также может прийти несколько раз, а подлежащее – один раз: *Бечораву саргаиштаем* (**Мы бедны и растеряны**). А иногда для акцента повторяют сказуемое:

*Он чї шеронро кунад рўбахмизоч,
 Эҳтиёҷ аст, эҳтиёҷ аст, эҳтиёҷ.
 То, что львов делает с лисьими повадками,
 Это – нужда, это – нужда, нужда.*

Дж. Руми

Как видно из приведенных примеров, сказуемое часто приходит одно. Иногда оно также может встречаться в виде предложения, поэтому в каждом именном предложении, сказуемое которого выражает предложение, сказуемое называется большим, а то предложение – малым, независимо от того, является ли это предложение именным, например, *Мазрааи умр баҳораи ба хазон муттасил аст* (**Весна нивы жизни связана с листопадом**), является ли это глагольным предложением, как: *Он гули худру вафояи умри як шабнам надошт* (**Верность того самоцветущего цветка не имела жизни одной ночной росы**).

Во-вторых, глагольное предложение, состоящее из глагола и существительного, являющегося подлежащим, и это существительное при действительности залога глагола называется сказуемым подлежащего, а в случае страдательности залога глагола оно называется заменителем действующего лица (подлежащем при сказуемом страдательного залога). Если существительное или личное местоимение является подлежащим или заменителем действующего лица, то лучше поставить это существительное перед глаголом, например, *Зайд омад, Халид зада шуд, ман рафтам, ӯ кушта шуд* (**Зайд пришел, Халид был избит, я ушел, он убит**). Однако, в отличие от притяжательного местоимения, находящегося в подлежащего и заменителя действующего лица, оно всегда ставится после глагола, как: *Омадам, зада шудам, рафтӣ, кушта шудӣ* (**Я пришел, я избит, ты ушел, ты убит**). А иногда притяжательное местоимение второго и третьего лица единственного числа, то есть «ту» (**ты**) и «ӯ» (**он**), которое в третьем лице единственного числа глагола прошедшего, настоящего-будущего времени, а во втором лице единственного числа – повелительного и отрицательного глагола

второго лица является субъектом действия (подлежащего глагольного предложения) глагола и является скрытым:

*Рафту бе ў зинда мондам, сахтҷониро нигар,
Омаду мурдам зи хичлат, шармсорино бубин.
Она ушла, и я выжил без нее, взгляни на живучесть,
Она пришла, и я умер от смущения, посмотри на стыд.*

И для краткости иногда удаляют глагол, как в этом изречении Саади: *Шайтон бо мухлисон барнаёяд ва султон бо муфлисон ба сар набарад* (**Сатана не сходится с поклонниками, а султан не живет с нищими**). Иногда удаляют и глагол, и субъект действия как в ответе на вопрос: *Оё Холид меояд? Ту гӯй оре* (**Придет ли Халид? Ты скажи да**). Иногда глагол может совпадать со своим субъектом действия, например, слово *мехоҳам* (**я хочу**), когда человек испытывает жажду и говорят *об-об* (**вода-вода**), что означает *об мехоҳам* (**я хочу пить**). Иногда глагол приходит несколько раз, например, *Ҳақ Ҷалла ва Ало мебинад ва мепушад* (**Бог Всемогущий и Всевышний видит и одевает**), иногда субъект действия приходит несколько раз, а сказуемое – один раз, например, *Зайд ва Амр омаданд* (**Зайд и Амр пришли**).

В-третьих, обстоятельственное предложение, которое образуется из наречия и дополнения с глаголом связкой, например, *Ёр дар хонаи худ асту мол наздик нест* (**Возлюбленная у себя дома, а богатства нет и близко**).

Автор подчеркивает, что в действительности каждое обстоятельственное предложение является именным предложением, сказуемое которого является наречиям.

Некоторые исследователи не рассматривали обстоятельственное предложение как отдельного раздела.

В-четвертых, условное предложение, состоящее из двух предложений, независимо от того, являются ли оба предложения глагольными или именными, или одно из них является глагольным, а другое – именным. Таким образом, каждое предложение, в котором есть

условная частица, называется условным предложением, а предложение, которое приходит в ответ на него, называется воздаянием или ответом на условие. Главная особенность условного предложения заключается в том, что частица условия стоит перед сказуемым, как в этом изречении Саади: *Агар ҷаври шикам набудӣ, мурғ дар дом наяфтодӣ* (**Если бы не было угнетения желудка, курица не попала бы в капкан**). В некоторых случаях, при необходимости, сказуемое ставится перед частицей условия, как в этом изречении Хазина: *Кардам шукӯҳе, агар додрасе доштам* (**Я бы достиг величия, если бы у меня был заступник**). Иногда частица условия приходит несколько раз, а сказуемое – один раз:

*Монӣ чу нақши он бут ба даст мекашад,
Чун мерасад ба соиди ӯ, даст мекашад.
Мани когда изображение того идола рукой рисует,
Когда он достигает его предплечья, он отказывается.*

Шавкат

Следует подчеркнуть, что Резакулихан Хидаят провел такую классификацию предложений, исходя из грамматической системы арабского языка.

Проанализировав типы предложений, Резакулихан Хидаят уделил внимание объяснению и исследованию предложения с точки зрения содержания и обстоятельства. По содержанию он делит предложения к двум типам:

Во-первых, повествовательное предложение, по мнению автора, в содержании этого предложения можно увидеть вероятность правдивости и лживости, и примеры такого предложения приведены в именных и глагольных предложениях.

Во-вторых, сочинительное предложение, в содержании которого нет вероятности правдивости и лживости, как повелительное и отрицательное предложение, а также слово, имеющее значение вопросительных частиц, удивления, желания, благословения, условия,

восхваления, порицания и восклицания. Но эта классификация не встречается в грамматике таджикского языка.

Однако с учетом обстоятельства он разделил предложение на восемь типов:

Во-первых, начальное предложение, которое приходит в начале речи и не связано с другим словом:

*Ҳаст калиди дари ганчи ҳаким,
Бисми-л-лоҳи-р-раҳмони-р-раҳим.
Есть ключ от двери сокровища мудреца,
Во имя Аллаха, Всемилостливого и Милосердного.*

Низами

Во-вторых, отрезанное предложение, которое связано с другим словом, однако не принадлежит ему:

*Дӯстон чанд кунам нола зи бемории дил,
Кас гирифтор мабодо ба гирифтори дил.
Друзья, как долго мне придется стонать от болезни сердца?
Пусть никто не будет одержим страданием сердца.*

Джами

В-третьих, базовое предложение, в котором излагающий речь является неопределенным, как в этом высказывании:

*Бе ту чу шамъ кардаам хандаву гирия кори худ,
Ханда ба рӯзи дил кунам, гирия ба рӯзгори худ.
Без тебя подобно свече я смеялся и плакал за свой поступок,
Смеюсь я за жизнь сердца, а плачу – за свою жизнь.*

В-четвертых, причиненное предложение, в котором выражают изъясн какой-либо речи:

*Сухан бо лутфу карам бо дуруштхӯй мағӯй!
Ки зангхӯрда нагардад ба базми суҳон пок.
Слово с милостью и великодушием не говори
с резкохарактерным человеком!
Ибо заржавевшее не станет с помощью напильника чистым.*

Саади

В-пятых, соединенное предложение, которое обращено на предыдущее предложение, то есть направлено на первое предложение:

*Ҳазор шамъ бикашанд ва анҷуман боқӣ аст.
Тысячу свечей задуют, но собрание сохранилось.*

Урфи

В-шестых, акцидентальное предложение, которое прикрепляется между другими членами предложения, но не принадлежит ни одному из них, и при его сокращении или удалении смысл предложения не меняется, как в этой прозе: *Бародари ту, Худо биёмурзад, марди хубе буд* (**Брат твой, да помилует Бог, был хорошим человеком**).

В-седьмых, исходное предложение, появляющийся из предыдущего слова и располагающийся на нем, то есть присоединение относительного «уā» является свойственным существительному, а добавление префикса «ме» является свойственным глаголу, поэтому относительное «уā» не соединяется с глаголом и префикс «ме» не соединяется с существительными. Таким является предложение, введенное в результат, как в этом изречении Тугро: *Агар бод ба гӯшаи расонида, ки отаи ба хасе давида, обро фармуда, то хок ба косаи сараи карда* (**Если ветер доносил до его ушей, что огонь охватил солому, и повелел воде, чтобы наполнила чашу его головы пылью**).

В-восьмых, обстоятельственное предложение, и это является повествовательным предложением, в котором посредством «wāw» обстоятельства из субъекта действия или из объекта действия (дополнения) образуется глагол обстоятельства: *Ёри маҷруҳ маро дида давон меояд* (**Израненный друг, увидев меня, приходит бегая**), т.е. израненный друг приходит, увидев, в том состоянии, когда он бежит.

А иногда оно предшествует обладателю обстоятельства, как в высказывании Хосрава, который сказал по случаю погребения Лейли:

*Гирён чигари замин кушоданд,
В-он кони намак дар он ниҳоданд.
Плача сердце земли открыли,
И те залежи соли в него положили.*

А иногда обладателя обстоятельства приводят один раз, а обстоятельство путем соединения – несколько раз, как в этой прозе: *Имрӯз дидам, ки Зайд афтону хезон мерафт* (**Сегодня я увидел, что Зайд шел, падая и вставая**) [1, 48]. В этом случае второе обстоятельство называют синонимичным обстоятельством.

Резакулихан Хидаят, проанализировав состав предложения, объясняет четыре дополнения и поясняет грамматические особенности каждого из этих дополнений.

Во-первых, прямое дополнение, состоящее из существительного, в котором располагается глагол и субъект действия, как: *Зайд Бакрро кушт* (**Зайд убил Бакра**). Иногда оно выражается местоименными суффиксами «ам», «ат» и «аш», а иногда опускается для равновесия речи, как в этом вычкывании:

*Даврон майи ҳасрат ҳама дар соғари мо кард,
Бар ҳар чи ниҳодем, дил аз дида ҷудо кард.
Время вино печали все в наши кубок влило,
На все, что мы ее положили, сердце отделило от глаз.*

Назири

То есть он отделил его.

Во-вторых, обстоятельство времени и места, состоящее из наречия места и времени, в котором располагается глагол, как: *Ёр дар хонаи худаи рафт* (**Друг пошел к себе домой**).

*Шаб сӯи Қатил омад бо хайли паризодон,
Он офати ҷону дил ошуби замони мо.
Ночью в сторону Катилы пришло с толпой красавиц,
То бедствие души и сердца – хаос нашего времени.*

Катил

В-третьих, обстоятельство причины или цели, состоящее из существительного, желание получения которого или само его существование становится причиной действия и возникновения того глагола, как: *Зайд зад писари худро барои адаб* (**Зайд ударил своего сына**

за невоспитанность). *Ин бемор бинобар нотавонӣ бархостан наметавонад* (Этот больной из-за слабости не может встать).

В-четвертых, сопутствующее дополнение обстоятельства, состоящее из существительного, которое сочетается с действующим лицом или объективным дополнением, как: *Берун рафтам аз шаҳр бо рафиқон* (Я вышел из города с друзьями). *Харидам аспро бо зини он* (Я купил лошадь с ее седлом).

Среди этих четырех дополнений, прямое дополнение, являющееся особой частью переходного глагола, в страдательном залоге глагола удаляется заменитель действующего лица и будет называться заменителем действующего лица. В отличие от остальных глаголов, которые относятся как к непереходному глаголу, так и к переходному глаголу, он никогда не имеет полномочий стать заменителем действующего лица, и все указанные дополнения могут собраться вместе в одном предложении: *Холид имрӯз писари худро бо бародараи барои таълими хат наздики ман оварад*. (Халид сегодня привел своего сына и его брата для обучения письму ко мне).

Второй состав в объяснении словосочетаний разделена на четыре части.

Первая часть – состав именного словосочетания, который образуется из определяемого и определения, поскольку изафет – это отношение существительного, которое соединяется в сторону какого-либо существительного посредством предлога. Поэтому добавленное в существительное называют определяемым, а существительное, в сторону которого добавлено другое существительное, называют определением. Основным признаком определяемого является то, что оно предшествует определению и его последняя буква имеет кясру, при условии, что определение не является слитным местоимением с одной из букв «alif», долгой «wāw», скрытной «hā» и известной «uā», и ту кясру называют изафетной кясрой. Целью добавления «uā» является определение определяемого и нигде определение не является известным. Например,

асби Баҳром, теғи Рустам (**конь Бахрама, меч Рустама**). И это получается в том случае, если определение не находится в неопределенном состоянии. Например, *ангуштари зар, пили подшоҳ* (**золотое кольцо, слон царя**) и некоторые существительные, находящиеся в неопределенном состоянии, такие как: *нас, пеш* (**задний, передний**).

Автор разделил изафетную связку по выражению значения предлогов на три типа:

- по значению предлога «аз» (**из, от**): *ангуштари зар* (**золотое кольцо**).

- по значению предлога «барои» (**для**): *асби Баҳром* (**конь Бахрама**).

- по значению предлога «дар» (**в**): *задани имрӯз* (**бытия сегодня**).

Также автор разделил изафетную связку по смыслу определяемого и определения на четыре типа:

- описательный изафет, и в этом типе изафета определение является описанием определяемого и является его происхождением: *ангуштари зар, пайкари мум, тири оҳан, чоми нуқра* (**золотое кольцо, восковая фигура, железная стрела, серебряный кубок**).

- сравнительный изафет, который происходит за счет удаления частицы сравнения между сравниваемым и сравнивающим, причем такой изафет наподобие описательного изафета всегда идет в значении предлога «аз» (**из**), например, *оинаи дил, булбули замон, хонаи тан* (**зеркало сердца, соловей времени, дом тела**).

- абсолютный изафет, и в этом виде изафета определением является не описание определяемого и его сравнение, в большинстве случаев оно выражает значение предлога «барои» (**для**), как, например, *асби Баҳром, теғи Рустам, пили подшоҳ* (**конь Бахрама, меч Рустама, слон царя**). А иногда он имеет значение предлога «дар» (**в**): *шаҳиди Карбало* (**мученик Кербелы**).

- метафорический изафет, который происходит переносным образом с целью выражения сравнивающего и сравниваемого и этот

изафет всегда идет в значении предлога «барои» (для): *теғи ачал* (меч смерти), *забони ҳол* (язык состояния).

Вторая часть – состав прилагательного словосочетания, состоящая из описуемого и прилагательного. Как подчеркивал Резакулихан Хидаят, любое существительное, которое описывается каким-либо прилагательным, называется описуемым, а слово, на которое указывает описание, называется прилагательным. Следует, чтобы описуемое предшествовало прилагательному, и его последняя буква была огласована кясрой, при условии, что его прилагательное стоит в единственном числе или эта буква не «alif», «wāw»-мадд, скрытная «hā» и «uā» в определенном состоянии. В таком случае ту кясру называют кясрой прилагательного, и прилагательное всегда является неизвестным, в отличие от описуемого, которое иногда является неизвестным, а иногда – в определенном состоянии, поэтому там, где описуемое является неизвестным, прилагательное дает его особое определение: *аспи даванда*, *пили мурда* (бегущая лошадь, мертвый слон). В случае, если описуемое находится в определенном состоянии, то прилагательное дает его объяснение: *Бахроми шархӯй*, *Рустами чангчӯй* (Бахром плохохарактерный, Рустам воинственный). Прилагательное описуемого в определенном состоянии иногда используется для абстрактного восхваления: *Эзиди бечун* (Всемогущий Господь), а иногда – только для дополнения: *Иблиси гумроҳ* (заблудший дьявол). Иногда именно для выражения жалости: *Фарҳоди ғамгин* (печальный Фархад). Из-за уважения иногда описуемое в знак особых качеств удаляется, как в этом изречении Саади: *Ба номи чаҳондори чонофарин* (Во имя владыки мира и творца жизни), то есть *ба номи Худои чаҳондори чонофарин* (во имя Бога, владыки мира и творца жизни). А иногда прилагательное приводится вместо местоимения второго лица определения: *зоти гиромӣ*, *номи номӣ* (почетное происхождение, известное имя), в некоторых местах по необходимости между описуемым и прилагательным вставляется пробел,

как в этом изречении Саади: *Яке теғ зад тез бар гарданаиш* (**кто-то ножом ударил в его шею**), а в некоторых местах прилагательное приводится несколько раз, а описуемое – один раз:

*Худованди бахиандаи дастгир,
Ҳакими хатобахиши нӯзишпазир.
Всепрощающий поддерживающий Всевышний,
Мудрый, прошающий ошибки и принимающий прощение.*

Также Резакулихан Хидаят в своем анализе этой части говорит: «Каждое прилагательное, которое по правилу написания приходит за описуемым, называется равным прилагательным, а прилагательное, которое по требованию стиха употребляется поэтами перед описуемым, называется перевернутым прилагательным: *талхоб, хушкруд, некмард* (**горькая вода, высохшая река, хороший человек**). И любое прилагательное, указывающее на состояние описуемого, как в примере *садр* (**глава**), называется прилагательным состояния описуемого, и любое прилагательное, указывающее на состояние описуемого в качестве его атрибута, например, *зани хубру, марди дарозгесу* (**красивая женщина, мужчина с длинными волосами**), его называют прилагательным состояния, относящегося к описуемому, и такое прилагательное всегда должно стоять перед настоящим прилагательным» [1, 75].

В некоторых случаях прилагательное выражает предложение, то есть повествовательное предложение, в котором инфинитив приходит с пояснительным «kāf» и содержит местоимение, возвращающееся к местоимению. При этом последняя буква описуемого остается неизменной.

*Дил, ки тумори бало буд мани маҳзунро,
Пора карданд надониста бутон мазмунро.
Сердце, которое было талисманом для меня, печального,
Разорвали на части, не зная идоли содержания.*

Осифи

Прилагательное не является личным местоимением, кроме как предложением, за исключением прилагательного слова «ман» (**я**), которое иногда бывает в единственном числе, как в упомянутом стихотворении, а притяжательное местоимение никогда не становится описуемым.

Там, где последней буквой описуемого является «alif» или «wāw»-мадд, то в его конце добавляют «uā» с кясрой, как: *болобаланд, хўйи дилписанд* (**высокий рост, приятный характер**). А если последней буквой описуемого является скрытное «hā» или известное «uā», то после него добавляют «хамзу», как: *синаи бекина, дўстии дерина* (**незлопамятное сердце, давняя дружба**) и такое «uā» и «хамзу» называют «uā» личного местоимения первого лица кясры прилагательного, а «хамзу» – личным местоимением первого лица кясры прилагательного.

Третья часть – имя числительное, состоящий из двух существительных типа *ёздах, дувоздах, сездах* (**одиннадцать, двенадцать, тринадцать**).

Четвертая часть – числительная конструкция, состоящая из двух или более слов, сначала то слово кажется отдельным, например, *офтоб, Бағдод, шамшер, гиребон, ёздах, дувоздах* (**солнце, Багдад, меч, ошейник, одиннадцать, двенадцать**). К такому виду конструкции также относятся и другие, такие как: *чаҳонгир, шоҳичаҳон, олигуҳар* (**завоеватель мира, царь мира, жемчужина высокой пробы**), а также слова, состоящие из существительного и существительного, существительного и глагола, существительного и частицы, глагола и частицы, частицы и частицы.

Tatmim (**завершение, окончание**), в объяснении *badal* (замены), *'atf* (союзы), *ta'kid* (усиление, акцент), *tamiyz* (конкретизирующее имя). В этой связи автор говорит следующее: «Знайте, что когда два слова соединяются в одном предложении, и второе слово в связи с чем-либо подчиняется первому, и если сама первоначальная цель заключается в той связи, с ним связанной, и первое упоминание приводится для восхваления второго упоминания, то в этом случае второе слово

называется *badal* (заменой), а первое слово – *tubadalminhu* (заменяемый им), а если первоначальная цель заключается в той связи первого слова, и упоминание второго предназначено именно для выражения толкования, то, в этом случае, второе слово называется *'atf* (союзом), а первое – *tubaiyn* (очевиднем). В любом случае, второе слово должно быть более популярным, чем первое, как в этой прозе: *омадед... (вы пришли...)*» [1, 76].

Автор разделяет *badal* (замену) в персидском языке на два вида: первый – полная замена, представляющая собой целый *tubadalminhu* (заменяемый им), то есть содержание и аргументация *tubadalminhu* и оба они являются в единственном числе, как было приведено в вышеуказанном примере. Другим видом является замена компонента и *tubadalminhu* (заменяемый им), например, слово *сарат* (**ТВОЯ ГОЛОВА**) в этом высказывании Саади:

Камар баста кардан кашон бар дарат,

Ту бар остони ибодат сарат.

Пояс завзяав, потянул в свою дверь,

Ты на пороге поклонения свою голову.

Ta'kid (усиление, акцент) состоит из слова, которое устанавливает и закрепляет в сознании слушающего свое предыдущее состояние с неким относительным повелительным наклонением, при этом усиление делится на две части:

1. Словесное усиление, возникающее в результате повторения слова, причем, его единичность и многосоставность являются равными:

Мебарад, мебарад, нигор нигор,

Аз кафам аз кафам, қарор қарор.

Уносить, уносить, возлюбленная возлюбленная,

Из моих рук, из моих рук, терпение, терпение.

А в некоторых местах повтор слова указывает на форму множественного числа существительного: *ҳар хокат кошин-кошин барг шукуфтӣ, бар сари ҳам рехта ва ҳар тараф чаман-чаман сози хураме ба*

ҳам омехта (на каждой пяди твоей земли изразцами распустились листья, падая друг на друга, и со всех сторон смешивалась радостная мелодия).

2. Смысловое усиление, которое образуется повторением значения через слово *худаиш* (он сам), или *ҳар ду* (оба), или *ҳама* (все), как в этом предложении: *Зайд худайш омад. Амру Бакр ҳар ду рафтанд. Ёрон ҳама бемор ҳастанд* (Зайд пришел сам. И Амр, и Бакр оба ушли. Друзья все больны).

Tamiuz (конкретизирующее имя) по мнению Резакулихана Хидаята, состоит из слова, устраняющего двусмысленность, и эта двусмысленность называется *титауз* (различающим) и в основном выражает название количества, или является одним из названий *меры* (для измерения жидких и сыпучих веществ), как слово *сир* (сир – мера измерения сыпучих веществ): *ду сир гандум* (два сира пшеницы). Или одно из названий площади, как слово *газ* (газ – мера для измерения дистанции): *се газ* (три газа). Или одно из названий весов, как слово *найза* (копье): *чаҳор найза об* (четыре копия воды). Или одно из названий весов, как слово *тула*: *панҷ тула* (пять тула). Или одно из названий чисел, например, слова *як, ду, се, чор, панҷ* (один, два, три, четыре, пять) и т.д.

Также автор подчеркивает, что суть различения состоит в том, что различающий идет вслед, как было приведено в вышеуказанных примерах. А иногда из-за необходимости рифмы стиха оно приводится до него:

*Шунидам, ки дар марзе аз Бохтар,
Бародар ду буданд аз як падар.
Я слышал, что на земле Бахтара
Было два брата от одного отца.*

Саади

Различение – это группа существительных, или группа прилагательных, или группа дополнительных букв, которые могут содержать в предложении одно слово или группу слов.

Tamiyz (конкретизирующее имя) в грамматике таджикского языка объясняет срок выполнения, продолжительность, повторение действия, количество предметов, расстояние и время, а в предложении оно подчинено глаголу, наречию, существительному и прилагательному [9, 149].

Следует подчеркнуть, что Резакулихан Хидаят провел такую классификацию предложений, исходя из грамматической системы арабского языка.

Таким образом, Резакулихан Хидаят уделил внимание объяснению и исследованию предложения и по смыслу он отнес предложение к двум типам: 1) повествовательное предложение, которое делится на именные и глагольные предложения; 2) сочинительное предложение, в содержании которого нет вероятности правдивости и лживости. Однако с учетом качества он разделил предложение на восемь типов: 1) начальное предложение, которое приходит в начале речи и не связано с другим словом; 2) отрезанное предложение, которое связано с другим словом, однако не принадлежит ему; 3) базовое предложение, в котором излагающий речь является неопределенным; 4) причинное предложение, в котором выражают изъяснительную функцию какой-либо речи; 5) соединенное предложение, которое обращено на предыдущее предложение; 6) акцидентальное предложение, вкреплённое между членами другого предложения, и не принадлежит ни одному из тех членов предложения, и при его сокращении или удалении смысл предложения не меняется; 7) исходное предложение; 8) обстоятельствоное предложение.

Как показывает анализ синтаксических объяснений словаря «*Anjumanārah-e Nāsirī*», его автор при классификации и группировке типов предложений не применял единого критерия и не проводил различия между простыми и сложными предложениями.

Следует отметить, что словарь «*Anjumanārah-e Nāsirī*» Резакулихана Хидаята – это произведение, в котором, с одной стороны, обобщены

старые традиции написания грамматики персидско-таджикского языка, с другой, с ним начался новый этап написания грамматики современного персидско-таджикского языка. В этом смысле данный толковый словарь считается последней грамматикой классического персидско-таджикского языка и первой грамматикой современного персидско-таджикского языка.

ГЛАВА III. СРАВНЕНИЕ КОМЕНТАРИЕВ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ВОПРОСОВ ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ «ANJUMANĀRĀ-E NĀSIRĪ» С «FARHANG-E JAHĀNGIRĪ»

3.1. Общие вопросы

В качестве одной из основных причин возникновения и составления толковых словарей на Индийском субконтиненте исследователи считают толкование и объяснение лексики и сложности в диванах поэтов. Потребность ученых и литераторов, а также распространение персидско-таджикской литературы на Индийском полуострове перенесли науку создания толковых словарей до дальних границ, в результате чего были составлены такие толковые словари, как: «Farhang-e Qavvās», «Farhang-e Jahāngirī», «Farhang-e Sururī», «Farhang-e Rashīdī», «Burhān-e qāṭi‘» и т.д. К сожалению, в большинстве этих толковых словарей многие поэтические композиции с целью объяснения слов помещены неправильно, что привело к их недостаткам и слабости. Следовательно, основной причиной слабости этих толковых словарей исследователи видят в подражательном аспекте и невнимательности авторов. Например, большинство исследователей придерживаются такого мнения, что словарь «Anjumanārā-e Nāsirī» является разновидностью «Farhang-e Jahāngirī». Разумеется, подражание и извлечение пользы можно увидеть во всех областях науки и искусства, однако они не должны доходить до предела плагиата.

Применительно к данному вопросу в нашем исследовании путем сравнения мы покажем общности и различия, структурные, форменные и содержательные сходства «Anjumanārā-e Nāsirī» с «Farhang-e Jahāngirī», который является наиболее полным и совершенным источником, использованным Резакулиханом Хидаятом, и вкратце объясним их.

«Farhang-e Jahāngirī» неоднократно изучался учеными, а его структура, значение и лексико-грамматические статьи были исследованы как отечественными, так и зарубежными учеными. Поэтому мы решили

уточнить общности и различия объяснения лингвистических вопросов толковых словарей «Anjumanāgā-e Nāsirī» и «Farhang-e Jahāngirī» и указать на несколько моментов. Большинство исследователей, ссылаясь на сходство структуры, формы и содержания этих двух толковых словарей, подчеркивают, что автор толкового словаря «Anjumanāgā-e Nāsirī» использовал опыт автора «Farhang-e Jahāngirī» в составлении своего толкового словаря, а в порядке расположения слов, в исследовании и объяснении правил и средств образования предложений и слов, а также по способу чтения и правописания персидско-таджикского языка он следовал Хусайни Инджу. В результате такого подражания все достоинства и недостатки, существовавшие ранее в «Farhang-e Jahāngirī», переместились в «Anjumanāgā-e Nāsirī». Однако эта точка зрения исследователей, большинство из которых являются иранцами, в действительности не очень точна, а является результатом того, что большее внимание уделяется сходству во внешнем виде и форме этих двух словарей, а не глубокому и всестороннему анализу и сравнению их содержания и контента.

В ходе изучения и рассмотрения введения к «Farhang-e Jahāngirī» выяснилось, что он не довольствовался использованием книг, словарей и диванов поэтов, и для сбора и толкования персидско-таджикского словаря он обращался к жителям городов и деревень, а за словами, связанными с охотой на животных, он обращался к толковому словарю «Şiḥāḥ-ul-furs» Хиндушаха Нахджавани. Например, он видит слово «خشين» (хашин) в словаре «Şiḥāḥ-ul-furs», что означает **светлый цвет**, ни белый, ни зеленый, ни красный. Сам он говорит: «Я обратился к словарям, относящимся к названиям книг, лекарств и болезней, я обратился к «Zakhirae Khārazmshāhi» и художественным подборкам, а также к словарям, принадлежавшим названиям поместий, областей, городов и сел, я обратился к «Naḥzatu-l-qulūb» Хамдуллы Муствафи Казвини и «‘Ajā’ibu-l-buldān» Якута Хамави и исправил многие слова, в исследовании которых авторы толковых словарей были бессильны. Для

большей части лексики, которую я не нашел ни в одном толковом словаре, я обратился к народу. Например, для лексики, найденной в «Ḥadīqa» дивана Хакима Санаи Газневи, я исследовал народ Газны и Кабула, а для того, что нашлось в диване Хакима Насира Хосрава и «Safarnāma», я расспрашивал и разыскивал у хорасанцев и бадахшанцев, и я подтвердил и зафиксировал их свидетельствами из бейтов риториков и поэтов» [123, 7-8].

Также автор словаря «Nizām» по этому поводу говорил: «Составление толковых словарей изначально было предназначено для выражения живых слов одной области для жителей другой области, и Абухафс Согди составил словарь туранских слов для жителей Хорасана, однако с течением времени составители толковых словарей посчитали слова толковых словарей мертвыми и полностью отделенными от живого языка, и они только рассказывали друг другу и никогда не проверяли их живым языком. В результате в те слова проникло множество искажений и переделок. Первым человеком, который попытался и проявил старание проверить слова толкового словаря живым и провинциальным языком, был автор «Farhang-e Jahāngirī»...» [123, 18]. Это описание, данное автором толкового словаря «Nizām» в отношении «Farhang-e Jahāngirī», показывает, что Хусейн Инджу усердно работал над своим сочинением, обеспечив его достоверность. Следовательно, большинство более поздних лексикографов обратились к нему как к надежному источнику.

По мнению некоторых ученых, Хусайни Инджу должен был принять подход, который позволил бы каждому легко использовать толковый словарь, и этот принятый им подход считался серьезным недостатком его толкового словаря. Например, для объяснения слова «رخش» (рахш) следует просмотреть главу «ḥā» и раздел «rā», а для слова «نخ» (нах) следует просмотреть главу «ḥā» и раздел «nūn». Автор «Farhang-e Nizām» по этому поводу пишет: «Джахангири, являющаяся лучшим поэтическим толковым словарем, имеет худший порядок, вторая

буква помещена в главе, а первая буква – в разделе». Например, слова «دار» (дор) и «باد» (бод) приводятся в главе «alif», первое приводится в разделе «dāl», а второе – в разделе «bā». В заключении, которое составляет большую часть книги, вместо «боб» (**глава**) он приводит «дар» (**дверь**), а вместо «фасл» (**раздел**) приводит «чилва» (**блеск**). Таким образом, нанесен сильный ущерб «Farhang-e Jahāngirī», в которой не приводится место употребления, а вместо него больше используется Рашиди, порядок которого является относительно лучшим» [123, 15].

При сравнении «Anjumanārā-e Nāsirī» с «Farhang-e Jahāngirī» первое, что осознается четким образом, – это сходство структуры этих двух толковых словарей. Текст «Farhang-e Jahāngirī» разделен на двадцать четыре главы. Эти двадцать четыре главы считаются основными лексическими статьями толкового словаря и разделены на основе двадцати четырех персидско-таджикских букв на основе арабского алфавита. Автор толкового словаря «Anjumanārā-e Nāsirī» также последовал этому методу и разделил свой толковый словарь на двадцать четыре собрания. Однако необходимо подчеркнуть, что такое деление не является уникальным для словарей Хусайни Инджу и Резакулихана Хидаята, а использовалось во всех средневековых толковых словарях персидско-таджикского языка. В целом все авторы прежних толковых словарей из двадцати восьми букв арабского алфавита исключили восемь труднопроизносимых букв «ق، ع، ظ، ط، ض» (qāf, ʿayn, ḏāl, ṭā, ṣād), характерных для арабского языка, и добавили четыре буквы «گ، ژ، چ، پ» (pe, ṣe, ḡe, gāf), характерные для персидско-таджикского языка.

Как показывает сравнение, толковые словари «Anjumanārā-e Nāsirī» и «Farhang-e Jahāngirī» также схожи по структуре введения, т.е. по грамматическому толкованию и объяснению, и наша главная цель – показать сходства и различия между этими двумя толковыми словарями. «Farhang-e Jahāngirī» и словарь «Anjumanārā-e Nāsirī» относятся к группе

толковых словарей, авторы которой, помимо основной части, т.е. лексического объяснения слов, дают лексико-грамматическое объяснение в нескольких пунктах (главах), которые связаны с основами обучения языку. По мнению Абу Насра Фараби, эти типы толковых словарей полностью охватывают науку о языке. Абу Наср Фараби в определении науки о языке говорит: «Наука о языке состоит в основном из двух частей: первая заключается в охвате слов, имеющих значение для определенной нации, и познании пределов значения тех слов. Другая часть – это познание законов этих слов» [88, 17].

Фактически, такие толковые словари, как «‘Ādāt-ul-fuḍalā» (1419 г.), «Šarafnāma-e Munyārī» (1466 г.), «Farhang-e Jahāngirī» (1608 г.), «Burhān-e qāṭī‘» (1652 г.), «Farhang-e Rashīdī» (1654 г.), «Haft qulzum» (1814 г.), «Anjumanārā-e Nāsirī» (1871 г.) относятся к числу толковых словарей, охватывающих эти две части науки о языке. Эта группа толковых словарей имеет учебную сущность и играла очень важную роль в знании языка и языковедении народа, выполняя эту задачу по сей день.

Грамматические разделы толкового словаря «Farhang-e Jahāngirī» и толкового словаря «Anjumanārā-e Nāsirī» состоят из 12 частей, при этом грамматическое толкование «Farhang-e Jahāngirī» охватывает 12 *āyin* (частей) и толковый словарь «Anjumanārā-e Nāsirī» – 12 *ārāiš* (частей). Однако, с точки зрения содержания, между разделами «Farhang-e Jahāngirī» и разделами «Anjumanārā-e Nāsirī» прослеживаются некоторые различия.

Важным отличием, свидетельствующим о превосходстве толкового словаря «Anjumanārā-e Nāsirī» над «Farhang-e Jahāngirī», является общее количество слов и фраз, упорядоченных и интерпретированных в каждом из этих толковых словарей. В толковом словаре «Anjumanārā-e Nāsirī» помещено и интерпретировано более 16 тыс. слов и фраз с соблюдением порядка букв алфавита, однако общее количество слов и фраз в «Farhang-e Jahāngirī» составляет 6950 единиц. Другими словами,

«Anjumanārā-e Nāsirī» содержит почти в два с половиной раза больше слов и словосочетаний, чем «Farhang-e Jahāngirī».

Независимо от этого, толковый словарь «Farhang-e Jahāngirī» считался настольной книгой Резакулихана Хидаята и в основной части «Anjumanārā-e Nāsirī» большинство слов и фраз «Farhang-e Jahāngirī» приведены буквально и без изменений, что, по мнению ученых, считается большим недостатком в толковом словаре «Anjumanārā-e Nāsirī». Как показывают результаты исследования, ошибки и погрешности в «Farhang-e Jahāngirī» по сравнению с толковым словарем «Burhān-e qāṭi'» прослеживаются в меньшем количестве, и причина большего обращения Резакулихан Хидаята к «Farhang-e Jahāngirī» кроется именно в этом.

3.2. Общности и различия в разделе фонетических толкований

Как уже говорилось, введение к «Farhang-e Jahāngirī» состоит из 12 лексико-грамматических статей, освещающих общелингвистические вопросы. Как отмечает таджикский исследователь Х. Рауфов в своем исследовании, автор «Farhang-e Jahāngirī» в толковании грамматических правил не является единственным лицом, эти вопросы наблюдаются в «Al-Mu'jam» Шамси Кайса Рази, «Šarafnāma-e Muniyārī», «Mu'ayyad-ul-fuḍalā», «Madār-ul-afāḍil» и далее в «Burhān-e qāṭi'», «Farhang-e Rashīdī», «Haft qulzum», «Maṭla'-ul-'ulūm», «Maṭla'-ul-funūn» и т.д.

По поводу фонетических явлений автор «Farhang-e Jahāngirī», рассказывая о персидско-таджикском алфавите на основе арабского языка и смене звуков в третьей, пятой и шестой статьях толкового словаря, говорит: «Знай, что арабские ученые заложили здание наук на двадцати восьми буквах и разделили его на три части: первую часть они называют закрытой, и закрытая часть состоит из двух букв, а это – двенадцать букв: «bā», «tā», «ṭā», «ḥā», «ḥā», «rā», «zā», «ṭā», «zā», «fā»,

«hā» «yā»; вторую часть называют произносимой, и произносимая часть состоит из трёх букв, последняя из которых не является буквой из первой части, и это тринадцать букв: «alif», «ġim», «dāl», «dāl», «sin», «šin», «šād», «dād», «‘aun», «ġaun», «qāf», «kāf», «lām»; третью часть называют пишущей, и пишущая часть состоит из трех букв, последняя из которых является из первой части, и это три буквы: «mim», «nūn», «wāw» аст» [123, 24].

Также автор посчитал количество букв в персидско-таджикском алфавите – 24 единицы, и учёные из 28 арабских букв исключили 8 труднопроизносимых букв «ث، ح، ص، ض، ط، ظ، ع، ق» (tā, ḥā, ṣad, ḍad, ṭā, zā, ‘aun, qāf), добавив четыре буквы «پ، چ، ژ، گ» (pe, če, že, gāf), характерные для персидско-таджикского языка. Как пишет Маулана Шарафуддин Али Язди:

*Ҳашт ҳарф аст он ки андар порсӣ н-ояд ҳама,
То наёмӯзӣ, набоиӣ андар ин маънӣ маъоф.
Бишинав аз ман то кадом аст он ҳуруфу ёд гир,
«со»-ву «ҳо»-ву «сод»-у «зод»-у «то»-ву «зо»-ву «ъайн»-у «қоф».
Есть восемь букв, которые не имеются в персидском языке.
Пока не научишь, ое не освободишься от этого значения.
Послушай меня и узнай, какие они буквы и учи их.
«tā» и «hā» и «šād» и «šād» и «ṭā» и «zā» и «‘aun» и «qāf».*

Также автор «Farhang-e Jahāngirī» о разнице между «dāl» и «dāl» приводит стихотворение Ходжи Насируддина Туси:

*Онон, ки ба порсӣ сухан меронанд,
Дар маърази «dāl» «dāl»-ро бинионанд.
Моқабли вай ар сокин ҷуз вай бувад,
«Dāl» аст в-арна «dāl»-и муъҷам хонанд.
Те, кто говорит по-персидски,
На месте «dāl» располагают «dāl».
Перед ним если стоит сакин, кроме него,
Это «dāl», а то будут называть «dāl» с точкой.*

А также от Ибн Ямина:

Таъйиди «dāl»-у «dāl», ки дар муфраде фитад,

Зи алфози форсӣ бишнаваз он ки мубҳам аст.

Ҳарфи саҳеҳ сокин агар пеш аз ӯ бувад,

«Dāl» асту ҳар чи ҳаст ҷуз ин «dāl»-и муъҷам аст

Подтверждение «dāl» и «dāl», если окажется

в каком-либо слове,

Послушай, из персидских слов, что является неоднозначным.

Если перед ним правильная буква,

Есть «dāl», и всё, что есть, кроме этого, является «dāl» с точкой.

Буквальное использование этих точек можно увидеть не только в толковом словаре «Anjumanārgā-e Nāsirī», однако мнения большинства ученых относительно количества букв алфавита и различия между «dāl» и «dāl» являются одинаковыми.

Следует подчеркнуть, что до «Farhang-e Jahāngirī» эта тема упоминалась в учебном пособии Ходжа Хасана Нисари «Chahār gulzār» очень просто, ясно и обширно, как: «Знай, что названия букв алфавита ученые Аджамы разделили на три части: первая – закрытая, вторая – произносимая, третья – пишущая. Закрытая часть заключается в том, что она пишется двумя буквами, и она состоит из двенадцати названий: «bā», «tā», «tā», «ḥā», «ḥā», «rā», «zā», «ṭā», «zā», «fā», «hā» «yā». Эти двенадцать названий не раскрываются произношением, однако в каждом из этих названий вместо «alif» произносится неизвестное «yā», такие как: «be», «te», «ṭe» и т.д. И если бы произносилось известное «yā», ошибка никогда не пришла бы на ум, поэтому, поскольку «alif» и «yā» этих названий при произношении являются закрытыми, с этой точки зрения их называли закрытыми... Произносимой частью называют то, что состоит из трех букв, и ее конец не произносится как первая часть, и она охватывает тринадцать букв: «alif», «gim», «dāl», «dāl», «sin», «šin», «šād», «dād», «‘aun», «gaun», «qāf», «kāf», «lām». Пишущей частью называют то,

что пишется тремя буквами, и ее конец является как первая часть, и она состоит из трех букв: «mīm», «nūn», wāw»... И каждый раз я складывал закрытые буквы, насчитывающие двенадцать букв, и произносимые – тринадцать, и пишущие – три, получилось двадцать восемь букв. Из их числа имеются восемь букв, не употребляющихся в персидском языке и характерных для арабского языка.

Остаются двадцать букв, употребляемых в обоих языках, а также четыре другие буквы: «گ، ژ، چ، پ» (pe, ĉe, že, gāf), которые являются характерными для персидского слова и в арабском языке не используются, стих:

*Ҳарфи махсуси порсӣ бар чор,
«Пе»-ву «че»-ву «же»-ву «гоф», эй мутор.
Дар каломи араб ба ғайри бадал,
Нашавад ҳеҷ гоҳ мустаъмал.
Особенные персидские буквы – их четыре,
«Ре» и «ќе» и «же» и «gāf».
В арабской речи, разве что заменой,
Они никогда не используются.*

В таком случае арабская речь состоит из двадцати восьми букв, а персидский язык – из двадцати четырех букв» [33, 12].

В пятой статье «Farhang-e Jahāngirī», в которой упоминается разница между буквами и знаком каждой буквы, автор называет буквы без точек их названиями, буквы с точками – *manqūta* (с точкой), «tā» – верхней, «yā» – нижней, и четыре специальные буквы персидского языка – аджамскими, «wāw» в «خود» (худ) и «سود» (суд), «yā» в «نیل» (нил), «پیل» (пил) и «زنجیل» (занчабил), а известный «wāw» и известный «yā» в «روز» (рӯз), «سوز» (сӯз) и «yā» в «سیر» (сер) «دیر» (дер) и «پیر» (парер) назвал неизвестными «wāw» и «yā». Также «wāw», который в некоторых словах пишется, но не читается, например, «خواجه» (*x(v)оҷа*), «خوارزم» (*X(v)оразм*), «خواب» (*x(v)об*) и т.д, он назвал выровненным «wāw». В

этом случае Резакулихан Хидаят также называет буквы алфавита с точками и отличающимися или без точек, с верхними, нижними, тройными точками, «حَا» (ḥā) без точки – *ḥuttī*, круглое «ها» (hā) – *havvaz*, «با، جيم، زا، كاف» (bā, ġim, zā, kāf,) – арабскими, «پ، چ، ژ، گ» (pe, ĉe, že, gāf) – персидскими. С этой точки зрения можно сказать, что в этой части разница между этими двумя толковыми словарями становится очевидной только в том, что автор «*Farhang-e Jahāngirī*» не указывает на огласовки фатхи, кясры и даммы, выражающие краткие гласные, знак ударения – две одинаковые согласные, и знак сакин, выражающий закрытие слога в современном таджикском языке.

В «*Farhang-e Jahāngirī*» включены фонетические явления, в частности, вопрос изменения звуков в порядке букв алфавита. Этот момент излагается в шестой статье толкового словаря.

Изменение «alif» на две буквы: во-первых, на «dāl»: «با این – بدین» (бо ин – бад-ин) – **этим**, «با ان – بدان» (бо он – бад-он) – **тем**; во-вторых, на «uā»: «اکدش - یکدش» (акдаш – якдаш), «ارمغان - یرمغان» (армуғон – ярмуғон) – **подарок, сувенир**. Изменение «bā» на две буквы: во-первых, на «wāw»: «تاب - تاو» (тоб – тов) – **добыча**, «آب - آو» (об – ов) – **вода**, «آسیب - آسیاو» (осиёб – осиев) – **мельница**, «بزرگ - وزرگ» (бузург – вузург) – **великий**, «بس - وس» (бас – вас) – **хватит**, во-вторых, на «mim»: «غژب - غژم» (ғужб – ғужм) – **виноградина**. Изменение персидской буквы «bā», т.е. изменение звука «pe» на «fā»: «سفيد - سفید» (сапед – сафед) – **белый**, «پارسی - فارسی» (порсй – форсй) – **персидский**. Преобразование «tā» в «dāl»: «تنبیره - دمیره» (танбура – думбура) – **танбур**, «دستاس-دسداس» (дастос – дасдос) – **ручная мельница**. Преобразование «ġim» в четыре буквы: во-первых, в «zā»: «رجه - رزه» (рача – раза) – **раджа**, во-вторых, в персидскую букву «že» (ж): «گچ - گژ» (гач – гаж) – **гипс**, «لجن - لژن» (лачан – лажан) – **комната**, «هژیر - هژیر» (ҳачир – ҳажир) – **зной**, «باج - باژ» (боч – бож) – **пошлина**, в-третьих, в персидскую букву «gāf» (г): «آخشیج - آخشیگ» (охшич – охшиг) –

противодействующий; противоположный), в-четвертых, в «tā» с верхними точками: «تاراج - تارات» (тороҷ – торот) – **ограбление**. Преобразование персидской буквы «čim» (ч) в две буквы: во-первых, в «šim»: «لخچه - لخشه» (лахча – лахша) – **тлеющий уголь**, «کاجی - کاشی» (кочй – кошй) – **каша из кукурузной муки**, во-вторых, в персидскую букву «že» (ж): «کاج-کاژ» (коҷ – кож) – **ель**. Преобразование «hā» в две буквы: во-первых, в «hā»: «خچیر - خچیر» (хачир – ҳачир) – **мул**, во-вторых, в «gaun»: «ستیح - ستیح» (ситех – ситеғ) – **вершина горы**. Преобразование «dāl» в две буквы: во-первых, в «tā» с верхней точкой: «درّاج - ترّاج» (дурроҷ – турроҷ) – **фазан**, «گفتید - گفتیت» (гуфтед – гуфтет) – **вы сказали**, «کریدید - کرتیت» (кардед – картет) – **вы сделали**, «زردشت - زردشت» (зардушт – зартушт) – **зороастриец**, во-вторых, в «dāl» с точкой: «آدر - آدر» (одар – озар), «آدیش - آدیش» (одиш – озиш). Преобразование «gā» на «lām»: «سور - سول» (сур – сул) – **пиршество**, «کاجار - کاجار» (кочор – кочол) – **домашний скарб**. Преобразование «zā» с точкой в четыре буквы: во-первых, в «gim»: «سوز - سوج» (сӯз – сӯҷ) – **горение**, «پوزیش - پوزیش» (пӯзиш – пӯчиш) – **просьба о прощении**, «آویز - آویج» (овез – овеч) – **битва**, во-вторых, в персидскую букву «čim» (ч): «پزشک - پیشک» (пизишк – пичишк) – **доктор**, в-третьих, в «gaun»: «گرز - گرغ» (гурз – гурғ) – **палица**, в-четвёртых, в «sin»: «ایاز - ایاس» (аёз – аёс), «انگیز - انگیس» (ангез – ангес). Преобразование «sin» в две буквы: во-первых, в «šim»: «مانس - مانش» (монус – монуш), во-вторых, в «hā»: «آماس - آماه» (омос – омоҳ) – **опухоль**. Преобразование «šim» в «sin»: «شار - سار» (шор – сор) – **город**, «شارک - سارک» (шорак – сорак) – **скворец**. Преобразование «gaun» в персидскую букву «gāf» (г): «لغام - لگام» (лағом – лагом), «غچی - گچی» (ғучй – гучй). Преобразование «fā» в «wāw»: «فام - وام» (фом – вом). Преобразование «kāf» в две буквы: во-первых, в «hā»: «شاماچه - شاماکچه» (шомокча – шомохча), во-вторых, в «gaun»: «غزگاو - گزگاو» (гажгов – ғажгов). Преобразование персидской буквы «gāf» (г) в «gaun»: «گلوله - غلوله» (гулӯла – ғулӯла) – **ядро пушечное**, «گاو - غاو» (гов – ғов) – **корова**. Преобразование «lām» в «gā»: «زلو - زرو» (зулу – зуру). Преобразование «nūn» в «tim»: «بان

بام ->» (бон – бом). Преобразование «wāw» в три буквы: во-первых, в «bā»: «نویشته - نییشته» (навишта – набишта) – **написанное**, во-вторых, в персидскую букву «ре» (п): «وام - پام» (вом – пом) – **долг**, в-третьих, в «fā»: «یاوه - یافه» (ёва – ёфа) – **чепуха, бессмыслица**. Преобразование «hā» в «ḥā»: «هیز - خیز» (хез – хез) – **гемафродит, импотент** [123, 24].

Также в одиннадцатой статье толкового словаря имеются пояснения и интерпретации по удалению и ассимиляции звуков. В случае слов, родственных друг другу или близких по месту артикуляции, с точки зрения автора, в них следует удалить или ассимилировать последнюю букву первого слова, например, чтобы сочетать слово «ним» со словом «ман» (я) («ман» здесь выражает меру веса) следует или удалить, или ассимилировать один «mīm», например, *нимман* или *ниман* (**половина меня**). Из слов *шарманда*, *ғаманда* (**позорно, печально**)), оригиналами которых являются *шармманда*, *ғамманда*, удаляется один «mīm». Или в слове *пахно* (**широкий**), оригиналом которого является *пахнно*, из-за близости букв в месте артикуляции удалена буква «pūp». А иногда буквы ассимилируются из-за близости их места артикуляции, например, *шабоз* от *шаббоз*, *шапарда* от *шабпарда*, *батар* от *бадтар*, *зутар* от *зудтар*, *ованд* от *обванд* (**играющий в ночи, ночной занавес, хуже, быстрее, сосуд**). Также в этом разделе он упомянул ряд звуков, не раскрывающихся в произношении, таких как слово *дум* от *дунб*, *хум* от *хунб*, *хумра* от *хунбура*, *сум* от *сунб* (**хвост, бочка, кувшин, копыто**) [123, 26].

Фонетические явления, точнее, смена звуков персидско-таджикского алфавита на основе арабского языка, нашли свое объяснение и интерпретацию как в толковом словаре «Farhang-e Jahāngirī», так и в толковом словаре «Anjumanāgā-e Nāsirī», однако общность и различие между этими двумя толковыми словарями можно увидеть в том, что автор «Farhang-e Jahāngirī» довольствовался лишь некоторыми примерами, однако автор «Anjumanāgā-e Nāsirī», помимо того, что упоминает преобразование звуков с примерами, он также

полностью объясняет и интерпретирует рифму, значение и огласовки слов. Кроме того, при сравнении этих двух толковых словарей в разделе фонетики выяснилось, что Резакулихан Хидаят совершенно отличается от автора «Farhang-e Jahāngirī» в приведении свидетельств-примеров, а при объяснении фонетических вопросов он показал также грамматические функции некоторых букв. Поэтому можно сказать, что в этой части автор «Anjumanārā-e Nāsirī» получил пользу от «Farhang-e Jahāngirī», однако прослеживается очень много отличий.

3.3. Общности и различия в разделе лексических толкований

«Farhang-e Jahāngirī», являющийся наиболее совершенным источником, которым пользовался Резакулихан Хидаят, использовал традицию подробного объяснения фонетической формы слов. В основной части «Farhang-e Jahāngirī», состоящей из лексических единиц, их пояснения даются способом выражения огласовок и названий букв. В связи с этой частью толкового словаря таджикский исследователь Х. Рауфов провел обширное исследование, считающееся основным источником нашей работы. Поэтому, сравнивая объяснение лексических единиц толкового словаря «Anjumanārā-e Nāsirī» с толковым словарем «Farhang-e Jahāngirī», мы выделяем слова, упоминающиеся в третьей и четвертой статьях толкового словаря «Anjumanārā-e Nāsirī», в которых допущены ошибки и погрешности в «Farhang-e Jahāngirī» и «Burhān-e qāṭī». В третьей статье толкового словаря «Anjumanārā-e Nāsirī» Резакулихан Хидаят говорит: «Человеку справедливому ясно, что ошибки и погрешности являются из числа особенностей рода человеческого. Целью их фиксации и доказательства не является обесценивание и порицание авторов предыдущих книг, а является исследование персидских слов» [1, 11]. В этой части автор объясняет некоторые слова, в которых авторы «Farhang-e Jahāngirī» и «Burhān-e

qāṭī‘» допустили ошибки. Например, в «Farhang-e Jahāngirī» написано, что слово «هن» (хан) пишется с фатхой над первой буквой, и автор толкового словаря в качестве примера приводит бейт из стихов Абуабдуллоха Рудаки:

*Гар ҳама неъмат якрӯз ба мо бахшад,
Наниҳад минат бар мову пазирад **хан** [123, 1913].
Если все блага в один день нам отдаст,
Он не напомним об оказанном благодеянии нам, и примет **han**.*

Резакулихан Хидаят считает это слово ошибочным и говорит: «В этом словаре прослеживаются три ошибки: первая – в том, что это не «هن» (хан) стихотворение, «من» (мин), во-вторых, этот стих не принадлежит Рудаки, а его автором является Фаррухи, и, в-третьих, это слово не персидское, а арабское», и этот момент также упоминается во втором разделе второй главы:

*Гар ҳама неъмат якрӯз ба мо бахшад,
Наниҳад минат бар мову пазирад **мин** [123, 1913].
Если все блага в один день нам отдаст,
Он не напомним об оказанном благодеянии нам, и примет **min**.*

Другое слово – «اسبغول» (исбағул), которое, согласно Резакулихану Хидаяту, означает **конское ухо**, потому что «غول» (ғул) означает **ухо**, и оно на персидском языке называется «اسپرزه» (испарза), а на арабском языке говорят «بزر قطونا» (базирқутуно). В словаре «Burhān-e qāṭī‘» оно означает **шпшиш (вошь)**. Автор «Farhang-e Jahāngirī» назвал его «اسبغول» (аспхул) и оно означает «پنجبال» (панҷбол) – **краб**. Но в других словарях **панҷбол** считается **курицей** и **комаром**, а не животным. Также Хиндушах Нахджавани и Хафиз Убахи это слово в бейте Хакима Бахрами рассматривали в значении «بزر قطونا» (базирқутуно).

*Ба ҳеч наёрам ба хона кард мақом,
Чаро ки хона пур аз испағули чонвар аст.
Ни к чему я не приведу домой, пошел на уловку,
Потому что в доме полно животных вшей.*

Рашиди Таттави также рассматривает слово «اسپغول» (аспхӯл) в значении **вошь**, и, считая высказывания Хиндушаха Нахджавани и Хафиза Убахи правильными, говорит: «Хиндушах Нахджавани и Хафиз Убахи считали слово «اسپغول» (аспхӯл) в значении «بزرقتونا» (базирқутуно) и намекали на **вошь**, и это значение является правильным, а «اسپغول» (аспхӯл) не встречается ни в одном толковом словаре и не приходит в значении **краба**, ибо если в доме полно кур – это не препятствует положению хозяина дома, а если в нем полно вшей, то это является источником затруднений». Третья и четвертая статьи толкового словаря «Anjumanārā-e Nāsirī» посвящены толкованию таких слов, о которых говорилось выше. Основной принцип подробного толкования слов в «Farhang-e Jahāngirī» выражается в том, что автор объяснил и интерпретировал метод детального объяснения слов с учетом особенностей, характерных для предметов, событий и явлений. Как говорит автор во введении в толковый словарь, при толковании слов, означающих вещи, принадлежащие миру флоры и фауны, орудия труда, предметы быта и бытовые инструменты, декоративные предметы и т.д., они объяснены по их особенностям. Кроме того, объяснения и толкования грамматических слов и словосочетаний показаны через синонимы, слова со схожими корнями и схожими значениями и их подробное фонетическое пояснение. Также автор толкового словаря в значении некоторых слов, в связи с неизвестностью их корня, обращался к простонародному языку, и Резакулихан Хидаят не является исключением из этого недостатка. Метод детальной интерпретации слов в «Farhang-e Jahāngirī» показывает, что автор в своей работе использовал как подход предшествовавших лексикографов, так и свой особый подход. Этот метод автора толкового словаря был продолжен и Резакулиханом Хидаятом, с той лишь разницей, что используемые им термины в основном были персидско-таджикские, а термины «Farhang-e Jahāngirī» имеют арабские корни, например, в «Farhang-e Jahāngirī», кроме терминов, использованных при объяснении грамматических

вопросов, применяются слова *āīn, bāb, faṣl, jilva* (**ритуал, глава, раздел, блеск**) и т.д. Термины, используемые автором «Anjumanārā-e Nāsirī», такие как: *farhang, luḡat, anjuman, ārāiš, nigāriš, perāiš, dāniš, biniš, guftor, dastur, āīn, guftār, fāīda* (**собрание, украшение, писание, украшение, знание, видение, речь, грамматика**) и т.д. имеют персидско-таджикские корни и считаются надежным источником, показывающим высокую научную ценность персидско-таджикского языка.

3.4. Общности и различия в разделе морфологических толкований

Уместно отметить, что изложение морфологических вопросов в «Farhang-e Jahāngirī» является более обширным, чем изложение других лингвистических вопросов. В 7-й, 8-й, 9-й и 10-й статьях толкового словаря автор дает объяснение и толкование некоторым словообразовательным элементам, категориям множественного числа существительных, местоимениям и глагольным окончаниям, склонениям глаголов, что и сегодня обладает большой ценностью. Разумеется, эти объяснения и толкования, приведенные в толковом словаре «Anjumanārā-e Nāsirī», не являются чем-то новым (новой идеей), поскольку эти объяснения можно увидеть в предшествовавших грамматических учебных и толковых словарях, особенно в «Farhang-e Jahāngirī». Например, Хусайни Инджу говорит о некоторых отдельных буквах, выражающих в начале, середине и конце слов разное значение, в частности, обучающие функции буквы «alif» он объяснял так: «alif», который, если стоит в начале слов, является исходным и связным. Исходное «alif» состоит из двух частей: во-первых, этот «alif» никак нельзя удалить, как *алфанч ва алфағда* (**накопленный, собранный**), которые после удаления «alif» становятся *лафанч, лафғанда* и не могут выражать какое-либо значение. Во-вторых, если удалить «alif», то значение останется прежним, например, *устух(в)он* (**кость**) и *афтон* (**падая**), которые после удаления «alif» станут *стух(в)он* и *фтон*.

Связный «alif» – это суффикс, который при добавлении к словам, начинающимся без «alif», значение не меняет, например, *бо – або, бар – абар, бе – абе*. Другая функция «alif», стоящей между словами, бывает пяти видов:

1. «Alif» перед последней буквой глагола, предназначен для получения значения доброго благословения и проклинания:

*Илоҳӣ душманат ҷое бимирод,
Ки ҳеҷаш дӯст бар болии набошад.
Боже, пусть твой враг умрет в таком месте,
Где ни одного друга у него нет у изголовья.*

Саади

2. «Alif», стоящий в начале глагола и выражающий значение «би», например, *кунод*, что означает *бикунад (сделает)*, *миром*, что означает *бимирам (я помру)*. А еще в слова *шавод (он станет)* и *бувод (он будет)* для получения значения благословения добавлен «alif». В таком случае, чтобы облегчить произношение, из слова *бувод* убирается «wāw», и «bā» огласовывается фатхой, в результате чего получается *бод*. Этот момент дословно приведен и Резакулиханом Хидаятом.

3. Другим типом этой буквы является добавочный «alif», который добавляется для изящества речи или из-за необходимости размера стихотворения, например, *сабуксор* от *сабуксар (легкомысленный)*, *парҳезкор* от *парҳезгар (благочестивый)*, *ситамкор* от *ситамгар (угнетатель)*.

4. Другая функция этой буквы – выражение значения соответствия, близости и последовательности между двумя однородными словами, например, *хандоханд, дӯшодӯш, зӯрозӯр, печопеч (продолжительный смех, плечом к плечу, продолжительными усилиями, спутанный)*. Этот «alif», согласно исследованиям автора, также известен на индийском языке, например, *булобул, чалочал (соловей, в недоделанном виде)*. В то же время в этой части «alif» между двумя словами приводится для выражения значения *ҳама (всего)* и *тамом (целого)*, например, *саросар (всецело)* и

сароно (с головы до ног) в значении *ҳама* (всего), от *сартосар*, то есть от головы до ног. Автор говорит, что этот «alif», кроме как в этих двух словах, не прослеживается.

5. Пятый тип «alifa» выполняет функцию союза «wāw», например, *такопӯй* и *такодав* в значении *такупӯй* и *такудав* (хлопоты, беготня).

По мнению автора, в зависимости от прибавляемого в конце слов «alifa», существует шесть его типов:

1. «Alif» восклицания, состоящего из двух частей: во-первых, упоминается глашатай:

*Шаҳо, шахриёро, саро, сарваро,
Худовандгоро, ҷаҳонпарваро.
О шах, государь, глава, предводитель,
О Боже, хранитель мира.*

Абдуллахи Хатифи

Во-вторых, глашатай не упоминается:

*Басо, номи неку ба панҷоҳ сол,
Ки як номи зиштаи кунад поймол.
Часто доброе имя на протяжении пятьдесят лет,
Одно его скверное имя растопчет.*

Саади

2. «Alif» выражает значение благословения:

*Сурмаи чаими бузургон бод хоки пойи ту,
В-аз бузургон ҳеҷ кас, нашинадо бар ҷойи ту.
Пусть сурьмой очей великих людей будет пыль твоих ног,
И никто из великих не сядет на твое место.*

Хаким Созани

Иногда это «alif» встречается в одном и том же слове дважды: один раз – перед последней буквой слова, другой раз – в конце слова.

*Сафар аз дӯст ҷудо кард маро,
Гум шаводо аз ҷаҳон номи сафар.
Уход в путешествие отделил меня от друга моего,
Пусть исчезнет из мира имя путешествия.*

Фаррухи

3. «Alif» субъектного действия, например, *доно, бино, шунаво, зебо, шикебо, фиребо* (**умный, видящий, слышимый, говорящий, красивый, терпеливый, обманчивый**).

4. «Alif» *шибоъ* (*тщательное произношение кратких гласных*) (произнесение краткой гласной «а»), которое было взято древними от «alif» присвоения арабов, причем, в случае с фатхой – это *чамоло, камоло* (**красота, совершенство**), в случае с даммой – это *чамолу, камолу* (**красота, совершенство**), в случае с кясрой – это *чамолӣ, камолӣ* (**красота, совершенство**).

5. «Alif» отношения, такой как: *фарохо, дарозо, паҳно* (**широко, длинно, обширно**), что означает *фарохӣ, дарозӣ, паҳнӣ* (**широта, длина, обширность**),

6. Добавочный «alif», например, *султониё, дарвешиё* (**о султан, о отшельника**).

В объяснении разницы грамматических функций «alif» в «Farhang-e Jahāngirī» и «Anjumanāgā-e Nāsirī» почти не наблюдается каких-либо различий.

Помимо научного объяснения буквы «alif», Хусайни Инджу дал объяснение буквы «šīn» и считал, что она выражает значение инфинитива, как: *дониши, хоҳиши, омурзиши* (**знание, желание, прощение**). Рассматривая выражение буквы «kāf», т.е. суффикса «ак», выражающего значение малости, он приводит два примера: *писарак, ғуломак* (**мальчишка, маленький раб**). Отдельную букву «nūn» с сакином он считал подходящей для выражения значения инфинитива: *кардан, гуфтан* (**делать, говорить**). Относительно буквы «wāw», которая пишется, а не произносится, он делит ее на три вида:

1. «Wāw», выражающий дамму, после буквы «tā» с верхней точкой, как: *ту* (**ты**), после «dāl» без точки, как *ду* (**два**), и после персидского «ġīm», т.е. (ч), как: *чу* (**как**).

2. Называют выровненным «wāw» и пишется после «hā» с фатхой. Этот «wāw» бывает двух типов: а) за «wāw» следует «alif», например, *x(v)об, x(v)оца, X(v)оразм (сон, хозяин, Хорезм)*; б) после «wāw» идет одна из этих букв: «dāl», «gā», «zā», «sin», «šin», «nūn», «hā» *havvaz* и «yā», например, *x(v)ад, x(v)ар, x(v)азм, x(v)ай, x(v)уст, x(v)аш, охунд, x(v)аҳл, x(v)айла*. При указании выровненного «wāw» в «Anjumanāgā-e Nāsirī» также можно увидеть буквальное использование.

3. Связующий «wāw», стоящий между двумя глаголами с одним исполнителем: *рафтуомад, нишастугуфт (приход и уход, встреча и переговоры)*. Или между двумя существительными, разделяющими один глагол: *Муҳаммад ва Маҳмуд омаданд, Алӣ ва Ҳасан навиштанд, хона ва боғ сохтанд, асп ва уштур хариданд (Мухаммад и Махмуд пришли, Али и Хасан написали, построили дом и сад, купили лошадь и верблюда)*, а также, в некоторых предложениях: *гуфту ҷавоб гирифт, давиду гирифт (сказал и получил ответ, побежал и забрал)*. Еще одно «wāw», которое произносится, но не пишется, – это *шоур, миёуш, коус, тоус*.

При объяснении «hā» *havvaz*, он выделяет два его типа: во-первых, видимый или произносимый (звук х), во-вторых, скрытый (суффикс -а). Если произносимому «hā» предшествует, будь то фатха, будь то дамма, будь то кясра, то оно произносится четким образом, например, *руҳҳо, вучуҳҳо, андуҳҳо, кӯҳҳо (души, лица, печали, горы)*, или при уменьшении: *раҳак, андуҳак, зарҳак (дорожка, немного печали, немного грусти)*. При добавлении или конструировании словосочетания этот «hā» огласовывается кясрой, например, *раҳи ман, андуҳи ту, зарҳи ӯ (мой путь, твоя печаль, его грусть)*. Существует четыре типа скрытого «hā» (суффикс -а): во-первых, «hā», который добавляется к аналогичным существительным, *дандон – дандона, даст – даста, кӯҳ – кӯҳа, кӯш – кӯша, нишон – нишона, забон – забона (зуб – зубец, рука – ручка, гора – горка, двойной – пара, показ – знак, язык – язык пламени)*. Во-вторых, «hā», при котором в конце глаголов из-за наличия этого «hā» ставится огласовка,

например, *шоире ин байт гуфта, фалон марворид суфта, ғунчаи шукуфта* (какой-то поэт говорил этот стих, такой-то жемчуг отшлифован, раскрывшийся бутон). В-третьих, «hā», которое приводится в конце месяца, дня, ночи, часа для определения времени в зависимости от количества: *яксола, якмоҳа, даҳрӯза, якшаба, дусоата* (одновременный, одномесячный, десятидневный, одноночный, двухчасовой). В-четвертых, – это «hā», выражающее фатху, которое не имеет другого значения, кроме как указать на предыдущую фатху, как: *чома, хома, банда, шукуфта* (халат, перо для письма, слуга, расцветший). Подобные примеры можно проследить и в толковом словаре «Anjumanāgā-e Nāsirī».

Автор «Farhang-e Jahāngirī» упомянул восемь видов «yā» с нижними точками:

1. «Yā» отношения, то есть *Муҳаммадӣ, Мусавӣ, Исавӣ, Хуросонӣ, Ҳиндустонӣ, Лорӣ, Иброҳимӣ, Ашрафӣ* (Мухаммади, Мусави, Исави, Хорасани, Хиндустани, Лори, Ибрагимии, Ашрафи), то есть по отношению к известным людям и местам.

2. «Yā» удивления, если адресат присутствует, то это «yā» называется известным, т.е. *марди бадӣ, чи марди бадӣ* (ты плохой человек, какой ты плохой человек), а если адресат отсутствует, то это «yā» называется неизвестным: *марди баде, чи марди баде* (плохой человек, какой плохой человек).

3. «Yā» восклицания, *гуфтӣ, омадӣ, задӣ* (ты сказал, ты пришел, ты ударил).

4. «Yā» способности, одаренности, пригодности, *навохтанӣ, бардоштанӣ, заданӣ* (играемый, поднимаемый, ударяемый), то есть быть пригодным для того, чтобы играть, поднимать и ударять.

5. «Yā» неопределенного состояния, т.е. неизвестный, вводится в конце слова, оно означает одиночество и остаётся неизвестным: *марде бо он роҳ мерафт ва асбе бад-он роҳ меомад* (какой-то человек шел по тому пути, и какая-то лошадь шла по тому пути).

6. «Yā» возвелечивания: *фалонӣ мардест, яъне марди бузургест* (такой-то – человек, то есть – великий человек).

7. «Yā» подтверждения качества: *ту марди фозилӣ ва олимӣ* (ты добродетельный и ученый человек).

8. «Yā» инфинитивное: *комбахшӣ ва заррезӣ* (великодушие и щедрость).

9. «Yā» намерения: *ӯ ин корро карданӣ* (он (намерен, хочет) сделать это дело).

Следует подчеркнуть, что эти комментарии и пояснения не включены в учебники.

Также, автор «Farhang-e Jahāngirī» классифицировал следующие суффиксы, образующие существительные и прилагательные.

1. Словообразовательные элементы таджикского языка, применяемые для выражения значения собственности:

Суффикс «манд»: *хирадманд, донишманд* (мудрый, ученый);

Суффикс «ванд»: *Худованд* (Бог);

Суффикс «гор»: *хидматгор, омӯзгор, созгор, ситамгор* (слуга, учитель, подходящий, угнетатель);

Суффикс «вар» с «wāw» с фатхой: *точвар, хунарвар* (венценосец, ремесленник), иногда этот «wāw» огласовывается сакином, принимая форму «ур», например, *ганчур, ранчур, муздур, дастур* (казначей, огорченный, наемный рабочий, приказ).

2. Элементы, выражающие смысл множественности и массовости:

Суффикс «лох»: *санглох, девлох, рӯдлох* (каменистая местность, место обитания дивов, озерная местность);

Суффикс «сор»: *намаксор, шохсор, кӯҳсор* (соляной карьер, местность, изобилующая ветвистыми деревьями, гористая местность);

Суффикс «зор»: *гулзор, лолазор, сабзор* (цветник, тюльпановый сад, зеленый сад);

Суффикс «бор»: *дарёбор, ҳиндбор, рӯдбор* (**большая река, большая Индия, большое озеро**);

Суффикс «стон (истон)»: *гулистон, бустон, сангистон* (**цветник, сад, каменная местность**).

3. Элементы, выражающие значение схожести и подобности:

Суффикс «дес»: *хордес, таранҷдес, фархордес* (**подобно шипам, подобно колючке, подобно украшению**);

Суффикс «дас»:

*Надиду набинад туро ҳеч кас,
Гаҳи разм мислу гаҳи базм дас.
Не увидел и не увидит тебя никто,
Как в сражении, так и в пируестве.*

Унсури

Суффиксы «вон» и «ван»:

*Сабукборӣ гузин бо саҳл донӣ к-аз ҳиял бираҳӣ
Ки гурба аз шутур беҳтар тавонад рафт бар палвон
Легкость выбери с легкостью: знаешь, как выбраться
из уловки,
Ведь кот лучше, чем верблюд, в ходьбе.*

Амир Хосрав

Суффикс «осо»: *шеросо, мардумосо* (**подобно льву, подобно людям**);

Суффикс «вор»: *хочавор, турквор* (**подобно ходже, подобно тюрку**);

Суффикс «сон»: *бабрсон, палангсон* (**подобно леопарду, подобно тигру**);

Суффикс «сор»: *хоксор, сангсор* (**скромный, каменный**);

Суффикс «паш, фаш, ваш»: *шерпаш, шоҳфаш, моҳваш* (**подобно льву, цареподобный, луноликий**).

4. Элементы, придающие слову значение деятельности:

Суффикс «гар»: *косагар, шишагар* (**изготовитель косы, стекольщик**);

Суффикс «он»: *хандон, гирён, афтон, хезон* (**смеясь, плача, падая, лёжа**);

Суффикс «гор»: *омӯзгор, созгор* (**учитель, подходящий**);

Суффикс «ор»: *харидор, фурӯхтор* (**покупатель, продавец**).

5. Словообразовательные элементы, придающие слову уменьшительное значение:

Суффикс «ча»: *боғча, ғуломча* (**садик, маленький раб**).

6. Элементы, выражающие значение недостатка и довода:

Суффикс «ча» с кясрой, то есть чи: «андарзаш набояд гуфт **чи** ўро гӯши шунаво ва дили доно намонда» (**не следует говорить ему наставление, ибо у него не осталось ни слышащего уха, ни мудрого сердца**), и приходит в значении *ҳарчи* (**чего-либо**); – ки: «таъзираш кардам, **ки** намоз намекард» (**я наказал его за то, что он не молился**), а также приходит в значении *ҳарки* (**кого-либо**).

7. Элементы, придающие слову значение способности, одарённости, даровитости:

Суффикс «вор»: *шоҳвор* (**по-шахски**), также дает значение количества: *чомавор, номавор* (**кусок ткани, кусок письма**);

Суффикс «она»: мардона, шоҳона, бузургона (**по-мужски, по-шахски, величественно**).

8. Элементы, придающие значение защиты:

Суффикс «дор»: *пардадор, рохдор* (**занавешенный, имеющий путь**), также означает обладателя: *зардор, молдор* (**богатый, состоятельный**);

Суффикс «бон»: *филбон, дарбон* (**погонщик слонов, привратник**);

Суффикс «вон»: *уштурвон, устурвон* (**погонщик верблюдов**);

9. Элементы, придающие слову описательное значение:

Суффикс «нок»: *ғамнок, саҳмнок, дарднок* (**грустный, дольщик, болезненный**);

Суффикс «гин»: *хашиггин, шармгин* (**злой, застенчивый**).

10. Элементы, выражающие смысл отношения:

Суффикс «й (ي)»: *анбарӣ, хайбарӣ, ҳиравӣ, кошӣ* (**имбирный, хайбарский, гератский, плиточный**);

Суффикс «ин»: *симин, заррин, оҳанин* (**серебряный, золотой, железный**);

Суффикс «а (о)»: *яксола, якрӯза, якишаба, якмоҳа, дина, парерина, симина, заррина* (**одногодичный, однодневный, одноночный, одномесячный, вчерашний, позавчерашний, серебряный, золотой**).

11. Элементы, придающие слову значение цвета и оттенка:

Суффикс «пом, фом, вом»: *мушкпом, анбарфом, гулфом* (**цвет мускуса, цвет имбиря**);

Суффикс «гун, гуна»: *гандумгун, сурхгуна* (**смуглый, красноватый**);

Суффикс «чарта, чарда»: *сиёҳчарта, сиёҳчарда* (**темноватый**).

12. Элементы, придающие инфинитивное значение:

Суффикс «ор»: *рафтор, гуфтор, кирдор* (**поведение, речь, действие**);

Суффикс «гй»: *бахшандагй шармандагй* (**прощаемость, пристыженность**).

12. Элементы, производящие значение ёмкости:

Суффикс «дон»: *қаламдон, сурмадон* (**пенал, сурмыанка**).

Что касается словообразовательных элементов персидско-таджикского языка, то Хусайни Инджу также упомянул слова, обозначающие красоту и прелесть в речи, такие как – *мар*:

Дил вақти самоъ бӯйи дилдор барад,

Моро ба саронардаи асрор барад.

*Ин замзама маркаб **мар** рӯҳи турост,*

Бардораду хуш ба олами ёр барад.

Сердце вовремя самоъ (радение дerviшей (с музыкой и пением))

благоуханием возлюбленного наполняется,

Нас поведет в обитель завесы тайн,

Этот напев является носителем твоего духа,

Поднимет и радостно понесет в мир возлюбленного.

Дж. Руми

Автор «Farhang-e Jahāngirī» также дает комментарий к некоторым глагольным префиксам, например, «бар»: *бархонд, баргирифт* (**прочитал,**

забрал); «фаро»: *фаро рафтан* (уходит за пределы); «фурӯ»: *фурӯрехт*, *фурӯхонд*, (обвалить, отзывать); «бо»: *бигуфт*, *бирафт* в значении *гуфт*, *рафт* (сказал, ушел), *бинагуӣ*, *бинашунавӣ* (не скажешь, не слышишь) в значении *нагуӣ*, *нашнавӣ* (не говоришь, и не слышишь).

В целом, автор «*Farhang-e Jahāngirī*» объяснил на примерах 48 содержательных и словообразующих суффиксов и предлогов.

Резакулихан Хидаят также упомянул некоторые из них, которые совершенно отличаются от «*Farhang-e Jahāngirī*», в частности, разница в указании выражения нескольких суффиксов, например, суффиксов «вон, ван, ванд»: *пилвон*, *сатарван* и *астарван*, *Худованд*, *пулодванд*, *пайванд* (погонщик слонов, погощик верблюдов, Бог, железный, связанный). Автор отнес эти суффиксы для выражения значения отношения, которые в «*Farhang-e Jahāngirī*» выражают сходство и подобность. Также в толковом словаре «*Anjumanāgā-e Nāsirī*» упоминаются некоторые суффиксы, не встречающиеся в «*Farhang-e Jahāngirī*», например, суффиксы: «дор»: *тафсирдор* (толковый); «буд»: *борбуд*, *кӯҳбуд*, *синаҳбуд* (обремененный, гористый, войсковой). Суффикс «буд» встречается только в «*Anjumanāgā-e Nāsirī*». Что касается суффикса «ор»: *харидор*, *фурӯхтор* (покупатель, продавец), то автор «*Farhang-e Jahāngirī*» придал этому слову значение деятельности. В «*Anjumanāgā-e Nāsirī*» показаны три функции этого суффикса: во-первых, в смысле инфинитивного выражения: *рафтор*, *гуфтор* (поведение, речь) в значении *рафтан*, *гуфтан* (идти, говорить), во-вторых, в значении деятельности: *парастор*, *харидор* (попечитель, покупатель) в значении опекающего и покупателя, в-третьих, в значении дополнения: *гирифтор*, *мурдор* (пораженный, поганный) в значении *гирифташуда*, *мурдашуда* (взятый, мертвый).

Другим вопросом морфологического раздела «*Farhang-e Jahāngirī*» является категория существительных во множественном числе, складывающих одушевленные предметы с суффиксом «он»: *мардумон*, *аспон* (люди, лошади) и неодушевленные предметы с суффиксом «ҳо»:

зарҳо, гавҳарҳо (золотые монеты, жемчужины). При сложении членов организма одушевленных предметов используется суффикс «ҳо», например, *сарҳо, дастҳо, пойҳо* (голова, руки, ноги), а при обращении к человеку он может сочетаться с суффиксом «он», например, *сарон, гарданон* (голова, шея).

В седьмой статье «Farhang-e Jahāngirī» говорится о местоимениях, в которой автор говорит: «Знай, что существует шесть местоименных букв и слов, три из которых в отдельности с сакином, и ими являются: «ш», «й», «м» и три сложных, начало которого огласовано сакином, и ими являются: «н» и «д», «е» и «д», «е» и «м», которые сочетаются в конце слова для получения различных значений» [123, 30]. В этой части работы автор объясняет лично-притяжательные местоимения и глагольные окончания, классифицируя их на шесть типов:

1. Местоименный суффикс «ش» (аш), стоящее на конце существительных и выражающие местоименный суффикс третьего лица единственного числа, т.е. означает «ӯ» (он, его), *аспаш, ғуломаш, омаданаш, рафтаниаш* (его лошадь, его раб, его приход, его уход), в конце глаголов придает значение «ӯро» (ему), *мегӯяндаш* (говорят ему), т.е. ему говорят.

2. Местоименный суффикс «ت» (ат) стоит в конце существительных и выражает значение местоименного суффикса второго лица единственного числа, т.е. «ту», *аспат, ғуломат, омаданат, рафтаниат* (твоя лошадь, твой раб, твой приход, твой уход), в конце глаголов оно дает значение «туро» (тебя, тебе), *мегӯядат* (тебе говорят), т.е. он говорит тебе, *медиҳадат* (отдаст тебя), т.е. он отдаст тебя.

3. Местоимение «م» (ам) в конце существительных и глаголов выражает местоимение первого лица единственного числа, т.е. *ман* (я), *заррам, гавҳарам, омадам, рафтам, олимам, фозилам* (я драгоценен, я – жемчужина, я пришел, я ушел, я – ученый, я добродетелен). Если оно стоит перед глаголами, то оно дает значение *маро* (мне), *заррам дод* (он

дал мне золото), то есть он дал мне золото, *аспам бахшид* (**он подарил мне лошадь**), то есть он дал мне лошадь.

4. Глагольное окончание «ند» (анд) стоит в конце существительных, глаголов и прилагательных и выражает глагольное окончание времени третьего лица множественного числа: *мардонанд, омаданд, тавонгаранд* (**они люди, они пришли, они могущественны**).

5. Глагольное окончание «يد» (ед) присоединяется к концу существительных, глаголов и прилагательных и выражает глагольное окончание второго лица множественного числа: *инсонед, омадед, тавонгаред* (**вы люди, вы пришли, вы могущественны**).

6. Глагольное окончание «يم» (ем) стоит в конце существительных, глаголов и прилагательных и выражает глагольное окончание первого лица множественного числа: *мардонем, омадем, олимем* (**мы мужчины, мы пришли, мы ученые**). Если слово, в конце которого имеется «hā» *havvaz*, то при добавлении этих шести наклонений после «hā» *havvaz* и перед этими шестью наклонениями добавляется хамза с фатхой: «جامه اش» (чомааш) – **его халат**, «نامه ات» (номаат) – **твое письмо**, «كرده ام» (кардаам) – **я сделал**, «گفته اند» (гуфтаанд) – **они говорили**, «شنیده اند» (шунидеанд) – **они слышали**, «دانسته ایم» (донистаем) – **мы узнали**. Местоименные суффиксы второго лица единственного числа, то есть «ت» (ат) и третьего лица «ش» (аш) добавляются при сложении, в конце добавляются «alif» и «nūn» (ان-он), будь в том слове есть «hā» *havvaz*, будь в нем его нет, «جامه شان» (чомашон) – **их халат**, «اسبشان» (асбашон) – **их лошадь**. Кроме того, автор считает глагол-связку «ست» (аст) необходимой для связывания и завершения речи, она выражает суждение, говорит он.

Он считал личные местоимения «y», «вай» (**он, она, оно**) пригодными для обозначения человека, а «он» (**он, она, оно**) – кроме человека. Однако, говорит автор, если к местоимениям «y», «вай» (**он, она, оно**) добавляются предлоги *дар, бо, бар* (**в, с, над**), то они могут принадлежать к нечеловеческим существам, что употребляется только в

поэзии. После упоминания лично-притяжательных местоимений, глагольных окончаний и глаголов-связок в «Farhang-e Jahāngirī» становится ясно, что Резакулихан Хидаята показал обсуждение этой темы, которую мы обсуждали во второй главе, 3-ем параграфе, более интересным и точным образом.

В одиннадцатом разделе «Farhang-e Jahāngirī» упоминается спряжение глаголов и изменение корней глаголов при спряжении. Автор толкового словаря в этой части объясняет добавление букв к глаголам, изменение их значений и временных форм. Например, в любом слове, которое начинается с «alif», в его начале можно добавить дополнительное «bā», «bā» повеления, «mīm» запрещения и «nūn» отрицания, при котором «alif» преобразуется в «uā». Например, от слова *афтод* (**упал**) добавлением дополнительного «bā» образуется: *биафтод* (**упал**), «bā» повеления: *биафт* (**падай**), «mīm» запрещения: *маяфт* (**не падай**), «nūn» отрицания: «*наяфтод*» (**не упал**). А если слово начинается с долгого «alif» (гласная **о**), то при добавлении дополнительного «bā», «bā» повеления, «mīm» запрещения, «nūn» отрицания ставятся два «alif», причем первый «alif» преобразуют в «uā», а второй оставляют как есть, например, в словах: *оро*: *биёрост*, *биёро*, *маёро*, *наёрост* (**украшение: украсил, украшай, не украшай, не украсил**). Кроме того, автор при спряжении глаголов показал преобразование букв, например, преобразование «х» в «з»: *сохтан* – *сохт* – *месозад* – (*би*)*соз*, *омӯхтан* – *омӯхт* – *меомӯзад* – (*би*)*омӯз*, *овехтан* – *овехт* – *меовезад* – (*би*)*овез* (**строить – построил – строит – (по)строй, изучать – изучи, изучай, вешать – повесил – вешает – повесь**) и тому подобное. Преобразование «х» в «с»: *шинохтан* – *шинохт* – *мешиносад* – (*би*)*шинос* (**распознать – распознал – распознает – (рас)познай**). Преобразование «ф» в «б»: *тофтан* – *тофт* – *метобад* – (*би*)*тоб*, *хуфтан* – *хуфт* – *мехобад* – (*би*)*хоб*, *рӯфтан* – *рӯфт* – *мерӯбад* – (*би*)*рӯб*, *ёфтан* – *ёфт* – *меёбад* – (*би*)*ёб* (**показаться – показался – покажется – показывайся, спать – заснул – спит – засыпай,**

подметать – подметал – подметает – подметай, находить – нашел – находит – найди) и т.д. Преобразование «ф» в «в»: *рафтан* – *рафт* – *меравад* – *(би)рав*, *кофтан* – *кофт* – *мековад* – *(би)ков* (*идти* – *пошел* – *идет* – *иди*, *искать* – *поискал*, *ищет* – *ищи*). Преобразование «ф» на «ӯ»: *гуфтан* – *гуфт* – *мегӯяд* – *(би)гӯ* (*говорит* – *сказал* – *говорит* – *скажи*). Однако в инфинитивах *гирифтан*, *пазируфтан* (**братъ, принятие**) «ф» при спряжении преобразуется в «н», от *гирифтан* – *гирифт* – *мегирад* – *(би)гир*, *пазируфтан* – *пазируфт* – *мепазирад* – *(би)пазир* (**братъ – взял – берет – бери, принятие – принял – принимает – принимай**). Преобразование звука «ш» в «р»: *коштан* – *кошт* – *мекорад* – *(би)кор*, *гузоштан* – *гузошт* – *мегузорад* – *(би)гузор*, *гумоштан* – *гумошт* – *мегуморад* – *(би)гумор* (**сеять – засеял – сеет – засевай, ставить – поставил – ставит – поставь, доверять – доверил – доверяет – доверяй**) и подобно тому глаголы. Преобразование звука «с» в «х»: *коштан* – *кост* – *мекоҳад* – *(би)коҳ*, *частан* – *част* – *мечаҳад* – *(би)чаҳ*, *растан* – *раст* – *мераҳад* – *(би)раҳ* (**уменьшать – уменьшил – уменьшает – уменьшай**), **прыгать – спрыгнул – прыгает – прыгни, освободиться – освободился – освобождается – освободись**) [123, 32].

Изучив лексико-грамматические статьи этих двух толковых словарей, выясняется, что глагол в «Farhang-e Jahāngirī» по преобразованию звуков при спряжении показан в трех временах и в его отрицательной форме. Однако Резакулихан Хидаят определил глагол с точки зрения содержания на три значения: инфинитивное значение, определенное время и значение, ориентированное на субъект действия; по словообразованию он разделил его на глагол прошедшего времени, настоящего-будущего времени, настоящего времени, будущего времени, повелительного и отрицательного наклонений. Каждое из этих времен он разделил на два типа: непереходный и переходный глагол, а переходный глагол он разделил на два типа: действительный и страдательный залог. Также он разделил прошедшее время глагола на пять типов: абсолютное прошедшее время (простое прошедшее), близкое прошедшее время,

далекое прошедшее, продолжительное прошедшее, предположительное прошедшее время и, таким образом, он спрягал и разделил остальные глаголы по лицам и числам, и такое спряжение глагола персидско-таджикского языка также можно увидеть в трудах, существовавших до составления толкового словаря «Anjumanārā-e Nāsirī». Другим отличием толкового словаря «Anjumanārā-e Nāsirī» от «Farhang-e Jahāngirī» в этом разделе заключается в том, что Резакулихан Хидаят излагает объяснение существительных, глаголов и инфинитивов в отдельных статьях подробным образом. К сожалению, такого объяснения и классификации в «Farhang-e Jahāngirī» не существует.

3.5. Общности и различия в разделе синтаксических толкований

Вопросы синтаксиса в «Farhang-e Jahāngirī» почти не наблюдаются. Говоря лишь о некоторых грамматических функциях букв алфавита, таких как «alif», «šīn», «nūn», «wāw» и «uā», автор толкового словаря поясняет, что эти буквы служат при образовании словосочетаний и предложений. Например, при объяснении буквы «wāw», которая в современном таджикском языке выражает союз «ва» (и), «у» (и), «ю» (и), он приводит ряд фраз и предложений, в том числе: *рафту омад, нишасту гуфт, Муҳаммад ва Маҳмуд омаданд, Алӣ ва Ҳасан навиштанд, хона ва боғ сохтанд, аспу уштур хариданд* (ушел и пришел, сел и сказал, Мухаммад и Махмуд пришли, Али и Хасан написали, построили дом и сад, купили лошадей и верблюдов). А иногда при образовании сложных предложений разного типа он подчеркивал использование буквы «wāw» как средства связи: *Ман ба Порс меравам ва дигаре гӯяд, ки ба Ироқ ҳам бигӯ, яъне ба Ироқ ҳам меравам бигӯ* (Я отправлюсь в Персию, и другой говорит, скажи, и в Ирак, т.е. говори, что отправишься и в Ирак) [123, 34].

Другой буквой является «hā» *havvaz*, о чем упоминалось в разделе морфологии. Эта буква в некоторых случаях путем добавления «alif» в

конец слова образует форму множественного числа слов: *кӯҳҳо, вучӯҳҳо, андуҳҳо, раҳҳо* (**горы, лица, печали, пути**). А также при соединении двух слов, конец первого слова которых состоит из этой буквы, при добавлении дополнительного окончания -и образуется словосочетание и остается неизменным. Например, *раҳи ман, андуҳи ту, зарҳи ӯ* (**мой путь, твоя печаль, его грусть**). Эта буква добавляется в конце глаголов для образования словосочетаний и предложений, что дает гласный звук «а». Например, *шоире ин байт гуфта, фалон марворид суфта, ғунчаи шукуфта* (**какой-то поэт говорил этот стих, а какой-то жемчуг, раскрывшийся бутон**) и т.д. Таким образом, буква «уā» (и, й) при конструировании дополнительных фраз служит как средство грамматической связи: *Муҳаммади нек, Исави бад* (**хороший Мухаммади, плохой Исави**). Если эта буква присоединяется к концу существительных, то она выражает значение отношения: *Муҳаммадӣ, Исавӣ, Ҳиндустонӣ* (**Мусульманин, Христианин, Индус**). Либо оно вставляется в конце прилагательных, когда присутствует адресат, и употребляется как словосочетание, однако суть таких словосочетаний задает смысл предложения. Например, *марди бадӣ, чи марди бадӣ* (**ты плохой человек, какой ты плохой человек**), если сказано в адрес третьего лица, то оно дает гласный звук «е»: *марди баде, чи марди баде* (**плохой человек, какой плохой человек**) [123, 35].

Стоит отметить, что объяснению вопросов синтаксиса Хусайни Инджу не уделял серьёзного внимания. Эта спорная часть языка подробно объяснена и истолкована в толковом словаре «Anjumanārā-e Nāsiri». В частности, Резакулихан Хидаят разделил именные части речи, употребляющиеся в толковом словаре как слово, на три части: существительное, глагол, частицы (предлоги и суффиксы). Он значительное внимание уделяет вопросу типологии предложений, и делит предложения на четыре типа: именное предложение, глагольное предложение, обстоятельственное предложение, условное предложение; также по смыслу он разделил предложение на два типа: повествовательное предложение, сочинительное предложение, а по

качеству на восемь типов: на начальное, отрезанное, базисное, причиненное, соединенное, акцидентальное, исходное, обстоятельственное. При этом автор «Anjumanārā-e Nāsirī» разделил члены предложения на «المفعول به» (maf'ūlun bihi) – **прямое дополнение**, «المفعول فيه» (maf'ūlun fīhi) – **обстоятельство времени или места**, «المفعول له» (maf'ūlun lahu) – **обстоятельство причины или цели**, «المفعول معه» (maf'ūlun ma'ahu) – **обстоятельство сопроводительной связи**. По поводу словосочетания Резакулихан Хидаят разъяснил состав именной группы, изафетные окончания, которые в составе слова передают значение предлогов *аз, барои, дар* (**из, для, в**). Касаясь темы типов словосочетаний и предложений, он отмечает основные и интересные моменты, которые не наблюдаются в «Farhang-e Jahāngirī». Поэтому при синтаксическом анализе этих двух толковых словарей можно с полной уверенностью сказать, что толковый словарь «Anjumanārā-e Nāsirī» является более точным и ценным, чем толковый словарь «Farhang-e Jahāngirī».

Следует напомнить, что такой род использования толкового словаря «Farhang-e Jahāngirī» был начат очень рано составителями толковых словарей, составленных в свое время, таких как «Burhān-e qāṭi'» Мухаммадхусайна Бурхана. Иногда автор «Burhān-e qāṭi'» приводит некоторые комментарии и разъяснения «Farhang-e Jahāngirī» по вопросам обучения языку и правописанию буквально, без изменений и дополнений. В качестве примера приведем определения распознавания правописания этих двух словарей, составленные в одном веке:

«Farhang-e Jahāngirī»	«Burhān-e qāṭi'»
<p>بدان که املا در عرف ارباب کتابت عبارت است از نوشتن حروف مفردة و مرگبه بر نهجه که اصحاب این فن تعیین کرده اند (آیین یازدهم).</p> <p>Знай, что правописание в традиции ученых письма состоит из написания простых и сложных букв способом, предписанным представителями этой дисциплины (одиннадцатый раздел).</p>	<p>و املا در عرف ارباب کتابت عبارت است از نوشتن حروف مفردة و مرگبه بر نهجه که اصحاب این فن تعیین کرده اند (فائده نهم).</p> <p>А правописание в традиции ученых письма состоит из написания простых и сложных букв способом, предписанным представителями этой дисциплины (девятая часть).</p>

Как видно, автор словаря «*Burhān-e qāṭī*» приводит определение автора «*Farhang-e Jahāngirī*» в распознавании правописания буквальным образом, только вместо повелительного наклонения «бидон» (знай) он приводит соединительный союз «ва» (и). Подобное буквальное перенесение без каких-либо изменений и дополнений автором «*Burhān-e qāṭī*» из «*Farhang-e Jahāngirī*» можно наблюдать и в других частях учебного объяснения:

« <i>Farhang-e Jahāngirī</i> »	« <i>Burhān-e qāṭī</i> »
<p>کلماتی که معنای لیاقت بخشد: -وار مثل شهوار و به معنای مقدار نیز آید، چون جامه وار و نامه وار؛ -آنه، همچو مردانه، شاهانه، بزرگانه (آیین هشتم).</p> <p>Слова, дающее значение способности: -вор как: <i>шахвор</i> (по-царски), а также имеет значение количества, как <i>чомавор</i>, <i>номавор</i> (кусок ткани, кусок письма). -она, как: <i>мардона</i>, <i>шоҳона</i>, <i>бузургона</i> (по-мужски, по-царски, величественно (восьмой раздел)).</p>	<p>و کلماتی که معنای لیاقت بخشد، یکی: -وار است، همچو شهوار و گوشوار و به معنی مقدار نیز آمده است، همچو جامه وار و نامه وار. و و دیگری: - آنه، همچو شاهانه، بزرگانه (فائده هشتم).</p> <p>И слово, дающее значение способности, одно – вор, как: <i>шахвор</i>, <i>гушвор</i> (по-царски, серьга), а также имеет значение количества, как <i>чомавор</i>, <i>номавор</i> (кусок ткани, кусок письма). Другое – она, как: <i>мардона</i>, <i>шоҳона</i>, <i>бузургона</i> (по-мужски, по-царски, величественно (восьмая часть)).</p>

Как видно из приведенного выше сравнения, в объяснении префиксов, дающих слову значение способности, т.е. пригодности, как обсуждения, так и примеры являются буквально одинаковыми. Выясняется, что во всех толковых словарях, в которых дается инструкция по языку, наблюдается перенос друг от друга, однако в одних толковых словарях это явление встречается меньше, а в других – больше. Вот почему автор толкового словаря «*Anjumanāgā-e Nāsirī*» также извлек пользу из этой практики.

Одним из важных свидетельств, доказывающих влияние толкового словаря «*Farhang-e Jahāngirī*» на толковый словарь «*Anjumanāgā-e Nāsirī*», является то, что Резакулихан Хидаят извлек большую пользу от

«Farhang-e Jahāngirī». Он, как и автор «Farhang-e Jahāngirī», для своего толкового словаря привел много свидетельств-примеров не только из произведений литераторов и поэтов и из других письменных источников, но и из живого языка, которым пользовались персоязычные народы и жители разных городов, областей, стран и регионов Ирана и Средней Азии, для слов и их грамматических пояснений и толкований. Кроме того, поскольку Резакулихан Хидаят жил через несколько столетий после Хусейна Инджу, вполне логично, что круг источников «Anjumanārā-e Nāsirī» был шире, чем «Farhang-e Jahāngirī». Как было отмечено в первой части данной диссертации, при анализе источников толкового словаря «Anjumanārā-e Nāsirī» одним из основных источников толкового словаря Резакулихана Хидаята считается «Dasātīr», причем Резакулихан Хидаят цитирует более 600 слов своей работы из этой книги, давая им комментарии и пояснения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основные результаты и выводы нашего диссертационного исследования отражены в нижеприводимых заключениях:

1. Лексикография персидско-таджикского языка как отдельная область науки имеет тысячелетнюю историю. Традиция составления толковых словарей персидско-таджикского языка, как и процесс формирования таджикского классического языка, начался непосредственно в Иране и в Средней Азии в X-XI вв. – периоде расцвета государства Саманидов, периоде, который в действительности был золотым веком процветания всех составных компонентов и элементов персидско-таджикской материальной и духовной культуры. Она достигла пика своего совершенства и эволюции в XVII-XIX вв.

2. В более ранних словарях вопросам языкознания, составленных в Иране и Средней Азии в Хорасанском периоде истории персидско-таджикской лексикографии, вопросам лексикологии, фонетики, морфологии и грамматики не уделялось достаточное внимание, содержащиеся в них грамматические пояснения являются трудными для понимания и воображения. Однако словари, составленные в более поздние периоды в Индии, как толковые словари, внесли значительный вклад в развитие и формирование персидско-таджикской лексикографии и помогают объяснить некоторые вышедшие из употребления слова и словосочетания персидско-таджикского языка.

3. Большая часть толковых словарей, следуют друг за другом, помогают объяснить персидско-таджикские слова. С точки зрения содержания, структуры и цели выделяются два типа толковых словарей персидско-таджикского языка: 1) словари, в которых научные толкования и вопросы языка разъяснены обычными словами; 2) словари, где правила обучения языку представлены отдельно во введении или в конце словаря. Толковый словарь «Anjumanārah-e Nāsiri» относится ко второму типу.

4. Резакулихан Хидаят следовал традициям индийских лексикографов периода правления династии Бабуридов, в частности, авторов «Farhang-e Jahāngirī» и «Burhān-e qāṭī'», и в этом контексте снабдил свой толковый словарь введением или научным вступлением, в котором пояснены и истолкованы некоторые грамматические правила персидско-таджикского языка. Целью автора «Anjumanārā-e Nāsirī» от написания такого вступления является ознакомление пользователей и читателей «Anjumanārā-e Nāsirī» с правильным способом письма и чтения и пониманием значения слов, приведенных в этом толковом словаре.

5. Словарь «Anjumanārā-e Nāsirī» Резакулихана Хидаята считается одним из наиболее ценных научных трудов в персидско-таджикской лексикографии XIX-XX веков. Оно состоит из введения, 24 частей (собраний) и заключения. Введение толкового словаря состоит из лексико-грамматических статей персидско-таджикского языка. Во введении толкового словаря сначала речь идет об эмирах Каджаридского периода, к которому автор принадлежал как один из деятелей науки и культуры того периода, а также представлено большое количество древних толковых словарей в качестве исторических первоисточников. Также он приводит некоторые газели из своих стихов, а затем объясняет лексико-грамматические вопросы. Лексико-грамматический материал толкового словаря разделен на двенадцать «разделов», и посвящен фонетическим, лексическим и грамматическим вопросам персидско-таджикского языка. Следует сказать, что основной целью Резакулихана Хидаята являлась конкретизация, исправление и корректировка лексического состава персидского языка, и он приложил колоссальные усилия по сбору персидской лексики и для завершения этого сборника, названного толковым словарем «Anjumanārā-e Nāsirī».

6. При изучении и исследовании грамматических вопросов персидско-таджикского языка в этом толковом словаре выяснилось, что в нем существует множество фонетических, лексических, морфологических и

синтаксических заметок. Вопросы фонетики персидско-таджикского языка в толковом словаре в основном рассматривались в шестой, седьмой и восьмой статьях. Автор рассматривает буквы персидско-таджикского языка как тему для композиций, говорит об особенностях каждой буквы и их преобразовании друг в друга, таких как: «**کاژ-کاج**» (кож-коч) – кривой, «**روز-**» (рӯз-рӯч) – день, «**لاژورد-لاجورد**» (ложвард-лочвард) – лазурит, «**فريسته-**» (фариста-фаришта) – ангел, «**سپيد-سفید**» (сапед-сафед) – белый, «**پيل-فيل**» (пил-фил) – слон.

7. Относительно лексических заметок толкового словаря стоит отметить, что Резакулихан Хидаят в некоторой степени говорит о словах, проникших в арабский язык из персидского языка и, наоборот, из арабского – в персидский язык. Также он упомянул некоторые слова из толковых словарей «*Farhang-e Jahāngirī*» и «*Burhān-e qāṭi*», в которых, по его мнению, допущены ошибки и погрешности.

8. Морфологические вопросы персидско-таджикского языка в данном толковом словаре заключаются в объяснении суффиксов, выражающих конкретные значения, в том числе значение деятельности: «гар»: *шишагар*, *оҳангар* (стекольщик, кузнец), значение уменьшения: «за»: *найза* (копье), «ча»: *богча* (садик), обладание каким-либо качеством: «нок»: *гамнок* (грустный), «гин»: *гамгин* (грустный), отношение: «ин»: *симин* (серебряный), *заррин* (золотой), «ол»: *чангол* (коготь), производное от инфинитива: «ор»: *рафтор*, *кирдор* (поведение, поступок), «иш»: *омурзиш*, *бахшиш* (прощение, извинение). Затем он изучал и анализировал части речи, такие как существительные, глаголы и частицы.

9. Относительно синтаксических записей толкового словаря «*Anjumanārah-e Nāsirī*» можно сказать, что автор, говоря о словосочетании и предложении, разделил типы предложений на именные, глагольные, обстоятельственные и условные предложения, причем предложений по смыслу он разделил на повествовательное и сочинительное, а по качеству – на начальное, отрезанное, базовое, причиненное, соединенное,

акцидентальное, исходное, обстоятельственное, и выделил четыре вида дополнений: «المفعول به» (maf`ūlun bihi) – прямое дополнение, «المفعول فيه» (maf`ūlun fihi) – обстоятельство времени или места, «المفعول له» (maf`ūlun lahu) – обстоятельство причины или цели, «المفعول معه» (maf`ūlun ma`ahu) – обстоятельство сопроводительной связи.

10. Резакулихан Хидаят в составлении толкового словаря «Anjumanārā-e Nāsirī» использовал произведения прошлого, такие как «Me`yār-e Jamālī» Шамси Фахри Исфохани, «Sharafnā-t Munyārī» Ибрагима Каввоми Фаруки, «Majma`-ul-furs» Сурури Кашани, «Farhang-e Jahāngirī» Хусайна Инджу, «Farhang-e Rashīdī» Абдурашида Таттави и «Burhān-e qāṭi`» Мухаммадхусайна Бурхана, однако в большей степени использовал «Farhang-e Jahāngirī». Некоторые ученые считают эту книгу новой версией «Farhang-e Jahāngirī» и даже говорят, что порядок книги в точности взят из нее. Тем не менее, как показал наш сопоставительный анализ, в толковом словаре Резакулихана Хидаята использованы также и источники, которые по разным причинам не упоминаются в «Farhang-e Jahāngirī», например, «Dasātīr», причем Резакулихан Хидаят цитирует более 600 слов своей работы из этой книги, давая им комментарии и пояснения. Кроме того, поскольку Резакулихан Хидаят жил через несколько столетий после Хусейна Инджу, вполне логично, что круг источников «Anjumanārā-e Nāsirī» был шире, чем «Farhang-e Jahāngirī». Исходя из сказанного, на наш взгляд, «Anjumanārā-e Nāsirī» никак не является какой-либо новой версией «Farhang-e Jahāngirī», а является отдельным толковым словарём персидско-таджикского языка.

11. Резакулихан Хидаят в конце введения пишет: « چون سخن بدین مقام رسید، بعد از این به لغات باید پرداخت این مطالب اتمام گزید، (Когда слово достигло этого места и темы завершены, после этого следует заняться лексикой)» [1, 86]. После этого он в 24 собраниях (частях) приступает к объяснению значений слов, а в конце книги объясняет некоторые персидские и арабские метафоры и аллегории вместе с их поэтическими свидетельствами.

12. Толковый словарь «Anjumanārah-e Nāsirī» является последним обобщающим произведением классической средневековой традиции исследования и объяснения грамматики персидско-таджикского языка. Можно сказать, что Резакулихан Хидаят был первым в истории исследования персидско-таджикского языка и литературы ученым, практически приложившим все усилия, чтобы сломать традицию подражания и освободить грамматику персидско-таджикского языка от влияния грамматики арабского языка, и в этом своем начинании он также достиг определенного успеха. Эта инициатива Резакулихана Хидаята внесла серьезные изменения в процесс исследования истории и систематизации грамматики персидско-таджикского языка и открыла широкий путь для создания персидско-таджикского языка, свободного и независимого от правил грамматики арабского языка.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

I. Первоисточник исследования

1. رضاقلبي خان هدايت. فرهنگ انجمن آرای ناصري. تهران، 1288هـ-ق. 720 ص.

II. Литература на таджикском, русском и английском языках:

2. Ализода, С. Сарфу наҳви тоҷикӣ / С. Ализода. – Душанбе, 2006. – 79 с.
3. Бертельс, Е. Э. История литературы и культуры Ирана (Избранные труды) / Е. Э. Бертельс. Т. V. М.: Наук – 1988. – 563 с.
4. Бозидов, Н. Пайвандакҳо дар забони адабии ҳозираи тоҷик / Н. Бозидов. – Душанбе, 1985. – 104с.
5. Брагинский, И.С. Из истории персидской и таджикской литературы / И.С. Брагинский. – М., 1972. – 524с.
6. Воҳидов, А. Аз таърихи луғатнависи тоҷику форс. Асрҳои X-XIX. / А. Воҳидов. – Самарқанд, 1980. – 57 с.
7. Вочидалихон. Матлаъу-л-улум ва маҷмаъу-л-фунун / Вочидалихон. – Нувалкушур, – 1989 ҳиҷрӣ. – 556 с.
8. Вохидов, А. Структурно-семантическая характеристика лексики в «Гиясул-лугат»: Афтореф. дис... канд. филол. наук / А. Вохидов. – Душанбе, 1975. – 33 с.
9. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик: Нашри академӣ. Фонетика ва морфология. – Душанбе: Дониш, 1985. – Ҷ.1. – 350 с.
10. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик: Нашри академӣ. – Душанбе, 1989. – Ҷ.2. – 220 с.
11. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик: Нашри академӣ. – Душанбе, 1989. – Ҷ.3. – 225с.
12. Ғиёсиддин, М. Ғуёсу-л-луғот / М.Ғиёсиддин – Душанбе, 1987. – Ҷ.1. – 480 с.
13. Ғиёсиддин, М. Ғуёсу-л-луғот / М.Ғиёсиддин – Душанбе, 1988. – Ҷ.2. – 416 с.
14. Джураев, Р. Очерк по истории грамматики таджикского и персидского языков / Р. Джураев. – Душанбе, 1972. – 172 с.

15. Додаров, О.М. Лингвистические вопросы в «Матла‘-ул-улум ва маджама‘-ул-фунун» Воджидалии Муджмали: Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / О.М.Додаров. – Душанбе, 2015. – 163 с.
16. Додхудоев, Р.Х., Таърихи забони тоҷикӣ / Р.Х. Додихудоев. – Душанбе: Дониш, 1988. – 215 с.
17. Душенько, К.В. Большая книга афоризмов / К.В. Душенько. – Москва, 2005. – 550 с.
18. Забони адабии ҳозираи тоҷик. Синтаксис. Китоби дарсӣ барои факултети филологияи мактабҳои олии. Қисми 2. – Душанбе, 1984. – 321 с.
19. Зиндер, Л.Р. Общая фонетика / Л.Р. Зиндер. – Ленинград, 1960. – 336 с.
20. Ильясов, Ф.Б. Лингвистические взгляды Насируддина Туси / Ф.Б. Ильясов. – Душанбе, 2019. – 149 с.
21. Камолиддинов, Б. Масъалаҳои баҳсноки наҳви забони тоҷикӣ / Б. Камолиддинов. – Душанбе, 2003. – 132 с.
22. Капранов, В.А. Форсиязычная (таджикского-персидская) лексикография в Индии XVI-XIX вв. (Основные-персидская): Автореф. дис... докт. филол. наук / В.А. Капранов. – Душанбе, 1973. – 44 с.
23. Капранов, В.А. Лугати фурс Асади Туси и его места в истории таджикской (фарси) лексикографии / В.А. Капранов. – Душанбе, 1974. – 213 с.
24. Касимова, М.Дж. Структура, особенности и место «Словаря таджикского языка» в таджикской лексикографии XX века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.22 / М.Дж. Касимова. - Душанбе, 2013. - 24 с.
25. Касимова М.Н. Синтаксис простого предложения таджикской прозы XI века: Автореф. дис... докт. филол. наук / М.Н. Касимова – Душанбе, 1979. – 41 с.

26. Курбонов, Н.Ф. Лингвистические взгляды Шамса Кайса Рази: Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Н.Ф.Курбонов. – Душанбе, 2015. – 198 с.
27. Қосимова, М.Ҷ. Сохтор, вижагӣ ва мақоми «Фарҳанги забони тоҷикӣ» дар луғатнигории асри XX-и тоҷик: Рисола барои дарёфти дараҷаи илмии номзади илми филология / М.Ҷ. Қосимова. – Хуҷанд, 2013. –143 с.
28. Қосимова, М.Н. Мухтасар оид ба ислоҳоти забоншиносии пешини тоҷик / М.Н. Қосимова. – Душанбе, 2003. – 113 с.
29. Маҷидов, Ҳ. Забони адабии муосири тоҷик: Луғатшиносӣ / Ҳ. Маҷидов. – Душанбе, 2007. – Ҷ.1. – 241 с.
30. Насриддинов, А. Тамоюлотии халқӣ дар насри асрҳои XI-XII / А. Насриддинов. – Душанбе: «Дониш», 1970. – 223 с.
31. Насриддинов, А. Шамсу-л-луғот ва аҳамияти он барои луғатшиносии тоҷик. / А. Насриддинов. – Душанбе: «Ирфон», 1982. –47с.
32. Ниёзмуҳаммадов, Б. Грамматикаи забони тоҷикӣ / Б. Ниёзмуҳаммадов. [Фонетика ва морфология]. – Сталинобод, 1947. – Ҷ.1. –107 с.
33. Нисорӣ Х.Ҳ. Чаҳор гулзор / Х.Ҳ. Нисорӣ. [Таҳиягарони матн, муаллифони пешгуфтор ва мураттибони луғату тавзеҳот Усмони Нозир ва Давлатбеки Хоча]. – Душанбе: Шарқи озод, 1998. – 116 с.
34. Пейсиков, Л.С. Вопросы синтаксиса персидского языка / Л.С. Пейсиков Л.С. – М., – 1959. – 411 с.
35. Пейсиков, Л.С. Лексикология современного персидского языка / Л.С. Пейсиков Л.С. – М., 1975. – 207с.
36. Пейсиков, Л.С. Очерки по словообразованию персидского языка / Л.С. Пейсиков. – М., 2016. – 200с.
37. Растаргуева, В.С. Система таджикского глагола / Растаргуева В.С., А. Керимова. – М.: Наука, 1964. – 291 с.

38. Растаргуева, В.С. Среднеперсидский язык / В.С. Растаргуева. – М.: Наука, 1966. – 166 с.
39. Раҳмон, Э. Забони миллат – ҳастии миллат. Китоби I. / Э. Раҳмон. – Душанбе «Эр-граф», 2016. 492 с.
40. Раҳмон, Э. Забони миллат – ҳастии миллат. Китоби II. / Э. Раҳмон. – Душанбе «Нашриёти муосир», 2020. 432 с.
41. Рауфов, Ҳ.С. Айнӣ ва инкишофи лексикаи забони адабии тоҷик. / Ҳ. Рауфов. – Душанбе, 1978. – 46 с.
42. Раупов, Х. «Фарҳанги джахангири» как источник таджикской персидской лексикографии: Автореф. дис... канд. филол. наук. / Х. Раупов. – Душанбе, 1966. – 30с.
43. Рауфов, Ҳ.С. «Фарҳанги Ҷаҳонгирӣ» ҳамчун сарчашмаи лексикографияи тоҷику форс. /Ҳ. Рауфов. -Душанбе «Дониш», 1973. -191 с.
44. Розӣ, Ш.Қ. Алмуъҷам / Ш.Қ. Розӣ. – Душанбе, 1991. – 463 с.
45. Рубинчик, Ю.А. Лексикография персидского языка / Ю.А. Рубинчик. – М.: Наука, 1991. – 219 с.
46. Рубинчик, Ю.А. Сложные предложения с придаточными определительными в современном персидском языке / Ю.А. Рубинчик. – М., 1959. – 215 с.
47. Рустамов, Ш. Ҷумлаҳои мураккаби тобеъ бо ҷумлаи пайрави сабаб дар забони адабии ҳозираи тоҷик / Ш. Рустамов. – Душанбе, 1968. –124 с.
48. Рустамов, Ш. Мушкилоти синтаксис / Ш. Рустамов. – Душанбе, 1988. – 340 с.
49. Рустамов, Ш. Забон ва замон / Ш. Рустамов. – Душанбе, 1981. – 255с.
50. Рустамов, Ш. Калимасозии исм дар забони адабии ҳозираи тоҷик / Ш. Рустамов. – Душанбе: Дониш, 1972. – 70 с.
51. Рустамов, Ш. Таснифоти ҳиссаҳои нутқ ва мавқеи исм / Ш. Рустамов. – Душанбе: Ирфон, 1972. – 70 с.

52. Саймиддинов, Д. Вожаномай феълҳои паҳлавӣ / Д. Саймиддинов. – Душанбе, 1992. – 71с.
53. Саймиддинов, Д. Вожашиносии форсии миёна / Д. Саймиддинов. – Душанбе, 2001. – 275 с.
54. Саймиддинов, Д. Лингвистическая интерпретация среднеперсидских текстов: АКД / Д. Саймиддинов. – М., 1981. – 19с.
55. Саймиддинов, Д. Фарҳангномаҳои форсии миёна / Д. Саймиддинов. – Душанбе, 1994. – 88с.
56. Саймиддинов Д. Фарҳанги Хузворишҳои Паҳлавӣ / Д. Саймиддинов. – Душанбе, 2008. – 144 с.
57. Салимов Ю. Насри ривоятии форсу тоҷик. / Ю. Салимов. – Душанбе, 1971.
58. Сангинов, А. Словарь «Бахори аджам» и его лексикографическая характеристика / А. Сангинов. – Душанбе: Дониш, 1993. – 184 с.
59. Сино, А. Донишнома: Осори мунтахаб / Абӯалӣ ибни Сино. – Душанбе: Ирфон, 1980. – Ҷ.1. – 477 с.
60. Сино, А. Донишнома: Осори мунтахаб / Абӯалӣ ибни Сино. – Душанбе: Ирфон, 1983. – Ҷ.2. – 560 с.
61. Сино, А. Маҳочир-ул-ҳуруф / А. Сино / Осори мунтахаб. Ҷилди дуюм. - Душанбе: Ирфон, 1980. - С. 228-241.
62. Сулаймонов, С. Становление арабской и таджикской философской терминологии (на базе философского наследия Ибн Сины): дис... док. филол. наук / С. Сулаймонов – Душанбе, 1997. – 365 с.
63. Тоҳиров Қ. Лексикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. / Қ. Тоҳиров. – Душанбе, 1967. – 80 с.
64. Тоҷиев, Д. Воситаҳои алоқаи ҷумлаҳои мураккаби тоҷиб дар забони адабии ҳозираи тоҷик / Д. Тоҷиев. – Душанбе, 1971. – 51 с.
65. Тоҷиев, Д. Ҷумлаҳои мураккаби тоҷиб дар забони адабии ҳозираи тоҷик / Д. Тоҷиев. – Душанбе, 1981. – 218 с.
66. Тусӣ, Н. Асосиқтибос / Н. Тусӣ. – Техрон, 1323 ҳиҷрӣ. – С. 8-48.

67. Халилов, А. Вазифаҳои грамматикӣ бандики изофӣ (и) дар забони адабии ҳозираи тоҷик / А. Халилов. – Душанбе, 1969. – 118 с.
68. Халилов, А. Ибораҳои изофӣ дар забони адабии ҳозираи тоҷик / А. Халилов. – Душанбе, 1964, 1964. – 142 с.
69. Халимов, С. Айни как языковед: Автореф. дис... канд. филол. наук / С. Халимов. – Душанбе, 1964. – 34 с.
70. Хаскашев, Т.Н. Фонетикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. Қисми 1. / Т.Н. Хаскашев. – Душанбе, 1983. – 103 с.
71. Хаскашев, Т.Н. Фонетикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. Қисми 2. / Т.Н. Хаскашев – Душанбе, 1989. – 200 с.
72. Хоҷаев, Д. Вочидалии Муҷмалӣ ва асари ӯ «Матлаъ-ул-улум ва маҷмаъ-ул-фунун» // Маърифати омӯзгор №1, 1992. С. 8-9.
73. Хоҷаев, Д. Ташаккул ва таҳаввули забоншиносии форсу тоҷик дар асрҳои миёна / Д.Хоҷаев. – Душанбе, 1998. – 150 с.
74. Хоҷаев, Д. Хоҷа Ҳасани Нисорӣ ва афкори забоншиносии ӯ / Д. Хоҷаев. - Душанбе, 2004. -108 с.
75. Хоҷаев, Д. Гуфтори нақӯ куҳан нагардад / Д. Хоҷаев. – Душанбе, 2011. – 230 с.
76. Хоҷаев, Д. Афкори забоншиносии тоҷик дар асрҳои X-XVI / Д. Хоҷаев. – Душанбе, 2013. – 341 с.
77. Хоҷаев, Д. Ҷумлаи мураккаби тобеъ бо пайрави муайянкунанда дар забони адабии ҳозираи тоҷик / Д. Хоҷаев. – Душанбе, 2021. – 141 с.
78. Ҳалимов, С. Ҳиссаҳои номии нутқ (исму сифат) дар забони ҳозираи адабии тоҷик / С. Ҳалимов. – Душанбе, 1978. – 136 с.
79. Ҳалимов, С. Таърихи забони адабии тоҷик / С. Ҳалимов. – Душанбе, 1979. – 95 с.
80. Ҳусейнов, Х. Ҷумлаи мураккаби тобеъ бо ҷумлаи пайрави замон дар забони адабии ҳозираи тоҷик / Х. Ҳусейнов – Сталинобод, 1960. – 121с.

81. Шарофиддин, Р. Мақоми забон / Р. Шарофиддин. – Душанбе: Адиб, 1996. – 30 с.
82. Энциклопедияи миллии тоҷик. – Душанбе: Полиграфкомбинат, 2011. – Ҷ.1. – 608 с.
83. Энциклопедияи советии тоҷик. – Душанбе, 1988. – Ҷ. 1. – 672 с.
84. Junker Hch. F.J. (Hrsg.). Das Frahang i Pahlavic in zeichengemässer Anordnung von Heinrich F.J. Junker. Lpz., 1955.
85. Howard Jackson and Etienne Zé Amvela, Words, Meaning, and Vocabulary: An Introduction to Modern English Lexicology. Continuum, 2007. -224 p.
86. Randolph Quirk et al., A Comprehensive Grammar of the English Language, 2nd ed. Longman, 1985. -1779 p.
87. Reichelt H. (Hrsg.). Der Frahang i OIM. // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. Bd. 14. Wien, 1900. Bd. 15. Wien, 1901.

III. Литература на персидском и арабском языках:

88. أبو نصر محمد الفارابي. إحصاء العلوم. مكتبة الخانجي. 2017. ص. 116.
89. بهمن افشانی آقاجری. تصحیح انتقادی فرهنگ انجمن آرای ناصری. تهران، 1397ه. – 2576 ص.
90. پرویز نائل خائلی. دستور زبان فارسی. انتشارات طوسی، 1377. – 367 ص.
91. جلیل نودری، کمال خجندی، رضاقلی خان هدایت، محمد هاشم آسف رستم الحکما. ایران، 1396 – 21 ص.
92. خسرو فرشیپورد. دستور مفصل امروز. - تهران. 1382. 705 ص.
93. دبیرسیاقی سیدمحمد. فرهنگ های فارسی و فرهنگ گنها. – تهران، 1370. – 499 ص.
94. شمس الدین محمد بن محمود آملی. نفائس الفنون فی عرایس العیون. تهران، 1323. – 264 ص.
95. شهریار نقوی. فرهنگ نویسی در هند و پاکستان. تهران، 1341. – 141 ص.
96. شیخ اسدالله ایزدگشسب گلپایگانی درویش ناصرعلی. شمس التواریخ (شرح احوال فقها و حکما و عرفا و شعرا و ادبا). اصفهان، 1325 ش. – 120 ص.
97. محمد تقی. سبکشناسی. جلد-2، تهران، 1359. – 326 ص.
98. محمد جواد شریعت. دستور زبان فارسی. انتشارات اساطیر، تهران، 1344. – 459 ص.
99. محمد جواد مشکور. دستورنامه در صرف و نحو زبان فارسی، تهران، 1349. – 373 ص.
100. مهین بانو صنیع. سیری در دستور زبان فارسی یا سیری در آثار نخستین دستورنویسان زبان فارسی. تهران، 1371. – 336 ص.

101. واجد على خان، مطلع العلوم و مجمع الفنون. نول کشور، 1389-556 ص.
102. همایون فرخ، عبدالرحیم. دستور جامع زبان فارسی. هفت جلد در يك مجلد. - تهران، 1364. 1207 ص.
103. یحیی آرین پور. از صبا تا نیما. جلد اول. تهران، 1350-422 ص.

IV. Толковые словари:

104. Айнӣ, С. Луғати нимтафсилаи тоҷикӣ барои забони адабии тоҷик / С. Айнӣ. Куллиёт. – Ҷ. 12. -Душанбе, 1976. -564 с.
105. Атахонов, Т. Фарҳанги истилоҳоти адабиётшиносӣ / Т. Атахонов. – Душанбе: Шарқи озод, 2002, – 453 с.
106. Деҳхудо А. Луғатнома / А. Деҳхудо. – Техрон, 1337ҳ. – Ҷ.1. – 527 с.
107. Мадрушкатӣ, А.Ҳ. Луғати Абулфазли Майдонӣ «Ас-Сомӣ фи-ласомӣ» / А.Ҳ. Мадрушкатӣ. – Душанбе, 2020, – 368 с.
108. Маликушшуаро, Б. Сабкшиносӣ / Б. Маликушшуаро. – Душанбе: Бухоро, 2012. – 570 с.
109. Маҳмадиев М. Луғати мухтасари синонимҳои тоҷикӣ хур/ М.Маҳмадиев. – Душанбе: «Маориф», 1975 – 256 с.
110. Муҳаммад, А. Фарҳанги луғоти адабӣ / А.Муҳаммад. –Табрез, 1345. -436с.
111. Муҳаммадхусайн, Б. Бурҳони қотей / Б. Муҳаммадхусайн. – Душанбе, 1993. – Ҷ.1. – 416 с.
112. Муҳаммадхусайн, Б. Бурҳони қотей / Б. Муҳаммадхусайн. – Душанбе, 2004. – Ҷ.2. – 424 с.
113. Муҳаммад, Ғ. Ғиёс-ул-луғот / Ғ.Муҳаммад. –Душанбе, 1987. Ҷ.1. – 480 с.
114. Насриддинов, А. Шамсул-луғот ва аҳамияти он барои луғатшиносии тоҷик / А. Насриддинов. Душанбе: Ирфон, 1982. – 43 с.
115. Сирочуддин Алихони Орзу. Чароғи ҳидоят. –Душанбе, 1992. – 288 с.
116. Сулаймонӣ С. Фарҳанги арабӣ-тоҷикӣ /С. Сулаймонӣ. –Душанбе, 2010. – 1546 с.
117. Тӯсӣ, Н. Меъёр-ул-ашъор /Н. Тӯсӣ. – Душанбе: Ориёно, 1992. –152с.

118. Фарҳанги забони тоҷикӣ. – М., 1969. – Ҷ.1. – 951 с.
119. Фарҳанги забони тоҷикӣ. – М., 1969. – Ҷ.2. – 949 с.
120. Фароҳӣ, А. Нисобу-с-сибён /А.Фароҳӣ. –Душанбе: Маориф, 2018. – 40с.
121. اسدى طوسى. لغت فرس. با تصحيح على اشرف صادق، تهران، 1345-245 ص.
122. الخوارزمى الكاتب ابى عبدالله محمد بن احمد بن يوسف. مفاتيح العلوم. تاليف ابى عبدالله محمد بن احمد بن يوسف. ترجمه حسن خديو جم. -انتشارات بنياد فرهنگ ايران، 1347. -330ص.
123. حسين انجو. فرهنگ جهانگيرى. جلد اول. تهران، 1980. - 1334 ص.
124. حسين انجو. فرهنگ جهانگيرى. جلد دوم. تهران، 1980. - 2657 ص.
125. دهخدا على اكبر. لغت نامه (مقدمه). - تهران، 1337-245ص.
126. رضاقلي خان هدايت. فرهنگ انجمن آراى ناصري. تهران، 1288ه-ق. 720 ص.
127. شمس فخر اصفهانى. واژه نامه فارسى. بخش چهارم معيار جمالى. -تهران، 1337- 557 ص.
128. محمد ابن هندوشاه نخجوانى. صحاح الفرس. با اهتمام طاعتى. -تهران، 1341- 394 ص.
129. نصيرالدين طوسى. أساس الإقتباس. - تهران، 1323- 675 ص.

V.Журналы:

130. Айнӣ, С. Оиди вазъияти забоншиносии тоҷик / С. Айнӣ // Шарқи сурх. – 1952. – №6. – С. 3-8.
131. Баевский, С.И. Ранняя персидская лексикография XI-XV веков / С.И. Баевский// АНСССР. Инст.востоковедение. -М.: Наука, 1989, -164 с.
132. Баевский, С.И. Средневековая персидская лексикография / С.И. Баевский // История лингвистических учений. Средневековый Восток. – Л.: Наук, 1981. – С. 115-129.
133. Баевский, С.И. Фарҳанги XI-XV веков ранние комментарии к произведениям классиков персидского-таджикской поэзии / С.И. Баевский// Актуальные проблемы Иранской филологии. – Душанбе, 1982. – С. 35- 40.
134. Герценберг, Л.Г., Саймудинов, Д. Лингвистическая мысль и языковедческая практика в Иране в домонгольское время /Л.Г. Герценберг, Д. Саймудинов // История лингвистических учений. Средневековый восток. – М., 1981. – С. 96-115.

135. Ефимов, В.А. Персидский, таджикский, дари / В.А. Ефимов, В.С. Растрогуева, Е.Н. Шарова // ОИЯ – М., –1982. – С. 5-230.
136. Имронов, С. Сихоҳу-л-фурс-сарчашмаи адабӣ / С. Имронов // Садои Шарқ. – 1980. –№9. – С.91-97.
137. Курбонов, Н. Нақши як пасванд дар аз назари Шамси Қайси Розӣ / Н. Курбонов // Забон рукни тоат (маҷмӯи мақолаҳо). Китоби панҷум. Душанбе, 2011. – 168 с.
138. Курбонов, Н. Лексические заметки Шамса Кайса Рази / Н. Курбонов // Вестник РТСУ (научный журнал) №2 (41). Душанбе, 2013. – 279 с.
139. Пейсиков, Л.С. К истории словаобразования отыменных глаголов в персидском языке / Л.С. Пейсиков // Иранское языкознание. История, этимология, типология: К 75-летию проф. В.И. Абаева. – М., – 1976. – С. 190-199.
140. Рагоза, А.Н. Существительное и прилагательное в среднеперсидских турфанских текстах / А.Н. Рагоза // КСИНА. – 1963. – № 67. – С.118-126.
141. Саймиддинов, Д. Farhangī oīm-ēvak как лингвистический источник / Д. Саймиддинов // ЛИ 1976. Вопросы фонетики, диалектологии и истории языка. – М., 1976. –С. 177-186.
142. Саймиддинов, Д. Farhangī Pahlavik - уровни строя и уровни исследования / Д. Саймиддинов // ЛИ 1979. Вопросы междуровнего анализа языков различных типов. –М., 1979. – С. 204-207.
143. Саймиддинов, Д. Слова, речь в среднеперсидском языке / Д. Саймиддинов // Борбадти художественные тоадиции народов Центральной и Передней Азии: история и современность: Тезисы докладов. – Душанбе, 1990. – С. 183-185.
144. Саймиддинов, Д. Традиционная классификация лексики в среднеперсидских словарях / Д. Саймиддинов // проблемы развития лексического состава индоиранских и семитских языков: Тезисы докладов. –Душанбе, 1987. – С. 20.

145. Сухорокувов, А.Н., Сухорукова, А.В. История изучения грамматики персидского языка в Иране и сопредельных с ним странах до конца 19 века: Ученые записки Таврического национального университета им. В.И.Вернадского (научный журнал). –Украина, 2012. –С.271-278.
146. Таджиев, Д.Т. Слово (Из материалов по таджикско лексикологии) / Д.Т. Таджиев// Труды Института языкознания АН СССР. – М., 1952. – С. – 120-153.
147. Тоҷиев, Д. Дар бораи ҳолҳои итисноӣ / Д. Тоҷиев // Мактаби советӣ. – 1984. – №11. – С. 16-19.
148. Тоҷиев, Д. Дар бораи пуркуандаи истисноӣ / Д. Тоҷиев // Мактаби советӣ. – 1970. – №5. – С. 11-15.
149. Турсунов, А. Абӯалӣ Сино ва мақоми таърихию фарҳангии забони тоҷикӣ // Мушкилоти Ибни Сино (Мероси адаби анъана ва алоқа), Душанбе, 1980. - С, 40-52.
150. Хоҷаев, Д., Қурбонов, Н. Қайдҳои сарфӣи Шамси Қайси Розӣ / Д. Хоҷаев, Н. Қурбонов // Паёми донишгоҳи милли (маҷаллаи илмӣ). Душанбе: «Сино», 2013. №4/1(105). –С.32-35.
151. ابوالقاسم رادفر، بهمن افشانی آقاجری. نقدی بر فرهنگ انجمن آرای ناصری: کهن نامه ادب پارسی. تهران، 1393 – 30 ص.
152. ایران عبدی. بررسی فرهنگ جهانگیری. - مشهد، 1395. – 7 ص.
153. ایرج پور، محمد ابرهیم، نداپازاج عطامحمد رادمنش. بررسی سبک شناسی غزلیات رضاقلی خان هدایت: فصلنامه تخصصی سبک شناسی نظم و نثر فارسی «بهار ادب». ایران، - 1396. – 21 ص.
154. پناهی ثریا. رده شناسی و روانشناسی در فرهنگهای فارسی هند و پاکستان. نامه فرهنگستان. – تهران، 1378، رقم 13. – ص. 152-157.
155. تقی، وحیدیان کامیار. اقسام کلمه. فصلنامه تخصصی ادبیات فارسی. – مشهد، 1386، رقم 15 و 16. – ص. 21-29.
156. صادقپور، حافظ. تاریخچه دستور زبان فارسی. مجله کیهان فرهنگی. – تهران، 2004، رقم 204. – ص. 66-67.
157. صادقی، علی اشرف. علم زبان در ایران باستان. مجله سخن. – تهران، 1349. – ص 29-37.

158. فاطمه وقاری. تصحیح و ویرایش فرهنگ انجمن آرای ناصری (تا پایان انجمن دوم): دانشکده ادبیات و علوم انسانی. تهران، بهمن 89. - 15 ص.
159. کیا صادیق. واژه های معرّب در «فرهنگ جهانگیری» و «برهان قاطع». - تهران، 1357 ه. (1978). - 91 ص.
160. گفتار در صرف و نحو فارسی. - تهران، 1322، رقم 2. - ص. 36-40.
161. لارمی، رضا کریمی، دکتر حسین پارسای. تاریخچه دستورنویسی در جهان، زبان عربی و فارسی. فصلنامه رشد آموزش زبان و ادب فارسی. - تهران، 1398. - ص. 82-85.
162. محمد مهیار. پیشنهاد دستورنویسی برای زبان فارسی. مجله قند پارسی. - تهران، رقم 27/15.
163. معرفی و نقد اصول فرهنگ نویسی. دانشکده ادبیات و علوم انسانی (باهر کرمان) دوره جدید زمستان 1388 شماره 26.
164. مهدی بانی. احوال و آثار رضاقلی خان هدایت معروف به للباشی: پژوهشگاه علوم انسانی و مطالعات فرهنگی. 7 ص.
165. نفیسی سعید. فرهنگ های فارسی. (تاریخ لغت‌نویسی در ایران) مقدمه برهان قاطع باهتمام دکتر محمد معین. جلد اول چاپ چهارم. - تهران، 1341. - ص. 24-77.

VI. Интернет-сайты

166. <http://www.tahoordanesh.com/page/php?pid=16619>
167. <http://aryaaclib.blogfa.com/post-m5.aspx>.
168. <http://www.farkfari.com/m4%20web%20site/books/Dactoor-e-sokhan/Qism1a.htm>.
169. <http://farhangestan-mob.mihanblog.com/exrtrapage>
170. <https://civilica.com/doc/581641/download/>
171. <http://khaghanisharvani.blogfa.com/post/118>
172. <https://ensani.ir/fa/article/335961/>
173. <https://vista.ir/m/a/vdf72>
174. <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/4717111>